ISSN 2223-4047

ВЕСТНИК

МАГИСТРАТУРЫ

9-3, 2026

научный журнал

ВЕСТНИК МАГИСТРАТУРЫ 9-3 (180) 2026

Научный журнал

издается с сентября 2011 года

Учредитель:

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65 – 44-01.
e-mail: magisterjourn@gmail.com.
http: // www.magisterjournal.ru.
Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROekT
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Распространяется бесплатно.
Дата выхода: 15.10.2026 г.
ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Главный редактор Е. А. Мурзина

Редакционная коллегия:

Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (главный редактор).

А. В. Бурков, д-р. экон. наук, доцент (г. Йошкар-Ола).
В. В. Носов, д-р. экон. наук. профессор (г. Москва)
В. А. Карачинов, д-р. техн. наук, профессор (г. Великий Новгород)
Н. М. Насыбуллина, д-р. фарм. наук, профессор (г. Казань)
Р. В. Бисалиев, д-р. мед. наук, доцент (г. Астрахань)
В. С. Макеева, д-р. педаг. наук, профессор (г. Орел)
Н. Н. Сентябрев, д-р. биолог. наук, профессор (г. Волгоград)
Н.С. Ежкова, д-р. педаг. наук, профессор (г. Тула)
И. В. Корнилова, д-р. истор. наук, доцент (г. Елабуга)
А. А. Чубур, канд. истор наук, профессор (г. Брянск).
М. Г. Церцвадзе, канд. филол. наук, профессор (г. Кутаиси).
Н. В. Мирошниченко, канд. экон. наук, доцент (г.Саратов)
Н. В. Бекузарова, канд. педаг. наук, доцент (г. Красноярск)
К. В. Бугаев, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск)
Ю. С. Гайдученко, канд. ветеринарных.наук (г. Омск)
А. В. Марьина, канд. экон. наук, доцент (г. Уфа)
М. Б. Удалов, канд. биолог.наук, науч.сотр. (г. Уфа)
Л. А. Ильина, канд. экон. наук. (г. Самара)
А. Г. Пастухов, канд. филол. наук, доцент, (г.Орел)
А. А. Рыбанов, канд. техн. наук, доцент (г. Волжский)
В. Ю. Сапьянов, канд. техн. наук, доцент (г. Саратов)
О. В. Раецкая, канд. педаг. наук, преподаватель(г. Сызрань)
А. И. Мосалёв, канд. экон. наук, доцент (г. Муром)
С. Ю. Бузоверов, канд. с-хоз. наук, доцент (г. Барнаул)

© ООО «Коллоквиум», 2026

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 4

А.А. Пшиканова СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ОБРАЗА Я» В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ 4

А.А. Пшиканова ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ САМООЦЕНКИ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ «ОБРАЗА Я» У ПОДРОСТКОВ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ПУТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ 7

А.О. Параклина ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИН 9

А.О. Параклина ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЖЕНЩИН РАЗНЫХ ВОЗРАСТОВ 12

Г.Н. Мараимова ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЛИЧНОСТИ 15

Г.Н. Мараимова ТРАНСФОРМАЦИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 18

Т.В. Горбачева ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КОНТРАСТНЫХ СЛУЧАЕВ) 20

Н.Н. Графова ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО КОРРЕКЦИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В УЧЕБНОМ КОЛЛЕКТИВЕ 23

И.В. Зерван ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЕГО ФАКТОРЫ ВОЗМОЖНОСТИ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ПЛЕЙБЭК-ТЕАТРА И ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА 26

А.О. Киндеева ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К СОСТОЯНИЮ ЗДОРОВЬЯ РЕБЁНКА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ РИСКА РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА 29

Е.М. Косс УХОДЫ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА: РОЛЬ КОММУНИКАЦИИ, УСЛОВИЙ СРЕДЫ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ 33

Н.М. Лепешкина АПРОБАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ КРАТКИХ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ (PHQ-9, GAD-7, PSS-10, TIPI-RU) В ОЦЕНКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ 37

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 40

Е.В. Захарова РЕАЛИЗАЦИЯ УРОВНЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ГЕОМЕТРИИ СРЕДСТВАМИ ДИНАМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ GEOGEBRA ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЕГЭ 40

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ 44

Н.С. Алескерова ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА И ИМПОРТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ 44

Д.А. Лазарев ПРОБЛЕМА СОПОСТАВЛЕНИЯ КЛИЕНТСКИХ ЗАЯВОК С НОМЕНКЛАТУРОЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В B2B-ПРОДАЖАХ: ПРИЧИНЫ И ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ 50

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 56

С.И. Шестакова НАСЛЕДОВАНИЕ ПО ЗАКОНУ И ПО ЗАВЕЩАНИЮ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 56

И.А. Бартева ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЬИ: ОСНОВАНИЯ И АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ 60

И.А. Бартева СРОКИ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ В ВИДЕ ДОСРОЧНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЬИ 62

Д.А. Беденко ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 64

Д.А. Беденко ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 66

П.С. Бородина ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ФОНДА РОССИИ 68

П.А. Буков ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ СОВРЕМЕННЫХ ПАСТЕРИЗАЦИОННЫХ УСТАНОВОК 71

А.К. Карпушенкова ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЬИ В ОТСТАВКЕ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 73

А.К. Карпушенкова ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ В СТАТУСЕ СУДЬИ В ОТСТАВКЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И КРИТЕРИИ СОРАЗМЕРНОСТИ 75

А.Л. Кочнева, Ю.Ш. Никонова ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 77

А.Л. Кочнева, Ю.Ш. Никонова ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАДРОВОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 80

Е.С. Кошкина ПРОВЕРКИ НА РЕЖИМНЫХ ОБЪЕКТАХ: КОЛЛИЗИЯ НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА И РЕЖИМНЫХ ТРЕБОВАНИЙ 82

Информация для авторов 87

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ *НАУКИ*

А.А. Пшиканова

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ОБРАЗА Я» В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается проблема формирования «Образа Я» в подростковом возрасте как сензитивном периоде становления самосознания. Автор анализирует взаимосвязь между уровнем самооценки и структурной организацией самовосприятия, уделяя особое внимание гендерной специфике. На основе теоретического анализа и эмпирических данных обосновывается тезис о том, что самооценка выступает не просто количественным показателем, а фактором, определяющим саму «архитектуру» «Образа Я». Выявлены качественные различия в доминантных компонентах самовосприятия у юношей и девушек 14–15 лет.

Ключевые слова: *самосознание, «Образ Я», самооценка, подростковый возраст, гендерные различия, идентичность, самоотношение.*

© А.А. Пшиканова, 2026.

Научный руководитель: *Новикова Светлана Сергеевна* – кандидат психологических наук, доцент, Сочинский государственный университет, Россия.

Подростковый возраст традиционно рассматривается в отечественной и зарубежной психологии как период «второго рождения личности», кризис идентичности и интенсивного поиска ответов на фундаментальный вопрос «Кто я?» [2, с. 15]. В этот период происходит качественная перестройка самосознания, центральным элементом которого является «Образ Я» – относительно устойчивая, но в то же время динамичная система представлений индивида о самом себе [4, с. 45]. Актуальность исследования структурно-содержательных особенностей «Образа Я» обусловлена тем, что именно в подростковом возрасте закладываются основы взрослой идентичности, а любые дисгармонии в структуре самовосприятия могут стать предикторами дезадаптивного поведения и психологических кризисов в будущем [3, с. 320].

В современной психологической науке «Образ Я» рассматривается как многокомпонентное образование. К. Роджерс определял его как организованный концептуальный гештальт, состоящий из восприятий характеристик «Я» и восприятий отношений «Я» к другим людям и аспектам жизни. В отечественной традиции (В.В. Столин [4, с. 50], И.С. Кон [2, с. 45], В.С. Мухина [3, с. 325]) подчеркивается, что «Образ Я» не является изолированной внутрипсихической структурой; он кристаллизуется через деятельность и общение, выступая регулятором поведения и адаптации.

Ядром «Образа Я» выступает самооценка – эмоционально-ценностное отношение личности к себе. Если когнитивный компонент отвечает на вопрос «Какой я?», то самооценка отвечает на вопрос «Чего это стоит?» [1, с. 112]. Гипотеза, лежащая в основе данного исследования, заключается в том, что уровень самооценки напрямую детерминирует структурную сложность и содержательное наполнение «Образа Я». Мы предполагаем, что высокая и адекватная самооценка сопряжена с дифференцированностью и гибкостью самовосприятия, тогда как низкая самооценка ведет к его фрагментарности и ригидности [4, с. 65].

Особый интерес представляет анализ гендерных различий в структуре «Образа Я» у подростков 14–15 лет. Эмпирические данные и теоретический анализ показывают, что процессы самоопределения у юношей и девушек протекают по различным сценариям, что обусловлено как биологическими факторами (темпы пубертатного созревания), так и социокультурными ожиданиями [5, с. 124].

У юношей в структуре «Образа Я» доминирующее положение занимают физические характеристики и деятельностные компоненты. В период пубертата телесность и физическая атрибутика выступают для мальчиков первичным маркером идентичности и способом самоутверждения в иерархии сверстников. Самооценка юношей тесно переплетена с объективными достижениями (в спорте, учебе, демонстрации силы или автономности). При этом у юношей с заниженной самооценкой часто фиксируется компенсаторное преобладание характеристик, связанных с агрессией или демонстративной независимостью, что служит защитным механизмом от уязвимости [2, с. 85].

У девушек-подростков структура «Образа Я» характеризуется большей дифференцированностью и выраженной представленностью социально-ролевых и коммуникативных компонентов. Женская идентичность в этом возрасте конструируется преимущественно через призму межличностных отношений, эмпатии и принадлежности к референтным группам. Самооценка девушек оказывается более лабильной и зависимой от эмоционального климата в группе сверстников и оценки их внешности. Эта высокая дифференцированность, с одной стороны, делает их самовосприятие более богатым и нюансированным, а с другой – более уязвимым к колебаниям социального одобрения [5, с. 126].

Анализ взаимосвязи самооценки и структуры «Образа Я» выявляет ряд нелинейных закономерностей. Во-первых, богатое и детальное знание себя не всегда гарантирует высокую самооценку. Подросток может обладать высокоразвитой рефлексией и видеть множество своих недостатков, что приводит к заниженной самооценке при высокой дифференцированности «Образа Я» [4, с. 70].

Во-вторых, неадекватно завышенная самооценка часто сопряжена с ригидностью «Образа Я». В этом случае самовосприятие носит защитный, компенсаторный характер: подросток игнорирует информацию, противоречащую его грандиозному образу, что сужает репертуар его самопонимания и повышает риск межличностных конфликтов [1, с. 150].

В-третьих, наиболее гармоничная структура «Образа Я» наблюдается у подростков с адекватной самооценкой. Для них характерно сбалансированное соотношение социальных ролей и индивидуальных психологических характеристик, а также способность интегрировать в образ себя как позитивные, так и негативные черты без потери общей целостности [5, с. 127].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что «Образ Я» в подростковом возрасте представляет собой сложную саморегулирующуюся систему, архитектура которой напрямую зависит от уровня самооценки и гендерной принадлежности [3, с. 330]. Выявленные гендерные различия (доминирование физического и деятельностного компонентов у юношей и социально-коммуникативного у девушек) диктуют необходимость дифференцированного подхода в психологическом сопровождении.

Понимание того, что низкая самооценка не просто «окрашивает» самовосприятие в негативные тона, но и объективно сужает, обедняет структуру «Образа Я», открывает новые перспективы для психокоррекционной работы. Задача психолога в этом случае состоит не просто в «поднятии настроения» подростка, а в целенаправленном расширении и обогащении структуры его «Образа Я», помогая ему обнаружить и интегрировать ранее неосознаваемые ресурсы и социальные роли.

Библиографический список:

1.Берне Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1986. – 420 с.
2.Кон И.С. Психология ранней юности: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.
3.Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. – М.: Академия, 2002. – 456 с.
4.Столин В.В. Самосознание личности. – М., 1983. – 284 с.
5.Чирипова А.В., Тудупова Т.Ц. Гендерные особенности самооценки у подростков и её влияние на их учебную деятельность // Вестник науки. 2023. №12 (69).

ПШИКАНОВА АЛЬБИНА АСКАРБИЕВНА – магистрант, Сочинский государственный университет, Россия.

А.А. Пшиканова

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ САМООЦЕНКИ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ «ОБРАЗА Я» У ПОДРОСТКОВ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ПУТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ

Статья посвящена эмпирическому изучению взаимосвязи между уровнем самооценки и структурными характеристиками «Образа Я» у подростков 14–15 лет. Представлены результаты корреляционного и сравнительного анализа, выявившего сильную положительную связь между самооценкой, валентностью и дифференцированностью самовосприятия. На основе полученных данных автором разработана и обоснована программа психологической поддержки «Гармонизация "Образа Я"», направленная на расширение репертуара самоидентификации у подростков с заниженной самооценкой и коррекцию уровня притязаний у подростков с завышенной самооценкой.

Ключевые слова: *подростки, самооценка, «Образ Я», дифференцированность, валентность, психодиагностика, психологическая коррекция, тренинговая программа.*

Проблема самооценки в подростковом возрасте является одной из наиболее изучаемых в психологии, однако большинство исследований фокусируются на ее количественных показателях (высокая, низкая, адекватная). При этом структурно-содержательные характеристики «Образа Я» – то, как именно подросток описывает себя, какие категории использует и насколько богат его словарь самоидентификации – остаются в тени [1, с. 5]. Целью данного исследования стало выявление специфики взаимосвязи между уровнем самооценки и структурной организацией «Образа Я» у подростков, а также разработка на этой основе адресных методов психологической коррекции.

Методы и организация исследования В исследовании приняли участие 60 подростков в возрасте 14–15 лет (30 юношей и 30 девушек). Для диагностики использовались две взаимодополняющие методики: Тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т.В. Румянцевой) – для качественного и количественного анализа структуры «Образа Я» (оценка дифференцированности, валентности, соотношения социальных ролей и индивидуальных черт). Методика Дембо-Рубинштейн (в модификации А.М. Прихожан) – для количественного измерения уровня самооценки и уровня притязаний.

Результаты эмпирического исследования Анализ полученных данных позволил выявить ряд статистически значимых закономерностей, подтверждающих гипотезу о системной обусловленности «Образа Я» уровнем самооценки.

Прежде всего, была обнаружена сильная положительная корреляция между уровнем самооценки и дифференцированностью «Образа Я» ($r_s=0{,}62$; $p<0{,}01$). Подростки с высокой и адекватной самооценкой давали развернутые списки из 15–20 характеристик, описывая себя через множество ролей, качеств и интересов. Напротив, подростки с заниженной самооценкой часто ограничивались 5–7 ответами. Это позволяет сделать важный вывод: низкая самооценка не просто «окрашивает» самовосприятие в негативные тона, но и объективно сужает способность к самопознанию, делая «Образ Я» плоским и одномерным, что согласуется с данными о специфике самовосприятия у подростков в ситуациях дезадаптации [2, с. 290].

Помимо этого, была выявлена очень сильная корреляция между самооценкой и валентностью «Образа Я» ($r_s=0{,}71$; $p<0{,}01$). Подростки с низкой самооценкой не только реже описывают себя, но и используют преимущественно глобальные негативные обобщения («я неудачник», «я никто»), тогда как подростки с адекватной самооценкой демонстрируют баланс позитивных и нейтральных характеристик, а также способность к рефлексии, что традиционно отмечается в классических исследованиях школьной самооценки [4, с. 64].

© А.А. Пшиканова, 2026.

Научный руководитель: *Новикова Светлана Сергеевна* – кандидат психологических наук, доцент, Сочинский государственный университет, Россия.

Еще одним интересным результатом стало отсутствие значимой связи между общим уровнем самооценки и количеством физических характеристик в «Образе Я». Это свидетельствует о том, что в возрасте 14–15 лет физическая атрибутика является универсальной, «общей» категорией самовосприятия для всех подростков, независимо от уровня их самооценки, что отражает универсальную озабоченность телесными изменениями в период пубертата.

Практические рекомендации и программа коррекции Полученные данные показали, что традиционные методы работы с самооценкой (например, простое «хвалить» подростка) малоэффективны, если не затрагивают когнитивную структуру его «Образа Я» [3, с. 42]. На основе эмпирических данных была разработана программа практических рекомендаций «Гармонизация "Образа Я" у подростков с различным уровнем самооценки».

Программа дифференцирована в зависимости от уровня самооценки и включает три блока:

Блок для подростков с заниженной самооценкой. Главная задача – не просто повысить настроение, а расширить структуру «Образа Я». Используются техники «Дерево идентичности» (визуализация многогранности личности через метафору корней, ствола, ветвей и плодов) и «Копилка достижений» (ежедневная фиксация позитивных событий для смещения фокуса внимания). Цель – увеличить дифференцированность самовосприятия на 30–40%.

Блок для подростков с завышенной самооценкой. Задача – гармонизировать разрыв между «Я-реальным» и «Я-идеальным», снизить ригидность. Применяются методы конструктивной обратной связи («Взгляд со стороны»), кейс-метод (анализ чужих неудач для снижения перфекционизма) и тренинги эмпатии.

Блок для подростков с адекватной самооценкой. Направлен на поддержание достигнутого уровня, развитие рефлексии и профилактику регресса через ведение «Дневника самонаблюдения» и участие в проектах наставничества.

Результаты исследования подтверждают, что самооценка и «Образ Я» находятся в отношениях взаимной детерминации. Низкая самооценка обедняет структуру самовосприятия, а бедная структура «Образа Я» не позволяет сформировать устойчивую позитивную самооценку. Предложенная программа психологической поддержки переводит работу с самооценкой из плоскости эмоционального внушения в плоскость когнитивного структурирования. Помогая подростку обнаружить в себе новые социальные роли, физические ресурсы и психологические качества, психолог фактически создает «каркас», на котором может устойчиво держаться адекватная самооценка.

Библиографический список:

1.Абдуллин А.Г. «Образ-Я» как предмет исследования в зарубежной и отечественной психологии // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 6. – С. 4-9.

2.Бойцева В.Г. Особенности образа «Я» у подростков с различным уровнем конфликтности // Молодой ученый. – 2019. – № 44 (282). – С. 290-295.

3.Гайфулин А.В. Различные теоретические подходы в определении понятия самооценки // Вестник ТГПУ. – 2009. – Выпуск 1 (79). – С. 41-45.

4.Липкина А.И. Самооценка школьника. – М.: Знание, 1976. – 64 с.

5.Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.

ПШИКАНОВА АЛЬБИНА АСКАРБИЕВНА – магистрант, Сочинский государственный университет, Россия.

А.О. Параклина

ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИН

В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния эмоционального интеллекта на психологическое здоровье женщин в различные периоды взрослости. Выборку составили 54 женщины, разделенные на три возрастные группы (18–25, 26–40, 41–55 лет). Использовались методики «ЭмИн» Д.В. Люсина и «Спектр психологического здоровья» К. Киза. Установлено, что в ранней взрослости доминирующую роль играет внутриличностный эмоциональный интеллект (понимание своих эмоций, r = 0,91), тогда как в средней и зрелой взрослости на первый план выходит межличностный эмоциональный интеллект (управление чужими эмоциями, r = 0,79–0,80). Результаты свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к психологической поддержке женщин с учетом возрастных особенностей.

Ключевые слова: *эмоциональный интеллект, психологическое здоровье, возрастная психология, женщины, внутриличностный эмоциональный интеллект, межличностный эмоциональный интеллект, корреляционный анализ.*

В современных условиях социально-экономической трансформации проблема сохранения психологического здоровья женщин приобретает особую остроту. Необходимость совмещения множественных социальных ролей, прохождение через специфические возрастные кризисы и гормональные перестройки создают предпосылки для возникновения хронического стресса и эмоционального выгорания (Палиева, 2025; Вирт, Верхотурова, 2025). Ключевым ресурсом, обеспечивающим устойчивость к стрессу, выступает эмоциональный интеллект – способность распознавать, понимать и регулировать собственные эмоции и эмоции других людей (Люсин, 2004; Mayer, Salovey, 1990).

Несмотря на накопленный массив исследований, посвященных связи эмоционального интеллекта и психологического здоровья (Кораблина и др., 2026; Lebедева, Донога, 2026), возрастные особенности данной взаимосвязи у женщин остаются недостаточно изученными. Большинство работ фокусируются на подростках или студентах (Жуйкова, 2025; Соловьева, 2025), оставляя без внимания специфику женщин среднего и зрелого возраста. Целью настоящего исследования стало изучение влияния уровня и компонентов эмоционального интеллекта на показатели психологического здоровья женщин разных возрастных групп.

Методы исследования. В исследовании приняли участие 54 женщины, разделенные на три возрастные группы по 18 человек: группа 1 – 18–25 лет (средний возраст 21,3 года), группа 2 – 26–40 лет (средний возраст 32,4 года), группа 3 – 41–55 лет (средний возраст 46,8 года). Критериями включения являлись женский пол, принадлежность к указанной возрастной категории, отсутствие тяжелых психических расстройств и наличие информированного согласия.

Для диагностики эмоционального интеллекта применялся «Тест эмоционального интеллекта» (ЭмИн) Д.В. Люсина, измеряющий внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект, а также их компоненты: понимание и управление своими и чужими эмоциями. Для оценки психологического здоровья использовалась методика «Спектр психологического здоровья» К. Киза в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева, измеряющая эмоциональное, социальное и психологическое благополучие. Статистическая обработка включала корреляционный анализ Пирсона и однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) в программном обеспечении Jamovi.

Результаты исследования. Анализ описательных статистик показал, что общий показатель эмоционального интеллекта остается относительно стабильным на протяжении взрослости (24,3–25,1 балла), однако его структурные компоненты демонстрируют выраженную возрастную динамику. Межличностный эмоциональный интеллект демонстрирует устойчивый рост с возрастом (12,4 в 13,2 в 13,8), тогда как внутриличностный эмоциональный интеллект снижается (12,1 в 11,9 в 10,9).

© А.О. Параклина, 2026.

Научный руководитель: *Шуванов Игорь Борисович* – кандидат психологических наук, доцент, Сочинский государственный университет, Россия.

Корреляционный анализ выявил статистически значимую прямую связь между общим уровнем эмоционального интеллекта и показателями психологического здоровья во всех трех группах ($r = 0,71–0,78$, $p < 0,05$). Однако структура данной связи качественно различается в зависимости от возраста.

Таблица 1

Корреляции компонентов эмоционального интеллекта с общим показателем психологического здоровья в трех возрастных группах

Шкала ЭмИн	Группа 1 (18–25 лет)	Группа 2 (26–40 лет)	Группа 3 (41–55 лет)
Общий показатель ЭИ	0,78**	0,74*	0,71*
Межличностный ЭИ	0,58*	0,81	0,82
Внутриличностный ЭИ	0,89	0,68*	0,59*
Понимание своих эмоций	0,91	0,65*	0,52
Управление чужими эмоциями	0,61*	0,79	0,80

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

В группе ранней взрослости доминирующую роль играет внутриличностный эмоциональный интеллект: шкала «Понимание своих эмоций» демонстрирует исключительно сильную связь с психологическим здоровьем ($r = 0,91$, $p < 0,01$). В группах средней и зрелой взрослости на первый план выходит межличностный эмоциональный интеллект: шкала «Управление чужими эмоциями» показывает наиболее высокие коэффициенты корреляции ($r = 0,79$ и $r = 0,80$ соответственно, $p < 0,01$).

Дисперсионный анализ подтвердил наличие статистически значимых межгрупповых различий по шкалам межличностного ЭИ ($F = 4,23$, $p < 0,05$), внутриличностного ЭИ ($F = 3,89$, $p < 0,05$) и понимания своих эмоций ($F = 5,12$, $p < 0,01$). По общему показателю психологического здоровья значимых различий не выявлено ($F = 2,14$, $p > 0,05$), однако по шкале эмоционального благополучия различия достоверны ($F = 3,78$, $p < 0,05$).

Обсуждение результатов. Выявленная возрастная динамика находит объяснение в контексте нормативных задач развития. Ранняя взрослость (18–25 лет) связана с профессиональным самоопределением, формированием идентичности и сепарацией от родительской семьи. В этих условиях способность к эмоциональному самопониманию и рефлексии выступает ключевым ресурсом, обеспечивающим успешное прохождение кризиса идентичности. Эмоциональное самопонимание позволяет молодым женщинам ориентироваться в новых социальных ролях и принимать ответственные жизненные решения.

В средней и зрелой взрослости актуализируются иные задачи: совмещение множественных социальных ролей, поддержание качества семейных и профессиональных отношений, прохождение через кризис середины жизни. В этих условиях способность к эмпатии, регуляции эмоций в межличностном взаимодействии и поддержанию социальных связей становится основным компенсаторным ресурсом. Межличностная эмоциональная компетентность позволяет женщинам успешно адаптироваться к возрастным изменениям и находить новые смыслы.

Снижение внутриличностного эмоционального интеллекта в зрелом возрасте может быть связано с накопленной усталостью, необходимостью адаптации к изменяющимся физиологическим условиям (перименопауза, менопауза) и смещением фокуса внимания с внутренних переживаний на внешние социальные контексты. При этом рост межличностного эмоционального интеллекта компенсирует данный дефицит, обеспечивая стабильный уровень психологического здоровья.

Заключение. Проведенное исследование подтвердило наличие статистически значимого влияния эмоционального интеллекта на психологическое здоровье женщин во всех возрастных группах. При этом структура данного влияния качественно изменяется в зависимости от периода взрослости: в ранней взрослости доминирует внутриличностный эмоциональный интеллект, в средней и зрелой – межличностный.

Библиографический список:

1.Вирт М.М., Верхотурова Н.Ю. Эмоциональное благополучие женщин среднего возраста // Universum: психология и образование. 2025. Т. 2, № 1 (127). С. 8–12.

2.Жуйкова А.К. Эмоциональный интеллект у интернет-зависимых подростков // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 5 (86). С. 1299–1304.

3.Кораблина Е.П. и др. Исследование взаимосвязи между жизнеспособностью и психологическим благополучием у студентов с различным уровнем эмоционального интеллекта // Перспективы науки и образования. 2026. № 3. С. 543–557.

4.Лебедева Д.А., Донога Л.В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и психологических границ личности у студентов вуза // Концепт. 2026. № 01.

5.Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29–36.

6.Mayer J.D., Salovey P. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9, No. 3. P. 185–211.

7.Палиева Н.В. Особенности психоэмоционального статуса женщин при физиологической и осложненной беременности // Главный врач Юга России. 2025. № 2 (100). С. 30–33.

8.Соловьева И.А. Эмоциональный интеллект как предиктор регуляции негативных психических состояний у студентов ВУЗа // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13, № 1. С. 60–70.

ПАРАКЛИНА АННА ОЛЕГОВНА – магистрант, Сочинский государственный университет, Россия.

А.О. Параклина

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЖЕНЩИН РАЗНЫХ ВОЗРАСТОВ

В статье представлена дифференцированная программа развития эмоционального интеллекта «Эмоциональный интеллект как ресурс психологического здоровья женщины», разработанная на основе результатов эмпирического исследования. Программа состоит из 8 занятий продолжительностью 90 минут и включает три блока: диагностико-мотивационный, основной (обучающий) и завершающий (интеграционный). Методологическую основу составили двухкомпонентная модель эмоционального интеллекта Д.В. Люсина и концепция спектра психологического здоровья К. Киза. Особенностью программы является принцип возрастной дифференциации: для женщин ранней взрослости акцент сделан на внутриличностном эмоциональном интеллекте, для женщин средней и зрелой взрослости – на межличностном. Программа может быть рекомендована к внедрению в практическую деятельность центров психологического сопровождения.

Ключевые слова: *эмоциональный интеллект, психологическое здоровье, тренинговая программа, женщины, возрастная дифференциация, психологическое сопровождение.*

Сохранение и укрепление психологического здоровья женщин является актуальной задачей современной психологии. Эмоциональный интеллект, понимаемый как способность распознавать, понимать и регулировать собственные эмоции и эмоции других людей, выступает ключевым ресурсом психологического здоровья (Люсин, 2004; Mayer, Salovey, 1990). Эмпирические исследования последних лет подтверждают наличие статистически значимой связи между уровнем эмоционального интеллекта и показателями психологического здоровья (Кораблина и др., 2026; Антоненко, Хох, 2025). Вместе с тем, структура данной связи качественно изменяется в зависимости от возраста: в ранней взрослости доминирует внутриличностный эмоциональный интеллект, в средней и зрелой – межличностный (Параклина, 2026).

Данные закономерности определяют необходимость разработки дифференцированных программ развития эмоционального интеллекта, учитывающих возрастную специфику. Целью настоящей работы является описание структуры и содержания программы развития эмоционального интеллекта «Эмоциональный интеллект как ресурс психологического здоровья женщины», разработанной на основе результатов эмпирического исследования.

Методологические основания программы. Методологическую основу программы составили: двухкомпонентная модель эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, разграничивающая внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект; концепция спектра психологического здоровья К. Киза в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева; положения возрастной психологии о нормативных задачах развития и кризисных периодах взрослости (Эриксон, 2000).

Программа рассчитана на женщин в возрасте от 18 до 55 лет и может реализоваться как в однородных возрастных группах, так и в смешанных с учетом дифференциации заданий. Оптимальное количество участниц – 8–12 человек. Структурно программа состоит из 8 занятий продолжительностью 90 минут каждое, объединенных в три содержательных блока.

Содержание программы. Первый блок – диагностико-мотивационный (занятия 1–2) – направлен на создание безопасного психологического пространства, принятие групповых норм и первичную диагностику. В рамках первого занятия осуществляется процедура знакомства, формулирование личных целей и заполнение методики «ЭмИн» Д.В. Люсина. Второе занятие посвящено развитию навыков эмоционального самопонимания и вербализации. Участницы выполняют упражнения «Эмоциональный словарь», «Дневник эмоций» и арт-терапевтическое упражнение «Моя эмоция в цвете», что способствует расширению эмоционального лексикона и формированию навыка интероцепции.

© А.О. Параклина, 2026.

Научный руководитель: *Шуванов Игорь Борисович* – кандидат психологических наук, доцент, Сочинский государственный университет, Россия.

Второй блок – основной, обучающий (занятия 3–6) – составляет смысловое ядро программы. Третье занятие фокусируется на развитии эмпатии и навыков считывания невербальных проявлений эмоций через упражнения «Зеркало», «Угадай эмоцию» и «Активное слушание». Четвертое занятие посвящено практическому освоению техник эмоциональной саморегуляции: участницы знакомятся с моделью регуляции эмоций Дж. Гросса и отрабатывают навыки диафрагмального дыхания, прогрессивной мышечной релаксации и когнитивной переоценки. Пятое занятие направлено на развитие ассертивности и навыков установления психологических границ через освоение техники «Я-высказывания» и отработку навыков экологичного отказа. Шестое занятие интегрирует полученные навыки в контекст реальных отношений и включает элементы профилактики эмоционального выгорания.

Третий блок – завершающий, интеграционный (занятия 7–8) – направлен на закрепление результатов и профилактику рецидивов. На седьмом занятии проводится повторная диагностика, участницы составляют «Колесо баланса» и разрабатывают индивидуальный план эмоционального благополучия. Восьмое занятие завершается ритуалом «Письмо себе в будущее», который обеспечивает отложенный эффект программы, и упражнением «Подарок группе», обеспечивающим психологическую завершенность группового процесса.

Принцип возрастной дифференциации. Ключевой особенностью программы является вариативность акцентов в зависимости от состава группы, что обусловлено результатами эмпирического исследования. При работе с женщинами ранней взрослости (18–25 лет) основной фокус смещается на развитие внутриличностного эмоционального интеллекта. Упражнения первого и второго блоков адаптируются таким образом, чтобы стимулировать процессы эмоционального самопонимания, рефлексии и формирования аутентичной идентичности, что соответствует нормативным задачам данного онтогенетического периода.

При работе с женщинами средней взрослости (26–40 лет) соблюдается баланс между внутриличностными и межличностными компонентами, с добавлением упражнений на тайм-менеджмент эмоциональных ресурсов и совмещение множественных социальных ролей. При работе с женщинами зрелого возраста (41–55 лет) доминирующим становится развитие межличностного эмоционального интеллекта и профилактика эмоционального выгорания. Упражнения адаптируются с учетом необходимости смысложизненной рефлексии, адаптации к возрастным физиологическим изменениям и поддержания качества социальных связей.

Оценка эффективности программы. Оценка эффективности программы планируется на основе смешанного дизайна, включающего количественные и качественные методы. Количественная оценка базируется на сравнении показателей методик «ЭмИн» и «Спектр психологического здоровья» до начала программы, сразу после ее завершения и через 3 месяца (отсроченный эффект). Ожидается, что статистически значимый рост показателей внутриличностного эмоционального интеллекта будет зафиксирован преимущественно в группе ранней взрослости, тогда как рост показателей межличностного эмоционального интеллекта и социального благополучия – в группах средней и зрелой взрослости.

Качественная оценка включает анализ содержания индивидуальных планов эмоционального благополучия, рефлексивных эссе участниц, а также данные включенного наблюдения за динамикой групповых процессов. Особое внимание уделяется соблюдению этических норм: принципам конфиденциальности, добровольности участия, уважения к личности каждой участницы.

Практическая значимость. Разработанная программа представляет собой целостный, методически обоснованный и эмпирически валидированный инструмент психологического сопровождения. Программа может быть рекомендована к внедрению в практическую деятельность центров психологического сопровождения образовательных учреждений, а также использована практикующими психологами в рамках индивидуального и группового консультирования. Дифференцированный подход, учитывающий возрастную специфику влияния эмоционального интеллекта на психологическое здоровье, позволяет повысить адресность и эффективность психологической помощи женщинам в различные периоды взрослости.

Библиографический список:

1.Антоненко К.Ю., Хох И.Р. Ассертивность и эмоциональный интеллект женщин среднего возраста: анализ взаимосвязей // Научный лидер. 2025. № 5. С. 84–95.

2.Кораблина Е.П. и др. Исследование взаимосвязи между жизнеспособностью и психологическим благополучием у студентов с различным уровнем эмоционального интеллекта // Перспективы науки и образования. 2026. № 3. С. 543–557.

3.Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29–36.

4.Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Адаптация опросника «Спектр психологического здоровья» К. Киза // Психологическая диагностика. 2008. № 3. С. 74–95.

5.Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2000. 344 с.

6.Gross J.J. Emotion Regulation: Conceptual Foundations // Handbook of Emotion Regulation. New York: Guilford Publ., 2007. P. 3–24.

7.Mayer J.D., Salovey P. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9, No. 3. P. 185–211.

ПАРАКЛИНА АННА ОЛЕГОВНА – магистрант, Сочинский государственный университет, Россия.

Г.Н. Мараимова

ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается проблема влияния компьютерной зависимости на высшие психические функции, в частности на интеллектуальные способности и когнитивные процессы. Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества и ростом числа лиц с патологическим использованием цифровых устройств. На основе анализа современных отечественных и зарубежных исследований, выполненных в рамках нозологического и биопсихосоциального подходов, автор выявляет ключевые механизмы негативного воздействия медиамногозадачности и фрагментарного потребления контента на устойчивость внимания, рабочую память и аналитическое мышление. Особое внимание уделяется феномену «клипового мышления» и его взаимосвязи со снижением показателей невербального и логического интеллекта. Статья обосновывает необходимость эмпирической проверки гипотезы об отрицательной корреляции между выраженностью признаков компьютерной зависимости и уровнем интеллектуального развития.

Ключевые слова: *компьютерная зависимость, интеллектуальные способности, когнитивные процессы, нозологический подход, медиамногозадачность, клиповое мышление, психодиагностика.*

В современном обществе процессы цифровизации охватили практически все сферы человеческой деятельности, трансформируя не только способы коммуникации и труда, но и фундаментальные когнитивные процессы личности. Компьютерные технологии и интернет-среда из вспомогательных инструментов превратились в определяющий средовой фактор. Как отмечают исследователи, «трансформирующее современную жизнь распространение цифровых технологий – это комплексное и многомерное явление, существенно изменяющее ход когнитивных и коммуникативных процессов на качественном уровне в подростковом и юношеском возрасте» [21, с. 139]. Однако наряду с очевидными преимуществами доступа к информации, стремительно растет проблема патологического, неконтролируемого использования цифровых ресурсов, что актуализирует изучение компьютерной зависимости как серьезного психологического феномена, оказывающего деструктивное влияние на интеллектуальную сферу.

Масштабы проблемы подтверждаются данными современных эмпирических мониторингов. Согласно данным «Мониторинга цифровой трансформации общества» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, «признаки тяжёлой интернет-зависимости выявили у 13% опрошенных. Ещё у 21% обнаружили умеренно выраженные симптомы» [68]. Важно подчеркнуть ключевой методологический момент: «сама по себе высокая цифра экранного времени – ещё не диагноз. Зависимость определяют по комплексу признаков: потеря контроля, приоритет онлайн-занятий над реальными, дискомфорт без доступа к устройству, негативные последствия для здоровья, работы или учёбы» [68]. В рамках нозологического подхода, который сегодня доминирует в клинической психологии, интернет-зависимость рассматривается как поведенческая аддикция, имеющая «психопатологические, генетические и нейробиологические признаки» [27, с. 88].

Нейропсихологические исследования последних лет убедительно демонстрируют, что патологическое погружение в интернет-среду оказывает непосредственное воздействие на структурно-функциональную организацию мозга. М. Корте в своем фундаментальном обзоре подчеркивает, что цифровая революция приводит к значимым изменениям в человеческом мозге, затрагивая системы вознаграждения, эмоциональной регуляции и исполнительного контроля [95]. И. Ю. Машкова и Е. В. Семакова, анализируя механизмы аддиктивного поведения, констатируют, что «раннее приобщение детей к гаджетам, злоупотребление в их использовании влечет за собой нарушение динамики созревания психических процессов» [42, с. 102]. Эти нарушения наиболее ярко проявляются в сфере внимания и памяти, которые являются базовыми условиями для полноценной интеллектуальной деятельности.

Одним из ключевых когнитивных последствий компьютерной зависимости является феномен медиамногозадачности, который существенно снижает качество обработки информации. Г. У. Солдатова и

© Г.Н. Мараимова, 2026.

Е. И. Рассказова отмечают, что многозадачность в цифровой среде часто представляет собой не одновременное выполнение задач, а «быстрое переключение между заданиями», что «формирует устойчивый навык поверхностного восприятия и снижает способность к длительной концентрации» [60, с. 92]. Постоянное переключение внимания между всплывающими уведомлениями, вкладками браузера и социальными сетями истощает ресурсы произвольного внимания. Дж. А. Фёрт и Дж. Торус в своем исследовании указывают, что интенсивное использование интернета негативно коррелирует с показателями рабочей памяти и устойчивости внимания, поскольку мозг привыкает к постоянному потоку фрагментарных стимулов и теряет способность к глубокой, сосредоточенной обработке данных [83].

В свою очередь, Л. А. Регуш и соавторы в своем эмпирическом исследовании выявили, что «наиболее негативное влияние на интеллектуальное развитие оказывает частота обращения к визуальному контенту», так как это «ограничивает сферу развития осведомленности, снимает необходимость работы, связанной с анализом, обобщением, необходимостью систематизации информации» [52, с. 25]. Визуальный контент, преобладающий в социальных сетях и развлекательных платформах, ориентирует пользователя на внешние, поверхностные признаки объектов, не стимулируя развитие абстрактно-логического мышления. В результате у лиц с выраженной компьютерной зависимостью формируется так называемое «клиповое мышление», характеризующееся фрагментарностью, неспособностью выстраивать длинные причинно-следственные цепочки и сниженной потребностью в вербализации и рефлексии получаемого опыта.

Интеллектуальная сфера страдает не только от дефицита внимания, но и от изменения мотивационных механизмов. А. А. Скорынин и А. А. Вихман в своем исследовании интеллектуальных предикторов компьютерной зависимости установили, что «сниженные показатели общего и эмоционального интеллекта создают основу для формирования интернет-аддикции и повышают уязвимость подростков к проявлениям кибербуллинга» [64]. Их данные свидетельствуют о наличии устойчивых «отрицательных корреляций между показателями проблемного использования Интернета и характеристиками когнитивной сферы» [64]. Это означает, что компьютерная зависимость и низкий уровень интеллектуального развития образуют порочный круг: низкий интеллект и неспособность к эффективной саморегуляции способствуют уходу в виртуальную реальность, а сама зависимость, в свою очередь, блокирует развитие аналитических и критических функций мышления. Н. В. Кочетков, обобщая труды отечественных психологов, подчеркивает, что при интернет-зависимости «отмечаются отклонения в интеллектуальной, мотивационной сферах, межличностных отношениях, контроле и мотивации, а также планировании» [30, с. 27]. Зависимые пользователи часто демонстрируют ригидность мышления, неспособность к перспективному планированию и снижение способности к решению нестандартных задач, требующих выхода за рамки привычных алгоритмов.

Таким образом, теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что компьютерная зависимость оказывает комплексное негативное влияние на когнитивную и интеллектуальную сферы личности. На когнитивном уровне это проявляется в снижении устойчивости внимания, ухудшении показателей рабочей памяти, формировании фрагментарного, поверхностного стиля мышления и снижении способности к глубокому анализу и абстрагированию. Понимание этих теоретических закономерностей является необходимой базой для проведения эмпирического исследования, которое позволит количественно оценить характер и силу взаимосвязей между выраженностью признаков компьютерной зависимости (с использованием шкалы CIAS) и реальными показателями интеллектуальных способностей (с использованием теста Айзенка), что и составляет перспективу дальнейшей научной работы автора.

Библиографический список:

1.Клепцова Е. Ю., Пономаренко Ю. В. Влияние интернет-зависимости на личность // Системная психология и социология. – 2025. – № 1(53). – С. 86–92.

2.Машкова И. Ю., Семакова Е. В. Нейропсихологические механизмы аддиктивного поведения у детей в условиях цифровой среды // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10. – № 4А. – С. 101–110.

3.Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Многозадачность как одновременное выполнение и как переключение между заданиями: подходы к диагностике медиамногозадачности у детей и подростков // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 88–101.

4.Регуш Л. А., Алексеева Е. В., Веретина О. Р., Орлова А. В., Пежемская Ю. С. Особенности мышления подростков, имеющих разную степень погруженности в интернет-среду // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2019. – № 194. – С. 19–29.

5.Скорынин А. А., Вихман А. А. Интеллектуальные предикторы кибербуллинга и компьютерной зависимости в подростковом возрасте // Вестник Мининского университета. – 2022. – Т. 10. – № 3.

6.Кочетков Н. В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 27–54.

7.Firth J. A., Torous J. Exploring the impact of Internet use on memory and attention processes // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2020. – Vol. 17. – № 24. – P. 9481.

8.Korte M. The impact of the digital revolution on human brain and behavior: where do we stand? // Dialogues in Clinical Neuroscience. – 2020. – Vol. 22. – № 2. – P. 101–111.

9.Уваров А. Ю. Цифровая трансформация и сценарии развития общего образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 108 с.

10.Каменская В. Г., Томанов Л. В. Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков // Экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 139–159.

МАРАИМОВА ГУЛЬНАРА НИКОЛАЕВНА – магистрант, Сочинский государственный университет, Россия.

Г.Н. Мараимова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируется влияние компьютерной зависимости на развитие творческих способностей и креативного мышления личности. Рассматривается двойственный характер воздействия цифровой среды на дивергентное мышление: с одной стороны, цифровые инструменты расширяют возможности самовыражения, с другой – патологическое использование гаджетов формирует алгоритмизированные паттерны поведения, снижающие оригинальность и гибкость мышления. Опираясь на модель Дж. Гилфорда и Э. Торранса, автор исследует механизмы подавления творческого потенциала под воздействием «информационных пузырей» и клипового восприятия. Делается вывод о том, что компьютерная зависимость смещает фокус когнитивной активности с генерации новых идей на потребление готового контента, что требует разработки специализированных программ психологической профилактики и когнитивной реабилитации.

Ключевые слова: *творческие способности, креативность, компьютерная зависимость, дивергентное мышление, цифровая среда, оригинальность, гибкость мышления.*

В условиях современной VUCA-среды, характеризующейся высокой неопределенностью и изменчивостью, творческие способности и креативность приобретают статус ключевых компетенций, необходимых для успешной адаптации и профессионального развития. В условиях цифровой трансформации общества творческие способности приобретают особую значимость, поскольку, как указывают В. Н. Цыганкова и соавторы, «творчество и креативность сегодня рассматриваются как способ расширения возможностей человека, элемент развития и воспитания, способность создавать новые понятия и формировать новые навыки» [73]. Однако массовое распространение компьютерной зависимости создает парадоксальную ситуацию, при которой доступ к безграничным цифровым инструментам для творчества сопровождается снижением реального креативного потенциала личности.

В современной психологической науке креативность рассматривается как многомерный феномен, включающий когнитивные, личностные и мотивационные компоненты. М.И. Еникеев определяет креативность как «способность индивида к нестандартному, творческому мышлению, чувственность индивида к проблемам и поиску путей их решения, способность к гибкому мышлению и выдвижению новых идей» [16]. В контексте современных требований к функциональной грамотности О.Б. Логинова и С.Г. Яковлева отмечают, что креативное мышление является «компонент функциональной грамотности, под которым понимают умение человека использовать своё воображение для выработки и совершенствования идей, формирования нового знания, решения задач, с которыми он не сталкивался раньше» [36]. Структура творческих способностей традиционно описывается через параметры дивергентного мышления: беглость, гибкость, оригинальность и разработанность.

Влияние компьютерной зависимости на творческую сферу личности носит сложный и амбивалентный характер. С одной стороны, отдельные виды цифровой активности, такие как стратегические видеоигры или создание цифрового контента, могут стимулировать определенные аспекты креативности. Н.М. Лаптева в своем обзоре современных исследований отмечает, что «в процессе игры пользователи решают задачи, которые зачастую являются для них новыми, активно воспринимают, действуют и принимают решения в непредсказуемо развивающихся ситуациях», и подчеркивает, что «все это может способствовать развитию креативности» [34, с. 118]. Более того, исследователь указывает на то, что «одним из механизмов, лежащих в основе креативности, является расфокусировка внимания», которая в определенных условиях может стимулироваться динамичным цифровым контентом и способствовать генерации неочевидных ассоциаций [34, с. 118].

С другой стороны, именно патологическая, зависимая форма использования цифровых технологий нивелирует эти положительные эффекты и оказывает деструктивное воздействие на творческий потенциал. А. В. Розин подчеркивает, что технологии и креативность находятся в сложном взаимодействии, где цифровые инструменты могут как расширять возможности для самовыражения, так и ограни-

© Г.Н. Мараимова, 2026.

чивать их за счет навязывания стандартных форматов и алгоритмизированных решений [53]. При компьютерной зависимости пользователь попадает в так называемый «информационный пузырь», где алгоритмы социальных сетей и поисковых систем постоянно предлагают контент, соответствующий его уже сформированным предпочтениям. Это сужает кругозор, ограничивает столкновение с новыми, непривычными идеями и подавляет дивергентное мышление, которое является основой креативности.

Н.М. Лаптева также указывает на то, что «чрезмерная увлеченность видеоиграми отрицательно сказывается на показателях внимания, успеваемости, а также эмоциональном состоянии», что неизбежно сказывается на способности к творческой деятельности, требующей высокой концентрации и эмоциональной вовлеченности [34, с. 121]. Творческий процесс требует способности к глубокому погружению в проблему, толерантности к неопределенности и готовности к длительному поиску решения, тогда как зависимое поведение формирует потребность в мгновенном получении дофаминового подкрепления. В результате у лиц с компьютерной зависимостью снижается способность к генерации оригинальных идей, падает гибкость мышления и утрачивается интерес к сложным, многоэтапным творческим проектам.

Н.Н. Каверина и И. С. Барыбина указывают, что «сформированность креативного мышления определяется на основе оценки владения обучающимися исследуемыми компетентностями: письменное и визуальное самовыражение, решение социальных проблем, решение естественнонаучных проблем» [20]. Компьютерная зависимость подменяет активное творческое самовыражение пассивным потреблением готовых визуальных образов и шаблонных решений. Цифровая среда, насыщенная фрагментированной информацией, формирует установку на поиск быстрого, алгоритмизированного ответа, что противоречит самой природе творческого акта, требующего выхода за рамки заданных условий.

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет констатировать, что компьютерная зависимость выступает значимым фактором риска для развития творческих способностей. Смещение мотивации с процесса созидания на процесс потребления цифрового контента приводит к снижению показателей оригинальности и гибкости мышления. Для сохранения и развития креативного потенциала в условиях цифровой среды необходимо внедрение практик «цифровой гигиены», осознанного ограничения времени, проводимого в алгоритмизированных лентах социальных сетей, а также целенаправленное развитие навыков дивергентного мышления через традиционные и цифровые творческие практики, требующие глубокой когнитивной вовлеченности. Дальнейшее изучение данной проблематики требует проведения эмпирических исследований с использованием специализированных тестов креативности (например, теста Гилфорда) для количественной оценки степени снижения творческого потенциала у лиц с различными уровнями компьютерной зависимости.

Библиографический список:

1.Еникеев М. И. Общая и социальная психология: учебник для вузов. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. – 624 с.

2.Логинова О. Б., Яковлева С. Г. Креативное мышление [Электронный ресурс] // Методические рекомендации по формированию функциональной грамотности обучающихся 5-9 классов... / под ред. Г. С. Ковалевой. – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2022. – 360 с.

3.Цыганкова В. Н., Ефимов Н. А., Строкина А. В., Ниами Р. Исследование влияния цифровизации образования на креативность студентов // Современные научные исследования и инновации. – 2022. – № 8.

4.Лаптева Н. М. Обзор современных исследований влияния видеоигр на когнитивные процессы // Современная зарубежная психология. – 2023. – Т. 12. – № 4. – С. 111–122.

5.Розин А. В. Технологии и креативность: психологические аспекты // Журнал психологии. – 2023. – № 5. – С. 35–42.

6.Каверина Н. Н., Барыбина И. С. Способы формирования креативного мышления обучающихся в условиях цифровой трансформации общего образования // Новая парадигма научного знания в цифровую эпоху: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 15 мая 2023 г. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2023. – С. 76–79.

7.Матюшкин А. М. (ред.) Фигурная форма А теста творческого мышления Э. Торранса, адаптированного сотрудниками Общесоюзного центра "Творческая одаренность" НИИ ОПП АПН СССР. – М.: Изд-во НИИ ОПП АПН СССР, 1990.

8.Уваров А. Ю. Цифровая трансформация и сценарии развития общего образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 108 с.

9.Клепцова Е. Ю., Пономаренко Ю. В. Влияние интернет-зависимости на личность // Системная психология и социология. – 2025. – № 1(53). – С. 86–92.

10.Кочетков Н. В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 27–54.

МАРАИМОВА ГУЛЬНАРА НИКОЛАЕВНА – магистрант, Сочинский государственный университет, Россия.

Т.В. Горбачева

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КОНТРАСТНЫХ СЛУЧАЕВ)

В статье рассматривается проблема психологического сопровождения семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. На основе теоретического анализа и эмпирического исследования двух контрастных случаев обосновывается необходимость дифференцированного подхода. Выявлено, что единый формальный статус трудной жизненной ситуации скрывает принципиально разные психологические механизмы семейной дисфункции. Предложены и содержательно описаны две адресные программы сопровождения, структурированные по уровням семейной системы.

Ключевые слова: *Трудная жизненная ситуация, семья в ТЖС, психологическое сопровождение, семейная дисфункция, гиперсвязь, гипосвязь, экстериоризация, интериоризация, агрессивное поведение, суицидальное поведение, межведомственное взаимодействие.*

Современная российская семья сталкивается с множеством вызовов, среди которых экономическая нестабильность, рост психологических нагрузок и трансформация традиционных ценностей. В этих условиях увеличивается количество семей, попадающих в трудную жизненную ситуацию (ТЖС). Особую тревогу вызывает положение детей в таких семьях, что обуславливает необходимость развития эффективной системы сопровождения, направленной на профилактику социального сиротства и сохранение кровной семьи для ребенка. В Челябинской области данная проблема стоит остро, что подтверждается наличием региональных программ и модельных методик, требующих практического изучения и апробации.

Анализ данных учреждений социального обслуживания Челябинской области демонстрирует масштаб явления: на учете в отделениях помощи семье и детям постоянно состоит значительное число семей в ТЖС, при этом количество семей в социально опасном положении (СОП) варьируется, составляя наиболее сложную для работы целевую группу. Основной и наиболее устойчивой причиной семейного неблагополучия является алкогольная зависимость родителей. Вместе с тем, позитивные результаты работы системы (возвращение детей в кровные семьи, преодоление ТЖС) свидетельствуют о наличии потенциала для восстановления семьи при условии оказания своевременной и комплексной поддержки.

Цель исследования: разработка программы сопровождения семей с детьми, находящихся в ТЖС.

Гипотеза исследования: программа сопровождения семей с детьми в ТЖС будет эффективной, если она разработана с учетом индивидуального запроса семьи и предусматривает активизацию внутренних ресурсов семьи и межведомственное взаимодействие.

Методологическую основу составили системный и экологический подходы в семейной психологии, рассматривающие проблемное поведение подростка как симптом системной семейной дисфункции. Использовался комплекс взаимодополняющих методов: теоретический анализ литературы, интервью с родителем (на основе адаптированной анкеты), проективная методика «Поговорим Молча» (М. Адамович), стандартизированные опросники («Шкала семейного окружения» С.Ю. Куприянова, «Подростки о родителях» Л.И. Вассермана и др., PARI Е.С. Шефер и Р.К. Белл), методика «Виды агрессивности» (Л.Г. Почебут), графическая методика «Кактус» (М.А. Панфилова). Основным методом обобщения данных стал качественный анализ отдельных случаев.

Эмпирическое исследование проводилось на базе социально-реабилитационного центра в Челябинской области. Выборка носила целенаправленный характер и включала две семьи, состоящие на учете как находящиеся в ТЖС, с контрастными типами кризисного реагирования подростка.

© Т.В. Горбачева, 2026.

Научный руководитель: *Кузнецова Мария Николаевна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и клинической психологии, Челябинский государственный университет, Россия.

Случай 1. Семья Х. (кризис по типу экстериоризации: гиперсвязь, внешняя агрессия, буллинг). Семья состоит из матери (39 лет), ее гражданского мужа (бывшего супруга), сына-подростка (12 лет) и младшей дочери. В семейную систему также включена старшая дочь (17 лет), проживающая отдельно. Поводом для обращения послужила длительная ситуация школьного буллинга в отношении сына Р., переросшая в его собственное агрессивное поведение.

Диагностика выявила патологическую спаянность диады «мать-сын», сформировавшуюся как защитный альянс в условиях непоследовательного материнского воспитания и скрытой угрозы со стороны фигуры отчима. Совместное невербальное рисование (методика «Поговорим Молча») показало высокую степень симбиотической связи. Профиль матери по методике PARI характеризуется тревожной гиперопекой, концентрацией власти и «жертвенностью» при формальном допущении демократии. Восприятие подростком материнского стиля (ПОР) глубоко противоречиво: сочетание позитивного интереса, враждебности и высокой непоследовательности.

Личностный профиль подростка (методика «Виды агрессивности») указывает на высокий общий уровень агрессивности, однако ведущей и наиболее опасной формой является самоагрессия (7 баллов). Внешняя агрессия (вербальная и ситуативная физическая) носит защитный, ответный характер. Графическая методика «Кактус» выявила ключевое внутреннее противоречие: образ «доброго, пушистого» кактуса, который окружающие ошибочно воспринимают как «колючего». Это метафора самоощущения подростка: внутренняя потребность в принятии при вынужденной защитной агрессивной маске.

Случай 2. Семья Ш. (кризис по типу интериоризации: гипосвязь, аутоагрессия, суицидальная попытка). Семья проживает в стесненных бытовых условиях (четверо в одной комнате). В анамнезе – межпоколенная травма (физическое насилие со стороны деда в отношении матери), алкоголизация бабушки, отсутствие отца. Кризисным событием стала суицидальная попытка сына В. (16 лет) через две недели после начала обучения в техникуме.

Диагностика выявила глубокую эмоциональную разобщенность в диаде «мать-сын». Совместный рисунок по методике «Поговорим Молча» представляет собой метафору «параллельных миров»: мать и сын рисовали на разных половинах листа, не пересекаясь. Стиль воспитания матери (по данным ПОР) определен как «делегирующая отстраненность»: формальная забота при эмоциональной недоступности и низкой вовлеченности. Профиль PARI выявляет сочетание гиперопеки с комплексом «родительского мученичества» и скрытым авторитаризмом. Для подростка характерно тяжелое депрессивно-тревожное состояние, алекситимия, социальная изоляция. Его суицидальная попытка является не импульсивным поступком, а интериоризированным, кризисным актом коммуникации — отчаянной попыткой сообщить о невыносимой внутренней боли в системе, где язык чувств табуирован.

Сравнительный анализ подтвердил, что выбор мишеней и тактики сопровождения должен кардинально различаться в зависимости от ведущего типа дисфункции. На основе этого анализа разработаны две дифференцированные программы, структурированные по уровням семейной системы (индивидуальный, диадный, родительский, системный).

Программа для семьи Х. (тип «гиперсвязь и экстериоризация») нацелена на трансформацию симбиотических отношений в диаде «мать-сын» в направлении здоровой сепарации и автономии подростка, снижение уровня агрессивного поведения за счет развития навыков саморегуляции и альтернативных способов разрешения конфликтов. Приоритетные задачи: развитие эмоциональной саморегуляции у подростка, формирование социально приемлемых навыков отстаивания границ, повышение самооценки; коррекция тревожно-гиперопекающего стиля матери, формирование у нее инсайта о системной природе проблем сына; разрушение паттерна симбиотического слияния и выстраивание четких границ в диаде.

Программа для семьи Ш. (тип «гипосвязь и интериоризация») направлена на преодоление эмоциональной дистанции между матерью и сыном, создание основ безопасной эмоциональной привязанности, снижение суицидального риска и депрессивно-тревожной симптоматики у подростка. Приоритетные задачи: экстренная помощь подростку (снижение суицидального риска, преодоление алекситимии, формирование картины будущего); развитие у матери эмпатической чуткости и способности к эмоциональному контейнированию, трансформация стиля «уставшей гиперопеки»; создание безопасного эмоционального контакта в диаде, преодоление метафоры «параллельных миров».

Проведенное исследование доказало, что эффективное сопровождение семей в ТЖС невозможно в рамках универсальной модели. Единый формальный статус ТЖС может скрывать принципиально разную психологическую реальность, требующую адресных стратегий вмешательства. Гипотеза исследования о том, что программа сопровождения будет эффективной, если она разработана с учетом индивидуального запроса семьи, активизации ее внутренних ресурсов и межведомственного взаимодействия, получила свое подтверждение и конкретизацию. Индивидуальный запрос в данном контексте понимается не только как формальное пожелание семьи, но и как ведущий тип семейной дисфункции, выявленный в ходе углубленной диагностики.

Разработанные дифференцированные программы, основанные на глубинном анализе типа семейной дисфункции (гиперсвязь/экстериоризация, гипосвязь/интериоризация), задают четкие ориентиры для практической работы психолога, позволяя перейти от реактивной помощи в кризисе к целенаправленной коррекции системных механизмов, порождающих дезадаптацию ребенка. Материалы исследования могут быть использованы в деятельности социально-реабилитационных центров и служить основой для дальнейшего совершенствования технологий работы с семьями в ТЖС.

Библиографический список:

Адамович М. Проективная методика «Поговорим Молча» в диагностике детско-родительских отношений // Психологические технологии в социальной работе: материалы науч.-практ. конф. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2015.

Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике: учеб. пособие. — Санкт-Петербург: Речь, 2004. — 256 с.

Куприянов С.Ю. Адаптация «Шкалы семейного окружения» // Психологическая диагностика. — 2005. — № 4. — С. 85–102.

Панфилова М.А. Графическая методика «Кактус» // Диагностика эмоционально-личностной сферы детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. — Москва: ТЦ Сфера, 2013. — С. 45–48.

Пигарева Ю.В. Социальное сопровождение семей, находящихся в трудной жизненной ситуации // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. — 2014. — № 2. — С. 163–178.

Почебут Л.Г. Вербальная диагностика агрессивности личности (методика «Виды агрессивности») // Практикум по социальной психологии. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — С. 245–250.

Рыбка С.В. Технология комплексного сопровождения и помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации // Приоритетные модели общественного развития в эпоху модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Саратов: ООО «Академия управления», 2016. — С. 25–29.

ГОРБАЧЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА — магистрант, Челябинский государственный университет, Россия.

Н.Н. Графова

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО КОРРЕКЦИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В УЧЕБНОМ КОЛЛЕКТИВЕ

В статье рассматривается проблема агрессивного поведения подростков как значимая социальная угроза, затрагивающая образовательные учреждения, семью и общество в целом. Подчёркивается важность комплексного подхода к профилактике и коррекции агрессивного поведения, включающего развитие у подростков навыков самоконтроля и эмоционального интеллекта, а также предполагающего взаимодействие педагогов, родителей и педагогов-психологов. Описаны стратегии работы психолога-консультантов и педагогов, направленные на создание условий для успешной социализации подростков и снижение проявлений деструктивного поведения. Целью работы являлось теоретическое обоснование и разработка модели комплексной профилактики агрессивного поведения подростков в образовательной среде, основанной на межведомственном взаимодействии школы (педагогов) и психологической службы с привлечением родителей подростков.

Ключевые слова: *агрессивное поведение, подростки, профилактика агрессивного поведения, снижение агрессивности, психологическое консультирование подростков.*

Проблема агрессивного поведения подростков представляет собой серьезную социальную проблему, затрагивающую образовательные учреждения, семью и общество в целом. Для эффективной профилактики агрессивного и конфликтного поведения подростков необходим комплексный подход, объединяющий усилия всех заинтересованных сторон: самих подростков, педагогов, родителей и психологов-консультантов.

Работа с каждым ребёнком должна строиться на индивидуальном подходе, предполагающем всесторонний учёт психологических особенностей личности, уровня и формы проявления агрессивности, анализ причин, способствующих формированию деструктивных моделей поведения. Такой подход обеспечивает адресность психологического и педагогического воздействия, способствует выявлению и коррекции внутренних и внешних факторов, провоцирующих агрессию у подростка, и создаёт условия для эффективной их социализации и гармонизации межличностных отношений [5, с. 210].

Анализ научной и методологической психологической литературы по проблематике профилактики и коррекции агрессивного поведения у подростков позволяет выделить следующие основные формы работы психологов и педагогов:

– индивидуальные и групповые консультации педагога-психолога с подростками, направленные на выявление глубинных причин агрессивности (самооценка, тревога, семейные конфликты, дефицит внимания и др.);

– регулярные консультации с подростком, построенные на доверительном диалоге и создании безопасной обстановки для самовыражения;

– техники арт-терапии, помогающие выразить негативные эмоции в символическом виде (рисование, лепка, музыка);

– когнитивные техники, направленные на осознание собственных чувств и развитие навыков самоконтроля (рационализация мыслей, рефлексия поступков);

– физическая релаксация и методы телесной регуляции (дыхательные упражнения, йога, аутогенная тренировка).

Особое внимание психолог-консультант должен уделять налаживанию систематической работы по формированию и развитию коммуникативных навыков у подростков, включающей обучение кон-

© Н.Н. Графова, 2026.

Научный руководитель: *Тишевской Игорь Андреевич* – к.м.н., доцент кафедры психологии института образования и практической психологии, Челябинский государственный университет, Россия.

структивным способам выражения негативных эмоций и расширению навыков использования вербальных и невербальных средств общения. Одной из основных мишеней для осуществления психологического вмешательства должно рассматриваться развитие у подростка эмоционального интеллекта, предполагающее формирование у него навыков рефлексии, понимания и принятия эмоциональных состояний окружающих, а также способности к сопереживанию и оказанию поддержки в сложных ситуациях.

Психологи и педагоги занимают центральное место в системе профилактики и коррекции агрессивного поведения подростков, поскольку именно они ежедневно взаимодействуют с обучающимися и способны своевременно выявлять признаки деструктивных проявлений. В связи с этим особую значимость приобретает формирование у психологов-консультантов понимания психологической природы подростковой агрессии, включая знание её причин, факторов риска и типичных проявлений в образовательной среде. Не менее важным является освоение специалистами современных профессиональных компетенций, позволяющих эффективно управлять конфликтными ситуациями в ученической среде, применять техники деэскалации, организовывать конструктивный диалог с подростками и взаимодействовать с родителями для совместной выработки стратегий коррекции поведения.

Проведенный анализ литературы позволяет также выделить и рекомендовать для внедрения следующие основные формы работы педагогов с подростками, проявляющими агрессивное поведение:

– семинары и тренинги по психологии подросткового возраста и особенностям проявлений агрессии;

– обучение техникам управления конфликтными ситуациями в ученическом коллективе;

– подготовка материалов для консультативной работы с подростками и их родителями;

– регулярное обсуждение случаев нарушения дисциплины и путей выхода из сложных ситуаций;

– формирование толерантной культуры в педагогическом сообществе, основанной на уважении и поддержке друг друга.

Психологам необходимо владеть современными методами ранней диагностики признаков агрессивного поведения, что предполагает систематическое наблюдение за психоэмоциональным состоянием обучающихся, анализ изменений в их поведении, выявление тревожных сигналов (маркеров) и интерпретацию невербальных проявлений дискомфорта или враждебности. Особое значение приобретает формирование у педагогов навыков рефлексии и критического анализа педагогических ситуаций, что позволяет оперативно идентифицировать потенциальные риски и принимать взвешенные решения относительно необходимости психолого-педагогического вмешательства.

Эффективное управление конфликтами в ученическом коллективе является важным аспектом успешного функционирования образовательного пространства. Психологи-консультанты, как и педагоги, и школьные психологи, умеющие грамотно разрешать возникающие разногласия и снижать напряжение, могут способствовать созданию комфортной среды для обучения и формирования положительной динамики внутри детского коллектива.

Необходимо отметить, что большинство психологов, изучающих проблему агрессивного поведения у подростков и методы его профилактики, подчеркивают, что родители являются важнейшими партнерами в организации образовательного процесса, и их активное участие существенно повышает эффективность профилактических и коррекционных мероприятий [6, с. 115].

В качестве направлений работы психологов, педагогов и школьных психологов с родителями (законными представителями) подростков можно предложить следующее:

– повышение осведомленности родителей о природе подростковой агрессии и мерах предотвращения её появления;

– предоставление родителям возможности обращаться за квалифицированной поддержкой и советами по вопросам воспитания детей подросткового возраста;

– родительские собрания, посвящённые проблемам поведения подростков, консультации педагога-психолога;

– развитие партнерских взаимоотношений учебного заведения и семьи, основанных на взаимопонимании и сотрудничестве;

– рекомендации по созданию благоприятной домашней атмосферы, минимизирующей стрессы и напряженность подростка;

– содействие организации досуга подростка, в том числе путем привлечения к участию во внеучебной деятельности.

Поддерживая тесный и систематический контакт с семьёй, сотрудники учебного заведения, школьные психологи и психологи-консультанты могут и должны способствовать формированию атмосферы взаимного доверия между педагогами, обучающимися и их родителями, что, в свою очередь, будет обеспечивать максимальную открытость и эффективность коммуникаций.

Так как одной из форм агрессивного поведения выступает виктимизация (буллинг), когда ребенок становится жертвой постоянных нападок со стороны сверстников, необходимо отметить целый ряд специфических рекомендаций психологам-консультантам по профилактике и коррекции данных форм проявления подростковой агрессии. В первую очередь отмечается необходимость обеспечить безопасность и защиту жертв агрессии.

Комплекс превентивных мер, направленных на предупреждение виктимизации обучающихся может включать следующие мероприятия:

– оперативную реакцию на случаи буллинга и моббинга, установление виновных лиц и принятие дисциплинарных мер;

– принятие чётких процедур защиты прав обучающихся и привлечение административных ресурсов учебного заведения;

– интерактивные мероприятия и тематические уроки, повышающие осведомлённость учеников о недопустимости насильственных действий и важности взаимного уважения;

– оказание специализированной помощи подросткам-жертвам агрессии, включая индивидуальные консультации психолога и включение их в программы социальной реабилитации.

Организация профилактической работы психолога-консультанта с потенциальными участниками травли должна быть направлена на снижение вероятности рецидива нарушений поведения.

Оптимизация психоэмоционального климата и предметно-пространственной среды образовательной организации значимо снижает вероятность проявлений вербальной и физической агрессии подростками в образовательной среде [3].

Обеспечение комфорта подростков в образовательной среде может быть создано с помощью соблюдения следующих условий:

– оформление интерьера класса в спокойных цветах, создающих ощущение гармонии и комфорта;

– уважительное отношение взрослых к мнению и чувствам учащихся, поощрение инициативности и самостоятельности;

– строгость в соблюдении норм этики и морали, недопущение грубых высказываний и унижения достоинства детей;

– возможность выражения творческих способностей и удовлетворения потребностей в активности и движении (физкультминуты, занятия спортом);

– наличие служб сопровождения, обеспечивающих своевременную помощь нуждающимся подросткам.

Таким образом, представленные результаты анализа психологической литературы по проблематике профилактики и коррекции агрессивного поведения у подростков позволяет сделать вывод, что проблема агрессивного поведения подростков требует комплексного, системного и междисциплинарного подхода, объединяющего усилия всех субъектов образовательного процесса. В качестве приоритетных направлений деятельности психологов-консультантов, школьных психологов и педагогов выступают развитие эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности подростков, а также формирование безопасной и комфортной образовательной среды, минимизирующей стрессовые факторы и виктимизацию. Только скоординированная работа психологов психологической службы и семьи и педагогического коллектива школы, способна обеспечить успешную социализацию подростка, гармонизацию его межличностных отношений и профилактику агрессивных проявлений.

Библиографический список:

1. Ерзин А. И. Диагностика и коррекция агрессивного поведения: учебное пособие. Оренбург, 2012. 248 с.

2. Коломинский Я.Л. Психология детского коллектива: система личных взаимоотношений. Минск: Народная асвета, 2016. 239 с.

3. Мельникова М.Л. Агрессивное поведение делинквентных подростков: детерминанты и условия коррекции: автореф. дис. … канд. психол. наук 19.00.07/ Мельникова Маргарита Леонидовна. Екатеринбург, 2007. 25 с.

4. Набиуллина Р. Р. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом: учебное пособие / Р. Р. Набиуллина, И. В. Тухтарова. – Казань: КГМА, 2003. 336 с.

5. Степанов В.Г. Психология трудных школьников: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М: Академия, 2001. 320 с.

6. Усова Е. Б. Психология девиантного поведения: учебно-методический комплекс. Минск: Изд-во МИУ, 2010. 180 с.

ГРАФОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

И.В. Зерван

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЕГО ФАКТОРЫ ВОЗМОЖНОСТИ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ПЛЕЙБЭК-ТЕАТРА И ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается проблема психологического благополучия личности и факторов, которые его поддерживают. В качестве теоретической основы используется модель Кэрол Рифф, выделяющая шесть ключевых измерений позитивного функционирования. На материале практического опыта ведения закрытой терапевтической группы показано, как методы плейбэк-театра и телесно-ориентированные практики могут создавать условия для развития этих измерений. Приводятся качественные наблюдения, иллюстрирующие связь групповых процессов с ростом автономии, позитивных отношений, управления средой, личностного роста, наличия целей и самопринятия. Делается вывод о том, что сочетание игровых, телесных и нарративных техник в долгосрочной группе представляет собой ресурсный формат для укрепления психологического благополучия участников.

Ключевые слова: *психологическое благополучие, факторы благополучия, модель К. Рифф, групповая терапия, плэйбэк-театр, телесно-ориентированная терапия, самопринятие, групповая сплочённость.*

Понятие «психологическое благополучие» в современной психологии уже давно вышло за рамки простого ощущения комфорта или отсутствия симптомов неблагополучия. Исследователи всё чаще говорят о нём как о многомерном конструкте, который описывает, насколько человек способен реализовывать себя, выстраивать отношения, справляться с жизненными вызовами и понимать осмысленность своего существования. Актуальность изучения факторов, способствующих психологическому благополучию, связана с запросом на практические инструменты, которые могли бы помочь людям жить полноценно, устойчиво и с интересом к себе и другим.

Одной из наиболее признанных теоретических моделей остаётся модель Кэрол Рифф, включающая шесть измерений: самопринятие, позитивные отношения с другими, автономию, управление средой, личностный рост и цели в жизни. Именно эти параметры легли в основу моей практической работы и используются как рамка для анализа группового опыта.

Исследования показывают, что значительная часть вариативности благополучия связана с активностью самого человека – его сознательной, самоопределяющей деятельностью, а не только с внешними обстоятельствами. Это означает, что специально организованные формы групповой работы могут стать той средой, где такая активность пробуждается и поддерживается.

Особый интерес представляют методы, обращающиеся не только к разговору, но и к телу, игре и истории. Плейбэк-театр – форма импровизационного театра, где личные истории участников воплощаются на сцене здесь и сейчас, всё чаще рассматривается как практика, обладающая психологическим потенциалом. Исследования фиксируют, что участие в плейбэк-группах связано с ростом самоосознанности, эмпатии, спонтанности и ощущения связи с другими. Телесно-ориентированные практики, в свою очередь, дают доступ к ощущениям, помогают восстанавливать контакт с телом, снижать напряжение и лучше распознавать собственные чувства и границы. Соединение этих подходов в рамках долгосрочной закрытой группы создаёт многослойную среду, где факторы благополучия могут развиваться не по отдельности, а во взаимосвязи.

Целью данной работы является описание и анализ опыта ведения такой группы, а также качественная оценка того, как её формат соотносится с шестью измерениями психологического благополучия по К. Рифф.

Материалы и методы. Практическая часть работы проходила в формате закрытой терапевтической группы, рассчитанной на несколько месяцев регулярных встреч. Группа объединяла людей без

© И.В. Зерван, 2026.

специальной актёрской подготовки, но с интересом к исследованию себя через движение, игру и взаимодействие. Ключевыми темами были пространство и границы, ощущение устойчивости и опоры, контакт с другими без потери себя.

Каждая встреча включала шеринг: этап вербализации состояния, телесную разминку, основной блок: игровые или телесные упражнения, работу с архетипами, плейбэк-формы; и завершающую рефлексию. Использовались элементы плейбэк-театра: жидкая скульптура, трансформация, пары, палитра чувств, телесно-ориентированные упражнения: заземление, работа с границами в паре, «телесная цензура», а также авторские техники, соединяющие игровые и психологические элементы. Основным методом сбора данных было включённое наблюдение ведущей, дополненное качественным анализом высказываний участников в шерингах.

Результаты и обсуждение. Наблюдения, сделанные в ходе работы группы, были соотнесены с шестью измерениями модели К. Рифф.

Автономия проявлялась в том, как участники постепенно учились выбирать собственные реакции, а не автоматически следовать ожиданиям группы или внутреннего критика. Работа с архетипами и «внутренними фигурами» (например, упражнение, где участник мог услышать диалог своего Критика и Защитника) позволяла увидеть, что за привычными оценками стоят разные части личности, и сделать шаг к более осознанному выбору. В терминах плейбэк-театра это соответствует переходу от роли пассивного зрителя к роли автора собственной истории, которую можно рассказать и увидеть со стороны.

Позитивные отношения с другими развивались через опыт безопасного, постепенного контакта. Упражнения на телесное доверие, парные и групповые скульптуры, а также сама структура плейбэка: рассказчик – актёры – зрители, создавали ситуацию, в которой быть увиденным и услышанным становилось возможным без оценки. Участники отмечали, что со временем им становилось легче замечать реакции друг друга и откликаться на них, не теряя при этом себя. Это созвучно данным о том, что плейбэк-практика усиливает эмпатию и ощущение общности.

Управление средой в контексте группы означало способность участников обустраивать своё психологическое пространство: вовремя говорить «стоп», выбирать степень включённости, находить для себя опору в телесных упражнениях. Телесные практики шли от простого заземления и дыхания до работы с границами в паре и давали конкретный, ощущаемый опыт контроля над собственным состоянием и дистанцией в контакте. Этот навык постепенно переносился в повседневную жизнь, что участники отмечали в шерингах.

Личностный рост проявлялся в изменении языка самоописания. В начале работы многие говорили о себе в оценочных категориях: «я плохо справляюсь», «у меня не получается», тогда как к середине цикла всё чаще звучали формулировки, описывающие процесс и чувства: «мне было тревожно, но я попробовал», «я заметил, что напрягся, и смог расслабиться». Работа с «внутренним критиком» через скульптуру и диалог с фигурой Защитника позволяла не избавиться от критика, а перевести его из позиции надзирателя в позицию советчика, что само по себе является актом личностного роста и расширения репертуара самоподдержки.

Цели в жизни редко становились предметом прямой работы, однако они закономерно проявлялись в историях, которые участники приносили в плейбэк-круг. Рассказывая о повседневных эпизодах: о разговоре с ребёнком, о моменте усталости на работе, о маленькой радости, люди одновременно обозначали, что для них важно. Возможность увидеть свою историю сыгранной и получить на неё отклик группы часто помогала яснее сформулировать собственные ценности и направления движения, даже если это происходило не через постановку «целей», а через проживание смысла в моменте.

Самопринятие оказалось наиболее сложным и медленно развивающимся измерением, что согласуется и с данными исследований плейбэка. Наблюдения показывают, что участникам легче давалось принятие отдельных чувств или телесных реакций, чем целостное принятие себя. Тем не менее определённый сдвиг происходил: опыт пребывания в группе, где можно быть разным: уставшим, сомневающимся, смеющимся, постепенно снижал остроту стыда за «неидеальность». Реплики вроде «здесь можно быть и такой» становились важными маркерами этого процесса. Телесные практики, направленные на контакт с ощущениями без оценки, также вносили вклад в формирование более бережного отношения к себе. Важно подчеркнуть, что перечисленные изменения не были линейными и не происходили автоматически. Групповая динамика включала периоды сопротивления, усталости, проверки границ ведущего и друг друга. Однако именно способность группы выдерживать эти сложные фазы, не разрушаясь, создавала ту среду, в которой факторы благополучия могли укрепляться. В этом смысле психологическое благополучие в группе формировалось не как сумма индивидуальных усилий, а как результат совместного проживания опыта – иногда трудного, но всегда включённого в отношения.

Следует отметить, что представленные наблюдения носят качественный характер и требуют дальнейшей эмпирической проверки. Перспективой исследования может стать лонгитюдное измерение параметров психологического благополучия по методике К. Рифф до и после участия в группе, а также сравнение с контрольной группой.

Заключение. Модель Кэрол Рифф даёт удобную и содержательную рамку для понимания того, что именно поддерживает психологическое благополучие. Практика долгосрочной закрытой группы, соединяющей плейбэк-театр, телесно-ориентированные упражнения и работу с архетипами, показывает, что такая среда обладает ресурсом для развития автономии, позитивных отношений, управления средой, личностного роста и в меньшей, но заметной степени самопринятия. Речь идёт не о «терапии благополучия» в узком смысле, а о создании условий, в которых человек получает опыт быть увиденным, услышанным и способным выбирать, как ему быть в контакте с собой и другими. Этот опыт, будучи прожитым в группе, имеет шанс стать частью повседневной жизни, а значит, и устойчивой основой психологического благополучия.

Библиографический список:

1.Ryff C. D., Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69, № 4. P. 719–727.

2.Салас Дж. Играем реальную жизнь в Плейбек-театре / пер. с англ. М. : Когито-Центр, 2009. 159 с.

3.Nawa N. E., Yamagishi N. Distinct associations between gratitude, self-esteem, and optimism with subjective and psychological well-being among Japanese individuals // BMC Psychology. 2024. Vol. 12. Art. 130.

4.Групповая телесно-ориентированная психотерапия: теоретические и прикладные аспекты // Психотерапия. 2025.

5.Реан А. А., Ставцев А. А., Шевченко А. О., Кузьмин Р. Г. Подход к операциональной структуре психологического благополучия личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16, вып. 2. С. 202–216.

6.Поскакалова Т. А. Театральная деятельность как инструмент работы с рисками подросткового возраста: зарубежный и отечественный опыт // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13, № 2. С. 119–130.

7.Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 2. С. 82–93.

8.Son D., Shiozawa M. Witnessing, Embodying, and Connecting: A Phenomenological Study of Playback Theatre // Cureus. 2025. Vol. 17, № 10. Art. e94507.

9.Marmarosh C., Holtz A., Schottenbauer M. Group cohesiveness, group-derived collective self-esteem, group-derived hope, and the well-being of group therapy members // Group Dynamics: Theory, Research, and Practice. 2005. Vol. 9, № 1. P. 32–44.

ЗЕРВАН ИНГА ВЛАДИМИРОВНА – магистрант, Амурский государственный университет, Россия.

А.О. Киндеева

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К СОСТОЯНИЮ ЗДОРОВЬЯ РЕБЁНКА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ РИСКА РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Цель исследования — выявить особенности отношения родителей к состоянию здоровья ребёнка при выявлении риска расстройств аутистического спектра (РАС). Исследование проведено на базе ГАУЗ «Детская городская клиническая поликлиника № 9» города Челябинска. В выборку вошли 30 родителей (26 матерей и 4 отца) детей в возрасте 18–36 месяцев. Для определения уровня риска РАС использовался M-CHAT-R/F, для изучения отношения родителей к состоянию здоровья ребёнка — методика диагностики отношения к болезни ребёнка (ДОБР) В. Е. Кагана и И. П. Журавлёвой, в качестве дополнительного показателя психоэмоционального состояния применялась Шкала родительского стресса (PSS) в русскоязычной адаптации Ю. В. Мисиюк и И. В. Тихоновой. Низкий риск РАС выявлен у 36,7 % детей, средний — у 26,7 %, высокий — у 36,7 %. По методике ДОБР высокий уровень тревоги отмечен у 50,0 % родителей, высокий уровень нозогнозии — у 60,0 %, высокая общая напряжённость отношения — у 46,7 %. По PSS средний уровень родительского стресса выявлен у 36,7 %, высокий — у 36,7 % родителей. Полученные данные характеризуют родительское отношение как неоднородное и показывают, что ситуация скринингового выявления риска РАС может сопровождаться выраженными тревожными переживаниями, особым восприятием серьёзности состояния ребёнка и психоэмоциональным напряжением. Результаты обосновывают необходимость понятного информирования родителей и доступности психологической поддержки на этапе дальнейшего диагностического маршрута.

Ключевые слова: *расстройства аутистического спектра; риск РАС; родительское отношение; состояние здоровья ребёнка; тревога; нозогнозия; родительский стресс; M-CHAT-R/F; ДОБР; PSS.*

Раннее выявление риска расстройств аутистического спектра является значимой задачей детского здравоохранения. Скрининговые процедуры позволяют выделять детей, нуждающихся в дополнительной оценке развития, ещё до установления окончательного диагноза. Однако диагностический маршрут затрагивает не только ребёнка: существенное значение имеет то, каким образом родители воспринимают состояние его здоровья, оценивают серьёзность полученной информации и выстраивают дальнейшее взаимодействие со специалистами.

В отечественной психологии родительское отношение рассматривается как сложное образование, включающее эмоциональные, когнитивные и поведенческие характеристики. Оно связано с представлениями родителя о ребёнке, эмоциональным принятием или напряжением, а также с практическими способами взаимодействия и воспитания [1]. В ситуации сомнений относительно состояния здоровья ребёнка эти компоненты могут приобретать особую выраженность: родителю необходимо одновременно осмыслить новую информацию, справиться с эмоциональной реакцией и принять решения о дальнейших действиях.

Исследования семей, воспитывающих детей с РАС, показывают, что родительская позиция и отношение к состоянию ребёнка могут характеризоваться повышенной тревогой, изменением представлений о возможностях ребёнка, усилением контроля и напряжённостью взаимодействия [2–5]. При этом значительная часть отечественных работ посвящена семьям, в которых диагноз РАС уже установлен. Этап первичного скринингового выявления риска изучен существенно меньше, хотя именно в этот период родители впервые могут столкнуться с необходимостью дополнительного обследования и неопределённостью дальнейшего диагностического маршрута.

© А.О. Киндеева, 2026.

Научный руководитель: *Рагозинская Валерия Германовна* – кандидат психологических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

Особое значение имеет разграничение собственно родительского отношения и общего психоэмоционального состояния. Тревога может выступать характеристикой отношения к состоянию ребёнка, тогда как родительский стресс отражает более широкий эмоциональный фон, связанный с выполнением родительской роли. Поэтому оценка этих показателей требует использования разных психодиагностических инструментов.

Цель исследования — выявить особенности отношения родителей к состоянию здоровья ребёнка при выявлении риска расстройств аутистического спектра.

Исследование проводилось на базе ГАУЗ «Детская городская клиническая поликлиника № 9» города Челябинска. В исследовании приняли участие 30 родителей в возрасте 23–37 лет, среди них 26 матерей и 4 отца. Возраст детей составлял от 18 до 36 месяцев. Критериями включения являлись соответствующий возраст ребёнка, прикрепление для медицинского обслуживания к поликлинике и согласие родителя на участие в исследовании.

В исследуемой возрастной группе M-CHAT-R/F применялся как плановая скрининговая методика для детей, прикреплённых к медицинской организации, независимо от наличия предварительного подозрения на РАС. Результаты скрининга использовались для определения уровня риска РАС, а не для постановки диагноза.

Психодиагностический комплекс включал три инструмента. M-CHAT-R/F применялся для определения уровня риска РАС. Методика диагностики отношения к болезни ребёнка (ДОБР) В. Е. Кагана и И. П. Журавлёвой использовалась как основной инструмент исследования родительского отношения. Она включает шкалы интернальности, тревоги, нозогнозии, контроля активности и общей напряжённости [10]. Шкала родительского стресса (PSS) использовалась как дополнительная характеристика психоэмоционального состояния; применялась русскоязычная версия Ю. В. Мисиюк и И. В. Тихоновой [9].

Обработка данных носила описательный характер и включала подсчёт абсолютных частот и процентных распределений. В представленной статье не формулируются выводы о причинно-следственной связи между уровнем риска РАС и особенностями родительского отношения.

По результатам M-CHAT-R/F низкий уровень риска РАС был выявлен у 11 детей (36,7 %), средний — у 8 детей (26,7 %), высокий — у 11 детей (36,7 %). Таким образом, у 19 из 30 детей результат скрининга соответствовал среднему или высокому уровню риска, что определяет необходимость дальнейшего диагностического уточнения в соответствии с алгоритмом скрининга.

Таблица 1

Распределение результатов M-CHAT-R/F

Уровень риска РАС	n	%
Низкий	11	36,7
Средний	8	26,7
Высокий	11	36,7

Результаты ДОБР свидетельствуют о выраженной неоднородности отношения родителей к состоянию здоровья ребёнка. По шкале интернальности высокий уровень отмечен у 10 родителей (33,3 %), средний — у 6 (20,0 %), низкий — у 14 (46,7 %). Высокий уровень тревоги выявлен у половины обследованных — 15 родителей (50,0 %). Ещё у 9 родителей (30,0 %) тревога соответствовала среднему уровню, у 6 (20,0 %) — низкому.

Наиболее часто высокий уровень выявлялся по шкале нозогнозии: 18 родителей (60,0 %) демонстрировали выраженное восприятие серьёзности состояния ребёнка; средний уровень отмечен у 8 (26,7 %), низкий — у 4 (13,3 %). По шкале контроля активности высокий и средний уровни встречались одинаково часто — по 12 родителей (40,0 %), низкий уровень — у 6 (20,0 %). Высокая общая напряжённость отношения отмечена у 14 родителей (46,7 %), средняя — у 9 (30,0 %), низкая — у 7 (23,3 %).

Таблица 2

Распределение уровней показателей ДОБР

Шкала ДОБР	Высокий уровень, %	Средний уровень, %	Низкий уровень, %
Интренальность	33,3	20,0	46,7
Тревога	50,0	30,0	20,0
Нозогнозия	60,0	26,7	13,3
Контроль активности	40,0	40,0	20,0
Общая напряженность	46,7	30,0	23,3

Дополнительная оценка психоэмоционального состояния по PSS показала, что низкий уровень родительского стресса отмечен у 8 человек (26,7 %), средний — у 11 (36,7 %), высокий — у 11 (36,7 %). Следовательно, в обследованной выборке у 22 из 30 родителей стресс соответствовал среднему или высокому уровню.

Таблица 3

Распределение уровней родительского стресса по PSS

Уровень родительского стресса	n	%
Низкий	8	26,7
Средний	11	36,7
Высокий	11	36,7

Полученные данные показывают, что отношение родителей к состоянию здоровья ребёнка в ситуации скринингового выявления риска РАС не является однородным. Наиболее заметными характеристиками стали тревога, нозогнозия и общая напряжённость. Это согласуется с представлениями о том, что отношение к состоянию ребёнка включает не только оценку фактов, но и эмоционально окрашенное восприятие ситуации, которое может определять стиль взаимодействия со специалистами и дальнейшее поведение родителя [1, 2].

Высокий уровень тревоги у половины обследованных имеет практическое значение для организации коммуникации после скрининга. Сам по себе M-CHAT-R/F не устанавливает диагноз РАС, поэтому сообщение о выявленном риске должно сопровождаться понятным объяснением различий между скринингом и клинической диагностикой. Недостаточно ясная интерпретация результата может усиливать неопределённость ситуации для семьи.

Высокие значения нозогнозии у 60,0 % родителей указывают на выраженность оценки серьёзности состояния ребёнка. В работах, посвящённых семьям детей с уже установленным РАС, также описывается значимость родительских представлений о симптомах, тяжести состояния и перспективах ребёнка [3–5]. В настоящем исследовании подобная характеристика фиксируется уже на этапе скрининга, то есть до обязательного подтверждения диагноза. Это делает особенно важным корректное психообразовательное сопровождение семьи.

Результаты PSS следует интерпретировать отдельно от показателей ДОБР. Средний или высокий уровень стресса выявлен у большинства обследованных, однако этот показатель отражает общий психоэмоциональный фон родительства и не является самостоятельным структурным компонентом отношения к состоянию здоровья ребёнка. Русскоязычные исследования PSS подтверждают возможность использования шкалы для оценки родительского стресса как отдельного психологического показателя [9].

Практический смысл полученных результатов заключается в необходимости сочетать медицинский алгоритм дальнейшего обследования ребёнка с психологически грамотным информированием родителей. В отечественной литературе показана целесообразность психообразовательных программ для семей детей с РАС, направленных на повышение осведомлённости, снижение дезадаптивной напряжённости и улучшение взаимодействия со специалистами [6, 7]. Полученные данные позволяют рассматривать такие подходы как перспективные и на более раннем этапе — при выявлении риска РАС.

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, объём выборки невелик и представлен родителями детей одной медицинской организации, поэтому результаты не могут автоматически распространяться на генеральную совокупность. Во-вторых, выборка существенно не сбалансирована по полу родителей: в ней преобладают матери. В-третьих, в данной статье представлен описательный анализ распределений; результаты не позволяют делать вывод о причинном влиянии выявленного риска РАС на родительское отношение или стресс.

Перспективой дальнейшего исследования является увеличение выборки, более равномерное включение матерей и отцов и статистическое сравнение групп родителей детей с низким и выявленным риском РАС по шкалам ДОБР и PSS.

Исследование показало, что в выборке родителей детей 18–36 месяцев, проходивших скрининг M-CHAT-R/F в условиях детской поликлиники, представлены различные уровни риска РАС и выраженная вариативность отношения родителей к состоянию здоровья ребёнка.

Наиболее часто высокий уровень по методике ДОБР выявлялся по шкале нозогнозии, далее — по тревоге и общей напряжённости. Дополнительная оценка по PSS показала, что у значительной части родителей общий уровень стресса соответствовал среднему или высокому. В совокупности результаты указывают на необходимость учитывать психологическую реакцию родителей на этапе скринингового выявления риска РАС и обеспечивать доступное разъяснение дальнейшего маршрута обследования.

Психологическое сопровождение на этом этапе целесообразно строить не вокруг предположения о наличии установленного диагноза, а вокруг снижения неопределённости, повышения информированности и поддержки конструктивного взаимодействия родителя со специалистами.

Библиографический список:

1. Конищева А. В. Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии // Психология и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 88–96. DOI: 10.17759/psylaw.2022120308.

2. Валитова И. Е. Представления матерей о неврологических заболеваниях раннего возраста в структуре отношения к болезни ребенка // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10, № 2. С. 47–62.

3. Кисова В. В., Конева И. А. Родительская позиция в семьях, воспитывающих дошкольников с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2022. Т. 20, № 1. С. 12–19. DOI: 10.17759/autdd.2022200102.

4. Морозов С. А., Морозова С. С., Морозова Т. И. Исследование отношения родителей к особенностям развития своих детей с аутизмом // Аутизм и нарушения развития. 2021. Т. 19, № 4. С. 32–39. DOI: 10.17759/autdd.2021190404.

5. Богачева О. И., Иванов М. В., Балакирева Е. Е. [и др.] Структура родительского отношения к болезни ребенка с расстройством аутистического спектра // Вестник психотерапии. 2023. № 87. С. 49–59. DOI: 10.25016/2782-652X-2023-0-87-49-59.

6. Богачева О. И., Иванов М. В., Марголина И. А. [и др.] Оценка эффективности психологической образовательной программы для родителей детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник психотерапии. 2022. № 83. С. 19–28. DOI: 10.25016/2782-652X-2022-0-83-19-28.

7. Богачева О. И., Иванов М. В., Марголина И. А., Симашкова Н. В. Психообразование родителей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Психическое здоровье. 2022. Т. 17, № 8. С. 29–37.

8. Смирнова С. В., Зенина С. Р. Психическая ригидность и отношение к болезни ребенка у родителей тяжелобольных детей // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 1706–1716.

9. Мисиюк Ю. В., Тихонова И. В. Русскоязычная версия «Шкалы родительского стресса»: результаты первичной оценки внутренней надежности и валидности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9(101). С. 58–66. DOI: 10.24158/spp.2022.9.9.

10. Исаев Д. Н., Каган В. Е. Психодиагностические методы в педиатрии и детской психоневрологии. СПб.: ПМИ, 1991.

11. Шимонова Г. Н., Калинина М. А., Козловская Г. В. Особенности неврологических нарушений у детей раннего возраста с расстройствами аутистического спектра // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2021. Т. 21, № 4. С. 11–17.

12. Морозов С. А., Морозова С. С., Морозова Т. И. Некоторые особенности ранней помощи детям с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2017. Т. 15, № 2. С. 19–31. DOI: 10.17759/autdd.2017150202.

КИНДЕЕВА АКСИНЬЯ ОЛЕГОВНА – магистрант, Челябинский государственный университет, Россия.

Е.М. Косс

УХОДЫ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА: РОЛЬ КОММУНИКАЦИИ, УСЛОВИЙ СРЕДЫ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Уход ребенка с расстройством аутистического спектра из безопасного пространства или из-под наблюдения сопровождающего взрослого представляет значимую проблему безопасности. Рассматриваются стремление к привлекательным объектам и занятиям, прекращение неприятного воздействия, неопределенность инструкций, недостаточная доступность способов обращения за помощью. Предлагается использовать вопросы «от чего ребенок стремится удалиться?» и «к чему он стремится приблизиться?» как исходные ориентиры индивидуальной оценки, но не как универсальное объяснение поведения. Представлены рекомендации по организации наблюдения, конкретизации инструкций, обучению функциональной коммуникации, адаптации среды, формированию навыков безопасности и согласованию действий сопровождающих. Подчеркивается необходимость различать предполагаемые мотивы и экспериментально установленные функции поведения, учитывать ограничения доказательной базы и не возлагать ответственность за профилактику исключительно на семью. Цель — рассмотреть возможную роль коммуникации и условий среды в возникновении уходов детей с расстройствами аутистического спектра и определить практические направления профилактики. Метод: нарративный анализ отдельных исследовательских публикаций и разбор иллюстративных повседневных ситуаций. Показано, что внешне сходные эпизоды ухода могут иметь различные функции, поэтому их объяснение исключительно непослушанием, сенсорной перегрузкой или буквальным пониманием речи недостаточно. Обсуждаются доступная коммуникация, обучение безопасным альтернативам, адаптация среды и организация сопровождения. Подчеркивается необходимость различать знание ребенком цели движения и способность безопасно достичь ее самостоятельно. Представленные рекомендации требуют индивидуализации; статья не является систематическим обзором или отчетом об эмпирическом исследовании.

Ключевые слова: *расстройства аутистического спектра, уход из-под наблюдения, безопасность ребенка, функциональная оценка поведения, коммуникация, профилактика.*

Уход ребенка с расстройством аутистического спектра (РАС) из безопасного пространства или из-под необходимого наблюдения представляет угрозу его безопасности и создает значительную нагрузку для семьи. В англоязычных исследованиях такое поведение обозначается термином *elopement*.

Для понимания эпизода важно установить не только обстоятельства исчезновения, но и возможную направленность действия: от чего ребенок стремится удалиться и к чему хочет приблизиться. Он может покидать неприятную ситуацию, направляться к привлекательному объекту или продолжать знакомую последовательность действий. Однако эта схема служит ориентиром оценки, а не универсальным объяснением.

Цель статьи — рассмотреть коммуникативные и средовые факторы, потенциально связанные с уходами, и сформулировать рекомендации для родителей и специалистов.

Материалы и подход. Работа представляет собой нарративное теоретико-практическое обсуждение трех публикаций: систематического обзора функционального анализа и вмешательств при уходах [1], исследования родительских стратегий профилактики [2] и рандомизированного исследования вмешательства с участием родителей [3].

Приведенные бытовые ситуации являются иллюстрациями возможных механизмов, а не результатами наблюдения за конкретными участниками. Полнота охвата литературы не заявляется.

© Е.М. Косс, 2026.

Масштаб проблемы и ограничения статистических данных. В исследовании C. Anderson и соавторов, включавшем сведения о 1218 детях с РАС, 49 % родителей сообщили хотя бы об одной попытке ухода ребенка после четырехлетнего возраста. В отношении 26 % всей выборки сообщалось об исчезновении на время, достаточное для возникновения тревоги у сопровождающих [1].

Эти показатели характеризуют конкретную исследовательскую выборку. Их нельзя автоматически переносить на всех детей с РАС или интерпретировать как ежегодную вероятность исчезновения.

Дополнительное значение могут иметь сведения поисково-спасательных организаций. По информации, предоставленной ДПСО «ЛизаАлерт» в период с 2013 по 2026 год в отряд поступило 47 300 заявок на пропажу детей, из них 1250 заявок на поиск детей с РАС. Соотношение указанных чисел составляет 2,6 %.

Функциональная неоднородность уходов. В систематический обзор M. A. Boyle и R. M. Adamson вошли 12 исследований с участием 20 человек с нарушениями развития. У 60 % участников была выявлена функция получения доступа к предметам или занятиям, у 55 % — функция получения внимания; у части участников устанавливалось несколько функций [2]. Эти значения относятся к небольшой совокупности экспериментальных случаев и не характеризуют распределение причин уходов среди всех детей с РАС. [1].

Следовательно, одинаковое внешнее действие не предполагает одинаковой причины. Выход из помещения может быть связан как с прекращением неприятного воздействия, так и со стремлением к интересующему занятию. Более того, функция поведения может различаться в зависимости от ситуации.

Эти результаты не позволяют считать сенсорную перегрузку основной причиной всех уходов. Они обосновывают необходимость индивидуальной оценки предшествующих событий и последствий поведения.

Коммуникативные и средовые факторы. Приближение к привлекательному объекту или занятию. Ребенок может направляться к определенной цели: качелям, остановке, автобусу, знакомому маршруту. Привлекательность места может быть связана с интересом к движению, зрительным впечатлениям, запахам, повторяемой последовательности действий или другим индивидуально значимым характеристикам.

В таком случае уход не обязательно является попыткой прекратить взаимодействие со взрослым. Он может быть способом получить доступ к желаемой деятельности.

Функция получения внимания не означает сознательной манипуляции. Она описывает выявленную связь между поведением и последующими социальными событиями.

Прекращение неприятного воздействия. Уход может позволять ребенку покинуть ситуацию, связанную с чрезмерной нагрузкой, трудным заданием, тревогой или дискомфортом.

В торговом центре одновременно могут присутствовать яркое освещение, музыка, плотный поток людей, запахи и непредсказуемые прикосновения. На площадке привлекательные качели могут сочетаться с криками, теснотой и необходимостью ожидать.

Следовательно, интерес к месту не означает, что ребенок способен переносить любые условия пребывания в нем.

Вместе с тем сам факт ухода из шумного помещения не доказывает сенсорную природу поведения. Возможны иные объяснения: стремление к конкретному объекту, усталость, боль, желание завершить ожидание. Внезапное изменение поведения требует учета физического самочувствия, а при наличии соответствующих признаков — медицинской оценки.

Недостаточная определенность инструкции. Фраза «подожди минутку» в повседневной речи часто означает «оставайся рядом, пока я не закончу». Однако место ожидания, его продолжительность и последующее действие остаются не озвученными.

Некоторые дети могут испытывать трудности с пониманием такой неопределенности. Другим трудно ждать без доступного признака завершения. Возможны также переключение внимания на привлекательный объект и недостаточная сформированность навыка оставаться рядом.

Поэтому утверждение «ребенок ушел, потому что минута закончилась» допустимо только как предположение, а не как установленное объяснение.

Аналогичная ситуация возникает при обещании «пойдем на площадку», если взрослый подразумевает посещение после обеда, но не сообщает об этом. Ребенок получает информацию о цели, однако может не получить информации о последовательности действий.

Коммуникативная трудность здесь заключается не обязательно в непонимании отдельных слов, а в несовпадении доступной ребенку информации с планом взрослого.

Недостаточная доступность обращения за помощью. Наличие развернутой речи не гарантирует способности сообщать о потребности в любой ситуации. Ребенок может испытывать затруднения при распознавании своего состояния, выборе слов или обращении к другому человеку.

При увеличении нагрузки привычный способ общения может становиться менее доступным. Для ребенка, использующего альтернативную и дополнительную коммуникацию, существенным препятствием может быть отсутствие коммуникативного средства в момент возникновения потребности.

В результате уход иногда оказывается более доступным действием, чем просьба «выйти», «помоги» или «нужен перерыв».

Однако отсутствие понятной взрослому просьбы не означает отсутствия коммуникации. Предшествующие сигналы могли быть невербальными, малозаметными либо нераспознанными.

Доказательные основания профилактики. В исследовании Andersen и соавторов проанализированы ответы 526 респондентов. Семьи сообщали об использовании нескольких мер профилактики и оценивали их в целом как полезные, но обременительные [2]. Эти сведения отражают опыт родителей, однако не доказывают причинную эффективность отдельных средств.

Более сильные основания для функционально ориентированного подхода представлены в рандомизированном исследовании 2025 года с участием 76 детей с РАС в возрасте 4–12 лет. Программа включала 12 еженедельных встреч, направленных на повышение безопасности, определение функции уходов и обучение родителей соответствующим стратегиям [3].

По первичному показателю — шкале гиперактивности опросника Aberrant Behavior Checklist — межгрупповых различий не выявлено. Вместе с тем вмешательство превосходило общую программу просвещения родителей по вторичным показателям, непосредственно связанным с уходами. По оценке специалиста, не осведомленного о распределении участников, улучшение отмечено у 31,6% детей основной группы и 2,6% контрольной группы. Результаты указывают на перспективность подхода, но не означают его одинаковой эффективности для каждого ребенка.

Практические рекомендации. Для родителей:

Уточнять правила и последовательности. Вместо неопределенных указаний обозначать, где ребенок остается, что происходит сейчас и какое действие последует. Таймер использовать только при понимании его значения; сигнал не должен означать разрешение уходить самостоятельно.

Обеспечивать доступный способ обращения. Обучать просьбам о помощи, выходе или перерыве в спокойных условиях, затем переносить навык в повседневные ситуации. Способ сообщения выбирается по возможностям ребенка.

Наблюдать за обстоятельствами. Кратко фиксировать место, предшествующие события, обращение взрослого, направление движения и изменения после ухода. Такие записи помогают специалисту, но не заменяют оценку. Намеренно провоцировать опасные эпизоды недопустимо.

Согласовывать сопровождение. В каждый момент должно быть понятно, кто отвечает за наблюдение. Технические средства оповещения и отслеживания рассматриваются как дополнительные меры, а не замена сопровождения.

Для специалистов:

Операционально определять поведение. Следует описать, какие действия считаются уходом в конкретной ситуации, отдельно регистрируя попытки и состоявшиеся эпизоды.

Различать гипотезу и установленную связь. Интервью и наблюдение позволяют предполагать функцию. Экспериментальная проверка проводится только подготовленными специалистами при обеспеченной безопасности.

Обучать функционально сопоставимой альтернативе. Если уход обеспечивает перерыв или доступ к занятию, альтернативная просьба должна позволять ребенку влиять на ситуацию безопасным способом. Обучение ожиданию вводится постепенно.

Оценивать несколько результатов. Помимо частоты уходов учитываются тяжесть эпизодов, самостоятельные обращения за помощью, участие в повседневной жизни и нагрузка на семью. Снижение числа эпизодов исключительно вследствие ограничения активности не следует приравнивать к развитию навыков безопасности.

Реагирование и поддержка семьи. При исчезновении ребенка анализ предполагаемых причин не должен задерживать обращение в экстренные службы. Организаторам поиска необходимо передать сведения о коммуникации, привычных маршрутах, интересах и возможной реакции ребенка на обращение.

После обнаружения приоритетны оценка состояния и необходимая помощь. Обсуждение проводится после восстановления, доступным способом. Наказание и требование обещать «больше не уходить» недопустимы и должны быть заменены обучением безопасному поведению.

Разбор обстоятельств не должен превращаться в обвинение родителей. Профилактика требует распределения ответственности, согласованных действий специалистов и учета ресурсов семьи.

Ограничения. Рассмотрение ухода как функционально обусловленного поведения позволяет перейти от общей оценки «не слушается» к более конкретным вопросам: какие события предшествуют действию, что меняется после него и какой безопасный навык может выполнять сходную задачу.

Вместе с тем функциональная интерпретация не должна становиться новой формой упрощения. Не каждый уход объясняется сенсорной перегрузкой, буквальным пониманием речи или стремлением к любимому объекту. Несколько факторов могут действовать одновременно.

Доказательная база также имеет ограничения. Исследования родительских сообщений зависят от отбора участников и точности воспоминаний [4; 2]. Экспериментальные исследования, включенные в обзор Boyle и Adamson, охватывали небольшое число участников с различными нарушениями развития [2]. Фундаментальные работы по функциональной коммуникации обосновывают направление вмешательства, но не устанавливают эффективность каждого предложенного приема профилактики уходов [5; 6].

Настоящая статья не является систематическим обзором. Приведенные рекомендации объединяют исследовательские данные и практические принципы организации безопасности; их доказательная обеспеченность неодинакова. Эффективность конкретного плана должна оцениваться индивидуально.

Заключение. Уходы детей с РАС представляют собой неоднородное поведение. Их профилактика предполагает сочетание функциональной оценки, доступной коммуникации, адаптации среды, обучения безопасным альтернативам и организации сопровождения.

Знание ребенком цели движения не равнозначно способности безопасно ее достичь. Поэтому помощь должна быть направлена не только на предотвращение опасного действия, но и на развитие способов сообщать о потребностях и реализовывать их при необходимой поддержке.

Библиографический список:

1. Boyle, M. A. Systematic review of functional analysis and treatment of elopement (2000–2015) / M. A. Boyle, R. M. Adamson. — DOI 10.1007/s40617-017-0191-y // Behavior Analysis in Practice. — 2017. — Vol. 10, № 4. — P. 375–385.
2. Elopement patterns and caregiver strategies / A. M. Andersen, J. K. Law, A. R. Marvin, P. H. Lipkin. — DOI 10.1007/s10803-019-03961-x // Journal of Autism and Developmental Disorders. — 2020. — Vol. 50, № 6. — P. 2053–2063.
3. A randomized trial of caregiver-mediated function-based elopement treatment for autistic children / M. Scheithauer, J. Lomas Mevers, L. Scahill [et al.]. — DOI 10.1177/13623613251330388 // Autism. — 2025. — Vol. 29, № 8. — P. 1973–1986.
4. Occurrence and family impact of elopement in children with autism spectrum disorders / C. Anderson, J. K. Law, A. Daniels [et al.] // Pediatrics. — 2012. — Vol. 130, no. 5. — P. 870–877. — DOI: 10.1542/peds.2012-0762.
5. Carr, E. G. Reducing behavior problems through functional communication training / E. G. Carr, V. M. Durand // Journal of Applied Behavior Analysis. — 1985. — Vol. 18, no. 2. — P. 111–126. — DOI: 10.1901/jaba.1985.18-111.
6. Tiger, J. H. Functional communication training: a review and practical guide / J. H. Tiger, G. P. Hanley, J. Bruzek // Behavior Analysis in Practice. — 2008. — Vol. 1, no. 1. — P. 16–23. — DOI: 10.1007/BF03391716
7. Сайт ДПСО ЛизаАлерт https://lizaalert.org/

КОСС ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА – магистрант, Московский гуманитарно-экономический университет, Россия.

Н.М. Лепешкина

АПРОБАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ КРАТКИХ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ (PHQ-9, GAD-7, PSS-10, TIPI-RU) В ОЦЕНКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

В статье рассматриваются возможности применения современных кратких стандартизированных психодиагностических инструментов для оценки эмоционального состояния и базовых личностных черт студентов, обучающихся по профилю коучинга и психологического консультирования. Представлены результаты пилотажного исследования с использованием PHQ-9, GAD-7, PSS-10 и TIPI-RU. Показана целесообразность использования компактных методик в образовательной и консультативной практике. Обсуждаются перспективы интеграции цифровых и адаптивных технологий в психодиагностику.

Ключевые слова: *психодиагностика, краткие инструменты, PHQ-9, GAD-7, PSS-10, TIPI-RU, эмоциональное состояние, личностные черты, студенты-психологи, коучинг.*

Современная психологическая практика, особенно в области коучинга и психологического консультирования, предъявляет повышенные требования к оперативности, надежности и экологической валидности психодиагностических процедур. Классические многофакторные опросники, обладая высокой информативностью, часто оказываются чрезмерно трудоемкими для регулярного мониторинга состояния клиентов и обучающихся. В связи с этим возрастает интерес к кратким скрининговым и экспресс-методикам, позволяющим быстро получать достоверные данные.

По нашему мнению, краткие стандартизированные инструменты становятся основой помощи, основанной на измерениях и цифровой психодиагностики. Как подчеркивает Л. Ф. Бурлачук, «психодиагностика как отрасль психологического знания неразрывно связана с измерением индивидуальных различий и конструированием психологических тестов» [2, с. 15]. Развитие этой отрасли в последние годы характеризуется активным внедрением современных психометрических подходов, включая классическую и современную теорию тестирования. Считаем, что переход к компактным инструментам отражает общую тенденцию оптимизации диагностических процедур без существенной потери информативности.

Цель настоящего исследования − апробировать батарею современных кратких психодиагностических инструментов (PHQ-9, GAD-7, PSS-10, TIPI-RU) на выборке студентов-психологов и оценить их пригодность для экспресс-диагностики эмоционального состояния и личностных черт в контексте подготовки специалистов в области коучинга и консультирования.

Отметим, что отбор студенческой выборки обусловлен необходимостью понимания особенностей эмоционального состояния будущих практиков, поскольку работа с клиентами требует высокого уровня саморегуляции и личностной зрелости.

Теоретические основы современных инструментов психологического исследования. Теория и практика психодиагностики традиционно опираются на требования надежности, валидности и стандартизации. М. К. Акимова отмечает, что современная психодиагностика должна учитывать не только классические психометрические критерии, но и возможности компьютеризации диагностических процедур [1, с. 87]. В учебном пособии И. В. Кулагиной подчеркивается, что «основные психометрические требования, предъявляемые к психодиагностическим методикам, остаются неизменными, однако специфика их реализации в практической деятельности психолога существенно меняется» [4, с. 34]. Полагаем, что эта двойственность − сохранение фундаментальных стандартов при адаптации к новым условиям, определяет развитие инструментария в последние годы.

Значительный вклад в развитие современных методов вносит монография К. В. Карпинского и соавторов, где представлены оригинальные методики, построенные на основе классической и стохастиче-

© Н.М. Лепешкина, 2026.

Научный руководитель: *Тарасова Татьяна Викторовна* – Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

ской теории тестов [3, с. 112]. Авторы подчеркивают необходимость соответствия инструментария современным стандартам надежности и валидности. По нашему мнению, подобные подходы позволяют создавать более точные и экономичные диагностические средства.

Особое внимание в последние годы уделяется стандартизации психодиагностического инструментария. В методическом руководстве М. Г. Сороковой и коллег подробно описаны процедуры оценки качества методик в соответствии с классической теорией тестирования и современной теорией (IRT) [7, с. 12]. Считаем, что именно эти требования должны лежать в основе отбора кратких инструментов для практической работы, поскольку без соблюдения психометрических стандартов любые инновации теряют научную обоснованность.

В условиях цифровизации психологической практики возрастает роль информационных технологий. В. Э. Пахальян указывает на необходимость интеграции аппаратно-программных средств в диагностическую работу практического психолога [5, с. 156]. Справочник валидизированных психодиагностических методик в России позволяет систематизировать сведения об адаптированных инструментах и повысить качество их применения [8]. Отметим, что наличие таких открытых ресурсов существенно облегчает выбор методик для исследовательских и практических задач.

Актуальные тенденции 2026 года свидетельствуют о переходе от изолированного использования отдельных тестов к комбинированию классических опросников с цифровыми платформами и онлайн-диагностикой [9]. По нашему мнению, это создает благоприятные условия для внедрения кратких скрининговых шкал в регулярную практику, особенно в образовательной среде, где временные ресурсы ограничены.

Методы и организация исследования. В исследовании использовалась батарея из четырех современных кратких методик:

- PHQ-9 (Patient Health Questionnaire-9) − скрининг депрессивных симптомов;
- GAD-7 (Generalized Anxiety Disorder-7) − скрининг генерализованной тревоги;
- PSS-10 (Perceived Stress Scale-10) − шкала воспринимаемого стресса;
- TIPI-RU (Ten-Item Personality Inventory, русская адаптация) − краткий опросник Большой пятёрки.

Выбор этих инструментов обусловлен их компактностью, высокой психометрической обоснованностью и широким применением в современных исследованиях. Как показывают зарубежные данные, машинное обучение позволяет существенно оптимизировать процедуры оценки психического здоровья, сокращая количество пунктов при сохранении точности [11]. Полагаем, что сочетание классических скрининговых шкал с кратким личностным опросником дает достаточно полную картину для первичной оценки состояния.

Пилотажное исследование проведено на выборке 12 студентов-психологов (магистранты профиля «Коучинг и психологическое консультирование», возраст 22-28 лет). Данные собирались онлайн с соблюдением этических норм. Для статистической обработки применялись описательная статистика и корреляционный анализ (коэффициент Спирмена). Отметим, что небольшой объем выборки характерен для пилотажных исследований и позволяет лишь наметить тенденции, требующие дальнейшей проверки.

Представим результаты исследования. Средние показатели по скрининговым шкалам составили: PHQ-9 − 7,4 балла (лёгкая выраженность), GAD-7 − 6,9 балла (лёгкая выраженность), PSS-10 − 18,2 балла (умеренный уровень стресса). По шкалам TIPI-RU наиболее высокими оказались показатели доброжелательности (5,6) и открытости опыту (5,7), нейротизм находился на среднем уровне (3,9).

Корреляционный анализ выявил статистически значимые положительные связи нейротизма с показателями PHQ-9 ($r = 0,62$), GAD-7 ($r = 0,58$) и PSS-10 ($r = 0,71$). Отрицательная корреляция обнаружена между добросовестностью и уровнем воспринимаемого стресса ($r = -0,49$).

Полученные данные согласуются с теоретическими представлениями о роли нейротизма как фактора уязвимости к эмоциональному неблагополучию. Отметим, что даже на небольшой выборке краткие инструменты продемонстрировали достаточную чувствительность. По нашему мнению, это свидетельствует о их практической ценности для экспресс-диагностики в условиях ограниченных временных ресурсов.

Обсуждение результатов. Результаты пилотажа подтверждают целесообразность использования современных кратких методик в подготовке будущих коучей и консультантов. По нашему мнению, регулярный мониторинг эмоционального состояния с помощью PHQ-9, GAD-7 и PSS-10 позволяет своевременно выявлять зоны риска профессионального выгорания. Считаем важным, что данные инструменты могут применяться не только для диагностики клиентов, но и для самодиагностики специалистов, что способствует развитию рефлексии и профилактике эмоционального истощения.

Важным направлением дальнейшего развития является интеграция искусственного интеллекта. Н. В. Савинова подробно рассматривает возможности машинного и глубокого обучения для анализа данных

психологического тестирования [6, с. 132]. Н. Е. Юрьева подчеркивает перспективность мультимодальных AI-моделей для диагностики когнитивных состояний в цифровой среде [10, с. 49]. Полагаем, что сочетание кратких самоотчетных методик с алгоритмами машинного обучения открывает новые возможности для персонализированной диагностики.

Значительный интерес представляют рекомендации экспертного сообщества по амбулаторной оценке психического здоровья. J. Löchner и соавторы формулируют консенсус относительно стандартов ambulatory assessment, подчеркивая необходимость гармонизации подходов [12, с. 928]. Считаем, что краткие скрининговые инструменты могут успешно встраиваться в подобные протоколы, обеспечивая регулярность и экологическую валидность измерений.

Таким образом, сочетание классических психометрических требований с современными цифровыми и адаптивными технологиями открывает новые возможности для оперативной и экологически валидной диагностики. Отметим, что полученные в пилотаже данные, несмотря на ограниченный объем выборки, подтверждают практическую значимость выбранной батареи и создают основу для более масштабных исследований.

В целом проведенное исследование позволяет заключить, что современные краткие психодиагностические инструменты (PHQ-9, GAD-7, PSS-10, TIPI-RU) обладают достаточной чувствительностью и удобством для экспресс-оценки эмоционального состояния и личностных черт студентов-психологов. Выявленные корреляции нейротизма с показателями эмоционального неблагополучия подтверждают теоретические ожидания и свидетельствуют о валидности используемых методик. Полагаем, что апробированная батарея может быть рекомендована для регулярного мониторинга в образовательной практике подготовки специалистов в области коучинга и психологического консультирования.

Перспективным направлением дальнейшей работы является интеграция кратких инструментов с технологиями искусственного интеллекта и амбулаторной оценки, что позволит повысить точность и экологическую валидность диагностических процедур.

Библиографический список:

1. Акимова, М. К. Психодиагностика. Теория и практика: учебник / под редакцией М. К. Акимовой. − 4-е изд., перераб. и доп. − Москва: Юрайт, 2024. − 609 с. − ISBN 978-5-534-16295-0.
2. Бурлачук, Л. Ф. Психодиагностика: учебник для вузов / Л. Ф. Бурлачук. − 2-е изд., перераб. и доп. − Санкт-Петербург: Питер, 2011. − 384 с. − ISBN 978-5-496-01584-4.
3. Карпинский, К. В. Современные методы психологической диагностики: монография / К. В. Карпинский, А. М. Колышко, Т. В. Парфенова. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2022. – 398 с. – ISBN 978-985-582-500-6.
4. Кулагина, И. В. Современная психодиагностика: теория и методы: учебное пособие / И. В. Кулагина. − Тольятти: ТГУ, 2023. − 156 с. − ISBN 978-5-8259-1337-7.
5. Пахальян, В. Э. Диагностика в практической психологии: учебное пособие / В. Э. Пахальян. − Москва: Инфра-Инженерия, 2025. − 244 с. – ISBN 978-5-9729-2293-2.
6. Савинова, Н. В. Применение искусственного интеллекта для интеллектуального анализа данных психологического тестирования и консультирования / Н. В. Савинова // Основные направления современных исследований в психологии. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026. – С. 125-159.
7. Сорокова, М. Г. Руководство по стандартизации психодиагностического инструментария: требования и оценка качества: методическое руководство / М. Г. Сорокова, Е. Ю. Карданова, Н. П. Радчикова, В. В. Федоров. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2024. – 48 с. – ISBN 978-5-94051-331-5.
8. Справочник валидизированных психодиагностических методик в России [Электронный ресурс]. − URL: https://psymetodiki.ru/.
9. Тренды психодиагностики 2026: новые тесты, шкалы и методы, которые активно используют психологи [Электронный ресурс]. − URL: https://www.b17.ru/article/895494/.
10. Юрьева, Н. Е. Искусственный интеллект в психодиагностике: когнитивные состояния в цифровой образовательной среде / Н. Е. Юрьева // Моделирование и анализ данных. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 47-55. – DOI 10.17759/mda.2025150303.
11. Colledani, D. Fast, smart, and adaptive: using machine learning to optimize mental health assessment and monitor change over time / D. Colledani, C. Barbaranelli, P. Anselmi // Scientific Reports. − 2025. − Vol. 15. − Article 6492. − DOI: 10.1038/s41598-025-91086-w.
12. Löchner, J. Ambulatory assessment in mental health: expert consensus and recommendations / J. Löchner // Nature Mental Health. − 2026. − Vol. 4. − P. 926-935. − DOI: 10.1038/s44220-026-00658-w.

ЛЕПЕШКИНА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.В. Захарова

РЕАЛИЗАЦИЯ УРОВНЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ГЕОМЕТРИИ СРЕДСТВАМИ ДИНАМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ GEOGEBRA ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЕГЭ

В статье рассматривается методика применения динамической среды GeoGebra для реализации уровневой дифференциации обучения геометрии при подготовке к ЕГЭ. Теоретической основой выступает концепция дифференцированного обучения математике Р. А. Утеевой, предполагающая выделение четырех типологических групп учащихся (A–D), где системообразующим признаком является мера помощи учителя. Показано, что перенос дифференцированных заданий в среду GeoGebra позволяет перевести меру помощи из плоскости текстовых инструкций в плоскость интерфейса интерактивного задания. Приведены примеры заданий для каждого уровня.

Ключевые слова: *дифференциация обучения, уровневая дифференциация, GeoGebra, динамическая геометрия, подготовка к ЕГЭ, мера помощи.*

© Е.В. Захарова, 2026.

Научный руководитель: *Демченкова Наталья Анатольевна* - кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики и математического образования, Тольяттинский государственный университет.

Геометрические задания стабильно остаются одними из наиболее сложных для школьников на ЕГЭ по математике. Традиционная подготовка, при которой весь класс работает с едиными заданиями в едином темпе, не позволяет в полной мере учесть разрыв в уровне подготовки учеников. В связи с этим особую актуальность приобретает уровневая дифференциация. Однако реализация дифференцированного подхода «на бумаге» требует от учителя создания огромного количества карточек, их хранения и проверки. Решением этой проблемы может стать использование динамической математической среды GeoGebra [5].

Теоретическую основу исследования составляет концепция уровневой дифференциации Р. А. Утеевой. В ее работах обучение строится с учетом типологических групп учащихся и меры помощи учителя [1]. Большой потенциал для такой работы дает среда GeoGebra. Она позволяет создавать динамические чертежи, которые делают сложную геометрию понятнее и доступнее для самостоятельного изучения [5]. В данной концепции дифференциация строится на фактическом уровне знаний и умений учащихся [2]. Выделяются четыре типологические группы:

Группа А — учащиеся, знающие «сверх программы», способные к самостоятельному исследованию.

Группа В — учащиеся, с хорошим уровнем умений, решающие многошаговые задачи.

Группа С — учащиеся, с минимальным уровнем, работающие по алгоритму.

Группа D — учащиеся, не достигшие минимального уровня (узнавание, прямая подстановка).

Р.А. Утеева рассматривает дифференциацию не как «сортировку» учеников, а как инструмент организации учебной деятельности, где системообразующим признаком является мера помощи со стороны учителя [1].

GeoGebra как инструмент реализации меры помощи Дидактический потенциал GeoGebra [5] позволяет сделать меру помощи не просто текстом на карточке, а свойством самого интерактивного задания.

На уровне D среда предоставляет максимум: готовый чертеж, сетку, инструмент «Площадь», автоматическую проверку.

На уровне С ученик получает только базовый чертеж и текстовую подсказку-принцип.

На уровне В готовые углы и теорему, но алгоритм решения не дается.

На уровне А ученик получает только условие и «чистое полотно», где он сам строит модель, использует ползунок для исследования и формулирует гипотезу.

Примеры интерактивных заданий. В качестве содержательной основы для дифференцированных заданий были выбраны типовые задания из открытого банка ФИПИ и сборников для подготовки к ЕГЭ под редакцией И. В. Ященко [3]. Уровень D (Рисунок 1). Задание на нахождение площади треугольника на клетчатой бумаге. Данный тип задач соответствует заданию базового уровня ЕГЭ («Задачи на квадратной решётке») [3]. Интерактивная модель содержит формулу, пунктирную достройку и ползунок, двигающий вершину. Ученик работает с треугольником, вершины которого лежат в узлах сетки: A(1;1), B(5;1), C(3;4). Перетаскивая вершину, ученик наблюдает инвариантность площади.

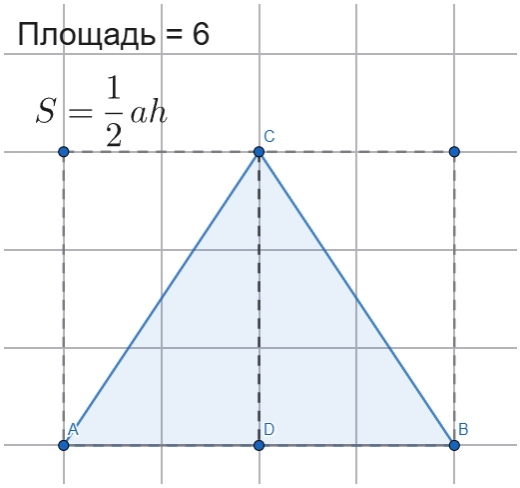

Рис. 1. Интерактивное задание уровня D: максимальная мера помощи при изучении площади треугольника

Ученик применяет формулу площади треугольника $S = \frac{1}{2}ah$. Основание AB лежит на линии сетки, его длина равна 5−1=4 клетки. Высота, проведенная из вершины C к основанию AB, равна 4−1=3 клетки. Тогда $S = \frac{1}{2} \cdot 4 \cdot 3 = 6$. Роль GeoGebra заключается в том, что интерактивная модель содержит

формулу, пунктирную достройку и ползунок t, двигающий вершину C по прямой y=4. Перетаскивая вершину, ученик видит, что при изменении координаты xC от 1 до 5 основание и высота не меняются, следовательно, значение площади остается неизменным (S=6). Это формирует понимание инвариантности площади.

Уровень C (Рисунок 2). Площадь треугольника с вершиной не в узле. Формула скрыта, есть только текст-подсказка о достройке до прямоугольника. Площадь треугольника с вершиной не в узле: A(1;1), B(5;1), C(2.5;4).

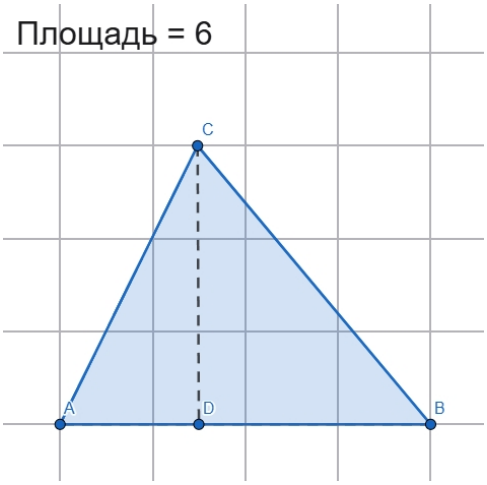

Рис. 2. Интерактивное задание уровня C: указание на общий принцип решения

Прямое применение формулы $S = \frac{1}{2}ah$ затруднено, так как основание высоты не попадает в узел (высота равна 3, но основание разбивается на нецелые части). Ученик применяет метод «достройки»: достраивает треугольник до прямоугольника со сторонами 4 и 3 (его площадь 12). Затем из площади прямоугольника вычитаются площади трех прямоугольных треугольников

$$S_1 = \frac{1}{2} \cdot 1{,}5 \cdot 3 = 2{,}25$$

$$S_2 = \frac{1}{2} \cdot 2{,}5 \cdot 3 = 3{,}75$$

$$S = 12 - 2{,}25 - 3{,}75 = 6$$

Роль GeoGebra состоит в обеспечении обратной связи. Ученик не видит готовой формулы, ему дана только подсказка о достройке, а интерактивная среда позволяет проверить правильность самостоятельных вычислений с помощью инструмента «Площадь».

Уровень B (Рисунок 3). Вписанный угол. На полотне построены углы ABD, CAD и ABC, дана теорема-подсказка. Ученик сам формулирует гипотезу о сумме углов. Дана окружность, на ней точки A,B,C,D. Известны углы ∠ABD=27,5°и ∠CAD=62,5°. Нужно найти ∠ABC. Прототипом для данного задания послужила задача из сборника Ященко для профильного уровня [4].

Рис. 3. Интерактивное задание уровня B: применение теоремы о вписанном угле

По теореме о вписанном угле ∠ABD опирается на дугу AD, а ∠CAD— на дугу CD. ∠ABC опирается на дугу AC, которая равна сумме дуг AD и CD. Следовательно, ∠ABC = ∠ABD +∠CAD = 27,5°+ 62,5°=90°.

Роль GeoGebra в данном случае заключается в визуализации теоремы. На полотне построены углы и дана текстовая подсказка, а ученик самостоятельно формулирует гипотезу о сумме углов и проверяет её, перетаскивая точку D. При любом положении D на дуге AC сумма углов остается равной 90°, что наглядно подтверждает теорему.

Уровень A (Рисунок 4). Исследовательская задача: при каком расположении точки D на дуге угол ABC достигает наибольшего значения? Полотно пустое, ученик использует ползунок и сам выдвигает гипотезу.

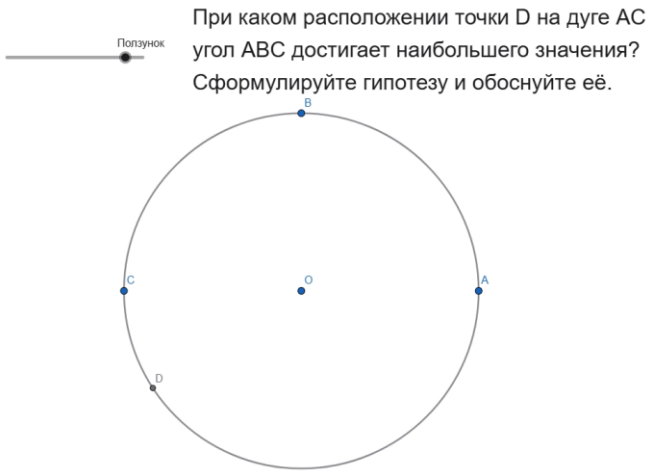

Рис. 4. Интерактивное задание уровня A: исследовательская задача с минимальной мерой помощи

Угол ABC опирается на дугу AC, не содержащую точку B. Величина этого угла равна половине градусной меры дуги AC, которая является постоянной величиной для фиксированных точек A,B,C. Следовательно, угол ∠ABC не зависит от положения точки D на дуге AC и остается постоянным. Наибольшее (и единственное) значение достигается при любом положении D на этой дуге. Если же точка D переходит на другую дугу AC (содержащую точку B), угол ∠ABC меняет свою величину (становится смежным).

Заключение. Использование GeoGebra позволяет перевести дифференциацию из плоскости «сложности текста» в плоскость «меры самостоятельности ученика». Уровни A–D перестают быть просто ярлыками, они становятся режимами работы в среде. Предложенная методика соединяет проверенную концепцию Утеевой [2] с современными цифровыми инструментами [5], что делает подготовку к ЕГЭ по геометрии более эффективной.

Библиографический список:

1. Утеева Р. А. Дифференцированное обучение математике: концепция, технология, опыт. — Тольятти : ТГУ, 2005.

2. Утеева Р. А. Теоретические основы организации учебной деятельности учащихся при дифференцированном обучении математике в средней школе : дис. … д-ра пед. наук. — М., 1998. — 380 с.

3. ЕГЭ 2026. Математика. Базовый уровень. 36 вариантов. Типовые варианты экзаменационных заданий / И. В. Ященко [и др.]. — М. : Экзамен, 2026.

4. ЕГЭ 2026. Математика. Профильный уровень. 36 вариантов. Типовые варианты экзаменационных заданий / И. В. Ященко [и др.]. — М. : Экзамен, 2026.

5. GeoGebra: официальный сайт. — URL: https://www.geogebra.org (дата обращения: 25.10.2026).

ЗАХАРОВА ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – магистрант кафедры высшей математики и математического образования, Тольяттинский государственный университет.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.С. Алескерова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА И ИМПОРТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье исследуются экономические последствия политики локализации для российского экспорта и импорта в период 2023–2025 годов, ставший временем глубокой структурной перестройки внешней торговли под влиянием санкционного давления. Анализируется динамика, товарная и географическая структура импорта и экспорта, а также вызовы, связанные с импортозамещением. Установлено, что локализация носит асимметричный характер: наиболее активно замещение идёт в высокотехнологичном сегменте, тогда как в потребительском и агропродовольственном направлениях оно практически не наблюдается. Показано, что, несмотря на переориентацию импорта на азиатские рынки (доля Китая достигла 39%), сохраняются критические уязвимости в фармацевтике, медицинском оборудовании и авиационной технике. Сокращение параллельного импорта почти вдвое (с 45 млрд долл. за 9 месяцев 2024 г. до 23,1 млрд долл. в 2025 г.) отражает как рост отечественного производства, так и административное давление. Экспорт остаётся сырьевым: доля минеральных продуктов в 2025 году составила 53,9%, несырьевой рост обеспечивается металлами (+17,4%) и химией (+21,6%), однако объёмы этих групп на 10–38%

© Н.С. Алескерова, 2026.

Научный руководитель: *Кусков Александр Николаевич* – кандидат военных наук, доцент кафедры мировой экономики и таможенной статистики, Российская таможенная академия, Россия.

ниже уровня 2021 года. Таким образом, выявлено, что локализация, призванная укрепить экономический суверенитет, ослабляет экспортный потенциал высокотехнологичных отраслей из-за дефицита импортных компонентов. Локализация работает как инструмент адаптации, но не как инструмент развития; для превращения её в источник конкурентных преимуществ необходимы системные инвестиции в образование, науку и производственную культуру.

Ключевые слова: *локализация; импортозамещение; российский экспорт; российский импорт; санкционное давление; параллельный импорт; географическая структура торговли; высокотехнологичный экспорт; экономический суверенитет; технологическая зависимость.*

Период 2023–2025 годов стал для российской внешней торговли временем глубокой структурной перестройки, вызванной санкционным давлением и последовательной политикой локализации производства. Этот трёхлетний отрезок позволяет увидеть не только краткосрочные эффекты адаптации, но и долгосрочные тенденции, которые определят облик российской экономики на годы вперёд. Локализация — политика, направленная на увеличение доли отечественных товаров и компонентов в конечной продукции — стала центральным элементом экономической стратегии России после 2022 года [1]. Однако её последствия для экспорта и импорта носят глубоко противоречивый характер: они включают как очевидные выгоды, так и существенные издержки.

Локализация и импорт: динамика, товарная структура, вызовы.

Российский импорт за рассматриваемый период продемонстрировал удивительную устойчивость в абсолютных цифрах при радикальном изменении внутренней структуры. Если в 2023 году импорт составил 285,1 млрд долларов, после обвала 2022 года, то к 2025 году он снизился до 279,0 млрд долларов [2][13]. Такая стабильность общего объёма маскирует глубокие сдвиги, произошедшие внутри товарной корзины.

Таблица 1

Российский импорт, 2021–2025 гг.

Год	Импорт, млрд долл.	Изменение, %
2021	293,5	—
2022	259,1	−11,7
2023	285,1	+10,0
2024	283,0	−0,8
2025	279,0	−1,4

Наиболее показательным стало сокращение ввоза машин, оборудования и транспортных средств — категории, которая традиционно доминировала в российском импорте. В 2023 году доля этой группы достигла 51,1% (145,8 млрд долларов), однако к 2025 году она упала до 48,6% [3]. Этот спад отражает влияние санкционного давления, ограничений в ввозе и поднимает вопрос о необходимости производства достойных отечественных аналогов. Уже в 2025 году для развития отечественного производства в машиностроении были введены новые ставки утилизационного сбора. Параллельно вырос ввоз продовольствия и сельскохозяйственного сырья — до 43,4 млрд долларов, что подчёркивает ограниченные возможности российского агропромышленного комплекса полностью заместить отдельные категории товаров. Импорт химической продукции, напротив, остался практически неизменным, достигнув 55,5 млрд долларов, что свидетельствует о сохранении зависимости от импортных компонентов в фармацевтике и производстве среднетоннажной химии. Данные представлены в таблице 2 [4].

Таблица 2

Товарная структура импорта 2023 и 2025 года, млрд. долл.

Категория	2023	2023, %	2025	2025, %
Машины, оборудование, транспорт	145,8	51,1	135,6	48,6
Химическая продукция	55,7	19,5	55,5	19,9
Продовольствие и сельхозсырьё	35,1	12,3	43,4	15,6
Прочие	48,5	17,1	44,5	15,9
Итого	285,1	100	279,0	100

Такая динамика указывает на асимметричный характер локализации: замещение наиболее активно идёт в высокотехнологичном сегменте, тогда как в потребительском и агропродовольственном направ-

лениях оно практически не наблюдается. Ключевой причиной этого дисбаланса стали санкционные ограничения на поставки высокотехнологичной продукции, вынудившие российские предприятия искать обходные пути или отказываться от сложного оборудования [5].

Географическая структура импорта претерпела ещё более радикальные изменения. Доля стран Азии выросла с 43,1% в 2021 году до примерно 67% в 2025 году, а доля Китая достигла 39%, обеспечив ему позицию доминирующего поставщика на российском рынке. Импорт из европейских стран, напротив, продолжал сокращаться: в 2025 году он составил 72,3 млрд долларов [2][13].

Таблица 3

Географическая структура импорта, 2021–2025 гг., %

Направление	2021	2023	2024	2025
Китай, доля	24,8	36,9	~39	~39
Азия (всего), доля	43,1	53,6	~68	~67
Европа, млрд долл.	~89	78,5	73,1	72,3
Америка, млрд долл.	~16	15,0	14,8	16,3
Африка, млрд долл.	~3	3,4	3,5	4,4

Таблица 4

Импорт по регионам в стоимостном выражении, млрд долл.

Регион	2023	2024	2025
Азия	187,5	191,2	185,9
Европа	78,5	73,1	72,3
Америка	15,0	14,8	16,3
Африка	3,4	3,5	4,4

Однако за фасадом успешной переориентации скрывается тревожная тенденция: стагнация азиатского импорта в 2024–2025 годах на уровне около 186–191 млрд долларов указывает на исчерпание экстенсивных возможностей роста. Более того, анализ Института Гайдара показывает, что Китай не смог заместить европейские поставки в наиболее критичных высокотехнологичных группах — фармацевтике, медицинском оборудовании, авиационной технике. Если в поставках автотранспорта и механического оборудования китайские производители действительно вытеснили европейские, то в фармацевтике объём поставок из ЕС остаётся на досанкционном уровне — 9,3 млрд долларов в 2024 году против 9,4 млрд в 2021-м, тогда как Китай обеспечивает лишь 107 млн долларов [6]. Это означает, что локализация не столько устранила зависимость от внешних поставщиков, сколько изменила её вектор: с западного на восточный, сохранив при этом критические уязвимости.

Одним из наиболее заметных проявлений локализации стало резкое сокращение параллельного импорта. Если в 2023 году объём поставок по этому механизму оценивался в 30–35 млрд долларов, а за девять месяцев 2024 года достиг 45 млрд, то по итогам 2025 года он составил лишь 20,9–23,1 млрд долларов, сократившись почти вдвое. Среднемесячные объёмы упали с 3–4 млрд долларов в 2024 году до примерно 1,9 млрд в 2025-м, а в январе 2026 года достигли исторического минимума в 1 млрд долларов. Данные представлены в таблице 5 [7].

Таблица 5

Динамика параллельного импорта, 2023–2026 гг.

Период	Объём, млрд. долл.	Среднемесячно, млрд. долл.	Доля в импорте, %
2023 год	~30–35	~2,5–2,9	~11–12
2024 год	45	3–4	~16
2025 год	23,1	~1,9	~8,3
Январь 2026	~1	~1	—

Официальные власти трактуют это как успех импортозамещения. Глава Комитета Госдумы по экономической политике Максим Топилин заявил, что сокращение связано с систематическим пересмотром перечня разрешённых к ввозу товаров, исключением позиций, производство которых налажено внутри страны [8]. Министр промышленности и торговли Антон Алиханов подтвердил, что динамика отражает развитие отечественных производственных мощностей и наличие альтернатив из дружественных стран [9]. Действительно, выпуск радиоэлектроники за первые 11 месяцев 2025 года вырос на 13%, автотранспортных средств — на 27,4%, электронных и оптических изделий — на 35% [8].

Однако независимые эксперты отмечают и другую сторону процесса: часть товаров не была замещена, а просто исчезла с рынка. Административное давление — ужесточение таможенного контроля,

повышение утильсбора — сыграло не меньшую роль, чем реальное импортозамещение. В автомобильной отрасли параллельный импорт занимал 35–37% рынка в 2022–2023 годах, но был фактически «убит» повышением утильсбора [10]. Это означает, что сжатие параллельного импорта не является однозначным индикатором успеха локализации: за ним стоит как рост отечественного производства, так и сокращение потребительских возможностей.

Локализация и экспорт: товарная структура, динамика, вызовы.

Российский экспорт в 2023–2025 годах продемонстрировал разнонаправленную динамику, определявшуюся прежде всего ценовой конъюнктурой на энергоносители. После обвала 2023 года на 28,3% до 425,1 млрд долларов последовало восстановление в 2024-м на 2,1% до 433,9 млрд, сменившееся новым снижением в 2025-м на 3,7% до 418,3 млрд. Ключевым фактором падения стало снижение стоимости минеральных продуктов до 225,3 млрд долларов — на 14,7% к 2024 году и на 18,2% к 2021-му. Доля этой категории в экспортной структуре упала до 53,9% — минимального значения за последние годы [2][13].

Таблица 6

Российский экспорт, 2021–2025 гг.

Год	Экспорт, млрд долл.	Изменение, %
2021	492,0	—
2022	592,6	+20,4
2023	425,1	−28,3
2024	433,9	+2,1
2025	418,3	−3,7

Таблица 7

Товарная структура экспорта, 2023–2025 гг., млрд. долл.

Категория	2023	2024	2025
Минеральные продукты	260,1	264,1	225,3
Металлы и изделия	60,0	63,7	74,7
Сельхозпродукция	43,1	42,6	40,9
Машины, оборудование, транспорт	~23	~23,4	29,6
Итого	425,1	433,9	418,3

На фоне падения энергетического экспорта наблюдался восстановительный рост в несырьевых сегментах. Экспорт химической продукции вырос на 21,6% до 33,6 млрд долларов, металлов и изделий из них — на 17,3% до 74,7 млрд, машин, оборудования и транспортных средств — на 26,5% до 29,6 млрд [11]. Однако даже с учётом этого роста объёмы экспорта этих групп остаются на 10–38% ниже уровня 2021 года, а доля машин и оборудования в экспорте в 2023 году выросла лишь на 0,2 процентного пункта — с 5,2% до 5,4%. Это означает, что несырьевой экспорт растёт с низкой базы и не компенсирует потерь энергетического направления.

Географический разворот экспорта оказался даже более резким, чем в импорте. Доля стран Азии в экспорте выросла с примерно 72% (306,6 млрд. долл) в 2023 году до 78% (326 млрд. долл.) в 2025-м, тогда как европейское направление сократилось с 20% (84,9 млрд. долл) в 2023 году до 14% (57,4 млрд. долл.) в 2025-м [12][13]. Экспорт в Африку стабилизировался на уровне 22–24 млрд долларов.

Таблица 8

Географическая структура экспорта, 2023–2025 гг., млрд. долл.

Регион	2023	2024	2025	Δ 2025/2023
Азия	306,6	329,2	326,0	+6,3%
Европа	84,9	68,4	57,4	−32,4%
Африка	21,2	24,3	22,7	+7,1%
Америка	12,2	11,9	12,1	−0,8%

Таблица 9

Доля Азии и Европы в экспорте, 2023–2025 гг., %

Направление	2023	2024	2025
Азия, доля	~72	~76	~78
Европа, доля	~20	~16	~14

Однако переориентация на Азию не компенсировала потерю европейского рынка в полной мере. Если в 2021 году Европа и Азия были примерно равны по объёму, то к 2025 году Азия стала доминирующим направлением с почти шестикратным отрывом. При этом стагнация азиатского экспорта в 2024–

2025 годах указывает на исчерпание потенциала экстенсивного роста: Россия не может бесконечно наращивать поставки в Китай и Индию без изменения структуры торговли. Китай и Индия получили возможность приобретать российские ресурсы со значительными скидками, что усилило их переговорную позицию. В ноябре 2025 года дисконт Urals к Brent достиг 19,4 доллара за баррель — максимального значения за год — из-за санкций США против «Роснефти» и «ЛУКОЙЛа» [12][13].

Несырьевой экспорт демонстрирует противоречивые тенденции. Металлы и изделия из них стали главным драйвером роста: их доля в экспорте выросла с 11,9% в 2022 году до 14,1% в 2023-м и далее до 17,9% в 2025-м [11]. Экспорт металлов увеличился с 60,0 млрд долларов в 2023 году до 74,7 млрд в 2025-м, что объясняется увеличением спроса на азиатских рынках и переориентацией сбыта с европейских на китайские и индийские предприятия.

Таблица 10

Динамика несырьевого экспорта, 2023–2025 гг., млрд. долл.

Категория	2023	2024	2025	Δ 2025/2024	Δ 2025/2021
Металлы и изделия	60,0	63,7	74,7	+17,4%	−10%
Химическая продукция	~27	~27	~33	+21,6%	−38%
Машины и оборудование	~23	~23,4	29,6	+26,6%	−30%
Сельхозпродукция	43,1	42,6	40,9	−4,1%	−5%

Однако в высокотехнологичном сегменте картина иная. Исследование Президентской академии (РАНХиГС) показало, что сокращение промежуточного импорта на один процентный пункт приводит к снижению выпуска примерно на 1,9%, причём для экспортёров высокотехнологичной продукции эффект оказывается примерно в семь раз сильнее [14]. Это создаёт парадоксальную ситуацию: политика локализации, призванная укрепить экономический суверенитет, одновременно ослабляет экспортный потенциал наиболее перспективных отраслей. Компании, ориентированные на внешний рынок, активнее используют импортные комплектующие, и ограничение доступа к ним подрывает их конкурентоспособность.

Ключевой риск для импорта — дальнейший рост зависимости от Китая, доля которого может достичь 40–43%. Особенно тревожна ситуация в критических секторах: по данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в 2025 году 73% опрошенных промышленных предприятий заменили подсанкционное импортное оборудование на китайские аналоги, и лишь около трети — на российские [6]. Доля машиностроения в добавленной стоимости промышленности России составляет лишь 8,8% против 22,8% в Китае, а доля высокотехнологичных отраслей — 4,1% против 15,7%. Это означает, что технологический разрыв не сокращается, а в некоторых аспектах может увеличиваться.

Трёхлетний период 2023–2025 годов показал, что локализация в России — это одновременно необходимость и риски. Необходимость, потому что санкции сделали сохранение прежней модели внешней торговли невозможным. Риски, потому что замещение импорта без развития собственных технологий ведёт к смене зависимости, а не к её устранению. Импорт сократился незначительно, но структурно переориентировался: доля машин и оборудования падает, продовольствия — растёт, Китай становится доминирующим партнёром. Экспорт остаётся сырьевым, несырьевой рост обеспечивается металлами и химией, а высокотехнологичный сегмент стагнирует из-за дефицита импортных компонентов. Локализация работает как инструмент адаптации, но не как инструмент развития, то есть для превращения её в источник реальных конкурентных преимуществ необходимы системные инвестиции в образование, науку и производственную культуру — то, что невозможно заменить административными мерами.

Библиографический список:

1.Ляченков М. И. Структурные основы локализации инновационных процессов в отечественной индустрии автокомпонентов // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2025. — № 6 (248). — С. 75–83.

2.Федеральная таможенная служба России. Положительное сальдо внешней торговли РФ за 2025 год снизилось на 8,17%: [сайт]. — ТАСС, 2026. — 10 февраля. — URL: https://tass.ru — Текст: электронный.

3.Экспорт в 2025 году упал вместе с импортом: Мониторинг внешней торговли // Коммерсантъ. — 2026. — № 23. — 11 февраля. — С. 2. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8420772 — Текст: электронный.

4.Russia’s trade balance surplus decreases 8.2% in 2025 to $139.3 bln — Federal Customs Service: [сайт]. — Interfax, 2026. — 10 February. — URL: https://interfax.com/newsroom/top-stories/116055/ — Текст: электронный.

5.Романова Ю. В., Полянская В. А., Пермовский А. А. Организационно-экономический механизм поддержки импортозамещающих проектов на предприятиях промышленности // Russian Economic Bulletin. — 2025. — Т. 8, № 5. — С. 139–146.

6.Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. — М. : ИЭП, 2025. — № 14 (156). — С. 5–22.

7.Чекушов Р. А. Объём параллельного импорта в РФ в 2025 году составил более $23,1 млрд : [интервью] // ТАСС. — 2026. — 20 февраля. — URL: https://tass.com/economy/2089701 — Текст: электронный.

8.Чекушов Р. А. В Минпромторге сообщили о снижении объёма параллельного импорта в 2025 году // RT на русском. — 2026. — 19 февраля. — URL: https://russiatoday.ru/business/news/1598272-obyom-parallelnogo-importa — Текст: электронный.

9.Алиханов А. А. Антон Алиханов спрогнозировал объем параллельного импорта в 2026 году в $20,5 млрд // Эксперт. — 2026. — 2 сентября. — URL: https://expert.ru/vef/anton-alikhanov-obem-parallelnogo-importa-v-rf-v-2026-godu-mozhet-sostavit-205-mlrd Текст: электронный.

10.Павлов Д. Кому грозит доначисление утильсбора // Autonews. — 2026. — 12 октября. — URL: https://www.autonews.ru — Текст: электронный.

11.Экспорт подешевел, импорт развернулся: Мониторинг внешней торговли // Коммерсантъ. — 2026. — № 40/В. — 10 марта. — С. 2. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8497242 — Текст: электронный.

12.Trade turnover between China, Russia down 6.9% in 2025 to $228 bln — customs: [сайт]. — TASS, 2026. — 14 January. — URL: https://tass.com/economy/2070849 — Текст: электронный.

13.Trade statistics for international business development. [Электронный ресурс] // Режим доступа // https://trademap.org

14.Эксперт Академии рассказал о последствиях санкций: [сайт] // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. — URL: https://www.ranepa.ru/eng/news/ekspert-akademii-rasskazal-o-posledstviyakh-sanktsiy/— Текст: электронный.

АЛЕСКЕРОВА НУРИДА САФАЙИЛ КЫЗЫ – магистрант, Российская таможенная академия, Россия.

Д.А. Лазарев

ПРОБЛЕМА СОПОСТАВЛЕНИЯ КЛИЕНТСКИХ ЗАЯВОК С НОМЕНКЛАТУРОЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В B2B-ПРОДАЖАХ: ПРИЧИНЫ И ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ

Работа посвящена задаче перевода заявок клиентов, составленных в свободной форме, в позиции номенклатуры промышленного предприятия (на примере производителя железобетонных изделий). Разбор 26 типичных заявок на железобетонные изделия позволил выделить шесть типов расхождений между формулировкой клиента и каталогом; в большинстве заявок сочетается сразу несколько таких типов. По критериям, значимым для среднего предприятия, автором сопоставлены подходы к автоматизации этой задачи: справочники синонимов, нечёткий поиск, извлечение параметров, методы машинного обучения, конфигураторы продукции и прецедентный подход. Сформулированы требования к средству поддержки менеджера по продажам на заводе.

Ключевые слова: *B2B-продажи, обработка заказов, номенклатура, сопоставление заявок, нечёткий поиск, прецедентный подход, поддержка принятия решений, промышленное предприятие.*

Цифровая трансформация отраслей экономики входит в число национальных целей развития Российской Федерации [1]. Сбыт на многих средних промышленных предприятиях при этом по-прежнему держится на ручном труде менеджеров. Так, в исследовании цифровизации продаж на первый план выходят CRM-системы, многоканальный маркетинг и анализ клиентских данных [2], а разбор поступившей заявки, с которого начинается обработка заказа, остаётся вне поля зрения.

В B2B-продажах промышленной продукции клиент редко называет изделие маркой. Заявки приходят по почте, в мессенджерах и по телефону и написаны языком потребителя: назначение, примерные размеры, количество в тех единицах, которые удобны клиенту. Менеджеру нужно понять, что имелось в виду, подобрать изделия по каталогу, пересчитать количество и лишь затем подготовить коммерческое предложение или счёт. Даже простая заявка требует сверки с печатным каталогом, уточнения размера, оформления заказа в учётной системе и выставления счёта, а на сложную уходит заметно больше времени. Вне сезона автору настоящей статьи приходится разбирать 10–15 заявок в день, в сезон их больше. Соответствие между словами клиентов и марками изделий нигде не записано целиком и остаётся личным навыком опытных сотрудников. Под номенклатурой здесь понимается перечень изделий предприятия в каталоге и учётной системе.

Сопоставление текстовых описаний с позициями справочника изучают в основном на материале электронной торговли и интеграции учётных систем. Там, как правило, сравнивают описания одного и того же товара у разных продавцов. Свободная заявка покупателя устроена иначе: одно слово в ней может означать комплект из нескольких изделий, а количество задано в метрах или тоннах.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить и систематизировать причины расхождений между заявками клиентов и номенклатурой промышленного предприятия на примере производителя железобетонных изделий, а также оценить применимость существующих подходов к их устранению. Использованы методы системного анализа, классификации и сравнительного анализа. Эмпирической базой послужили типичные заявки на железобетонные изделия, обобщённые по опыту автора статьи в отделе продаж. Материал носит иллюстративный характер: выборка невелика и составлена не случайным отбором, а обобщением опыта автора, поэтому результаты нельзя переносить на весь поток заявок предприятия.

Литературный обзор. Зарубежными исследователями много работ посвящено сопоставлению товарных записей, которое рассматривают как частный случай задачи разрешения сущностей: определить, относятся ли две по-разному записанные строки к одному объекту. Сравнение подходов на реальных данных, проведённое H. Köpcke, A. Thor и E. Rahm, показало, что для товаров эта задача заметно сложнее, чем для библиографических записей, а простые меры сходства атрибутов не дают нужного качества

© Д.А. Лазарев, 2026.

Научный руководитель: *Павлова Лариса Леонидовна* – кандидат экономических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет, Россия.

[3]. S. Łukasik с соавторами рассматривают сопоставление товаров по неполным и несогласованным текстовым описаниям [4]. J. Foxcroft с соавторами на примере розничной торговли пришли к выводу, что традиционные методы машинного обучения нередко не уступают глубоким нейронным сетям, а потому их стоит проверять в первую очередь [5].

В отечественных работах последних лет чаще предлагают комбинированные схемы. Ф. Н. Абу-Абед и Р. А. Федякин сопоставляют позиции прайс-листов со справочником учётной системы в два этапа: кандидатов отбирают методом TF-IDF по символьным n-граммам, а выбор уточняет большая языковая модель [6]. Для справочника строительной организации объёмом более 100 тыс. наименований В. В. Гаряева и С. В. Парфенов разработали гибридный метод, сочетающий разреженный и семантический поиск [7]. И. А. Парамонова и В. А. Кудяева при поиске дубликатов номенклатуры сначала нормализуют строку и выделяют значимые характеристики, а окончательное решение оставляют пользователю [8]. В электронной торговле применяют сочетание лексического и семантического поиска [9], а для связывания коротких коммерческих описаний используют большие языковые модели [10]. От состояния самого справочника качество сопоставления тоже зависит, поэтому задача связана с управлением мастер-данными [11].

Обработке заказов посвящена отдельная группа работ. Описан прототип, который извлекает сведения о заказе из текста клиента на естественном языке для последующего планирования поставки [12]. Для промышленной продукции рассмотрено влияние онлайн-сервиса оформления заказов на сбыт [13]. L. Hvam с соавторами описали внедрение конфигуратора на предприятии, выпускающем оборудование для цементных заводов: срок подготовки коммерческого предложения сократился с 2–4 недель до 1–2 дней [14]. Системы класса CPQ (configure, price, quote) объединяют подбор, расчёт цены и формирование предложения [15], но построить их трудно: для этого нужно формализовать знания экспертов [16].

Отдельное направление составляет прецедентный подход: новую задачу решают по аналогии с ранее решёнными. Похожий случай находят в базе, его решение адаптируют, а результат сохраняют для дальнейшего использования [17]. А. В. Крылов для больших баз прецедентов рекомендует метод ближайших соседей с предварительной фильтрацией [18]. Подход применяют для сохранения знаний сотрудников службы поддержки [19] и в управлении инцидентами [20]. B. Ziegler Haselein и J. C. da Silva совместили правила и прецеденты в промышленной задаче проверки соответствия изделий требованиям заказчика; в рамках прототипа число внутренних технических запросов сократилось на 73 % [21].

Методы сопоставления разработаны прежде всего для товаров электронной торговли и справочников учётных систем, а конфигураторы применяют для изделий со сложной структурой. Работ о свободных заявках клиентов промышленного предприятия, где есть комплекты, пересчёт количества и неполные параметры, среди рассмотренных единицы [12].

Причины расхождений между заявкой и номенклатурой

Чтобы выявить причины, мы проанализировали 26 типичных формулировок заявок на железобетонные изделия, поступающих на завод: кольца и днища колодцев, плиты перекрытия, фундаментные блоки и плиты ленточных фундаментов, перемычки, сваи, дорожные плиты, лотки каналов, бортовой камень и тротуарную плитку. Каждую формулировку мы сопоставили с позициями номенклатуры по открытому каталогу и государственным стандартам на продукцию и определили типы расхождений; независимая повторная разметка не проводилась. Одна заявка может относиться к нескольким типам (табл. 1).

Таблица 1

Типы расхождений между заявкой клиента и номенклатурой предприятия

Тип расхождения	Пример формулировки клиента	Доля заявок (из 26)
Разговорные, жаргонные названия и опечатки	«полторашка», «пкшки», «карандаш», «пустотки», «каналия»	19 (73 %)
Количество требует расчёта (метры, площадь, тонны, машины)	«на 50 метров», «132 квадрата», «две шаланды по 20 тонн»	14 (54 %)
Размеры вместо марки изделия	«шесть на два», «метр восемьдесят», «120×140»	12 (46 %)
Условие применения определяет марку	«под дорогу», «под заезд машин», «под жилой дом»	9 (35 %)
Комплект из нескольких изделий	«колодец с днищем и крышкой»: кольца, днище, плита перекрытия	7 (27 %)
Устаревшее обозначение	«ПК» вместо «ПБ» для плит перекрытия	1 (4 %)

Источник: составлено автором.

Чаще всего встречаются разговорные и жаргонные названия: они есть в 19 из 26 заявок (73 %). Клиенты пишут «полторашка», «пкшки», «карандаш», «пустотки». С маркировкой эти слова не совпа-

дают, и обычный поиск по каталогу их не находит. Заявки на железобетонные изделия передают в основном строители, и пишут они на профессиональном жаргоне. Менеджер по продажам не обязан иметь строительное образование, поэтому такие слова ему приходится расшифровывать. В 14 заявках (54 %) количество задано не в штуках, а в погонных или квадратных метрах, тоннах или машинах, и менеджер пересчитывает его по размерам и массе изделий. Ещё в 12 заявках (46 %) клиент указывает размеры вместо марки, и подбор сводится к сопоставлению параметров.

Поодиночке типы расхождений встречаются нечасто. Два типа и более содержат 21 заявка из 26 (81 %), три типа и более содержат 12 заявок (46 %); в среднем на заявку приходится 2,4 типа. Например, в заявке «каналия ливнёвка 1,5 с днищем крышкой 3м» сразу четыре расхождения: опечатка, размер без единиц измерения, комплект из нескольких изделий и расчёт количества колец по глубине. Назначение колодца в ней указано противоречиво: канализационный или ливневый. Другие примеры приведены в таблице 2. Из-за малого объёма выборки (одна заявка составляет около 4 процентных пунктов) проценты показывают соотношение типов в рассмотренном материале, а не частоту в практике предприятия.

Таблица 2

Примеры сопоставления заявок с номенклатурой

Формулировка заявки	**Позиции номенклатуры, шт.**	**Типы***
«каналия ливнёвка 1,5 с днищем крышкой 3м»	2КСФ 15.9-20: 3; ПН-15: 1; 1ПП15-1: 1	Ж, П, Р, К
«колодец водопроводный полторашка глубина 3,5 м под дорогу с чугунным люком и горловиной»	ПН-15: 1; 2КСФ 15.9-20: 3; 2КСФ 15.6-20: 1; 1ПП15-2ч: 1; КО-6: 1	Ж, К, Р, С
«брусчатка серая кирпичик под заезд машин толстая 85 квадратов + поребрик метровый 40 п.м.»	брусчатка 200×100×80, группа Б: 4620; БР 100.20.8: 40	Ж, С, Р
«фбс четверка длинная 2,4м – две полные шаланды по 20 тонн»	ФБС 24-4-6 Т: 30	Ж, П, Р
«блоки фундаментные шестерка на ленту периметр 40,4 метра в три ряда + половинки»	ФБС 24-6-6 Т: 48; ФБС 12-6-6 Т: 6	Ж, Р
«плиты перекрытия пустотки под жилой дом длинна шесть метров ширина метр двадцать 8 штук и две метровых»	ПБ 60-12-8: 8; ПБ 60-10-8: 2	Ж, П, С
«пкшки 42-15 четыре штуки и 42-12 три штуки под кирпичный дом»	ПБ 42-15-8: 4; ПБ 42-12-8: 3	Ж, У, С
«перемычка карандаш 1,3 метра 15 штук и ппшка плитная метр восемьдесят 5 шт»	2ПБ 13-1п: 15; 3ПП 18-71п: 5	Ж, П
«лотки ЛК под теплотрассу на 36 метров»	лоток 3,0×0,9×0,45 м: 13	Р

* Ж: жаргон и опечатки; Р: расчёт количества; П: размеры вместо марки; С: условие применения; К: комплект; У: устаревшее обозначение. Формулировки обобщены по опыту работы; обозначения изделий приведены по каталогу и ГОСТ; периметр фундамента принят по оси стены.

Источник: составлено автором.

Часть заявок, поступающих на завод, невозможно сопоставить без обращения к клиенту или в технический отдел. Это обозначения по серии или чертежу, которых нет в каталоге, изделия с несколькими типоразмерами под один диаметр (различия между ними в каталоге не поясняются) и нестандартные требования к классу бетона. Приходится уточнять и сам вид изделия: если клиент пишет просто «плиты», нужно выяснить, нужны ли ему плиты перекрытия, в том числе пустотные для жилого дома, или дорожные плиты.

Ошибки возможны на любом этапе: при подборе, расчёте и оформлении заказа. Менеджер может выбрать не ту марку, неверно рассчитать количество, забыть элемент комплекта или ошибиться при пересчёте метров и тонн в штуки. В учётной системе встречаются неполные справочные данные о массе изделий, и это создаёт ряд рисков: можно занизить число рейсов, пересчитать «машины» без учёта массы, неверно применить правила кратности отгрузки, получить расхождение графика поставок со счётом. Поэтому сопоставление включает и поиск изделия по тексту, и расчёт количества, массы и доставки.

Есть и организационные причины. Каталог предприятия выпущен в печатном виде, в нём несколько десятков видов изделий и более 500 типоразмеров, различающихся размерами, сечениями и исполнением. Особенно трудоёмок подбор колодцев: изделий для них в каталоге много, и надо проверить, сочетаются ли между собой стеновые кольца, днище и плита перекрытия. По личному наблюдению автора, на освоение каталога уходит около двух недель, но и почти через месяц около половины номенклатуры остаётся для него незнакомой; сложные заявки он обрабатывает только с помощью руководителя и опытного коллеги. Каждый сотрудник ведёт собственные справочные таблицы и рабочие тетради, поэтому знания о подборе накапливаются у каждого отдельно и в общем источнике не собраны.

Расхождения различаются по сложности устранения. Жаргон, опечатки и размеры вместо марки поддаются формальной обработке. Комплекты и выбор марки по условию применения требуют знаний о составе изделий и правилах подбора, а такими знаниями располагают опытные менеджеры.

Подходы к решению и их сравнение. Рассматриваемые подходы относятся к разным этапам обработки заявки и не исключают друг друга. Сравнивать их удобно по затратам и данным, объяснимости, сохранению знаний и применимости для среднего предприятия. Справочник синонимов связывает клиентские формулировки, например «полторашка» или «пкшки», с позициями номенклатуры и может хранить коэффициенты пересчёта метров и тонн в штуки. Менеджер наглядно видит эту связь, и это помогает ему запомнить соответствия. Недостаток в другом: у разных клиентов формулировки различаются, предусмотреть их заранее невозможно, и справочник приходится постоянно пополнять вручную.

Нечёткий поиск находит близкие по написанию строки и помогает справиться с опечатками и перестановкой слов. Но брать найденную марку сразу нельзя: в номенклатуре много изделий, которые отличаются одной цифрой или буквой, хотя это разные изделия.

Извлечение параметров превращает свободный текст заявки в структурированные данные: из него выделяют вид изделия, размеры и нужное количество, а выражения вроде «метра два» переводят в точные числа. Если данных не хватает, система сообщает об этом пользователю.

У методов машинного обучения и языковых моделей есть очевидное преимущество: они справляются с самыми разными формулировками клиентов и не требуют долгой ручной настройки правил [6]. Опробовать модель можно уже с одной инструкцией (промптом), однако для устойчивого результата нужны примеры заявок и интеграция с 1С, а логику выбора объяснить трудно. Доверять модели самостоятельный выбор марки опасно: при нехватке данных она может ошибиться.

Конфигураторы и CPQ-системы собирают сложные комплекты изделий: они проверяют, подходят ли изделия друг к другу, и формируют готовое предложение [14, 15]. По оценке автора, для составления комплектов это наиболее надёжный инструмент, но среднему предприятию он, вероятно, обойдётся слишком дорого. Прежде чем конфигуратор заработает, в него нужно внести полную модель продукции по номенклатуре и требования совместимости, а это значительные затраты на внедрение.

В прецедентном подходе система запоминает успешные пары: что написал клиент и какую марку в итоге подобрали. Когда приходит новая заявка, она автоматически ищет в базе похожие запросы и предлагает их решения. База сохраняется, поэтому знания опытных сотрудников остаются в ней и после их ухода и помогают новичкам [17, 21]. Главный недостаток проявляется на старте: пока успешных пар мало, точность подбора ниже. Сравнение подходов приведено в таблице 3.

Таблица 3

Сравнение подходов к сопоставлению заявок с номенклатурой

Подход	**Устраняемые типы**	**Затраты и данные**	**Объяснимость**	**Сохранение знаний**	**Применимость для среднего предприятия**
Справочник синонимов и правила	Ж, У, П, Р	Низкие; актуальный справочник	Высокая	Высокое при централизованном пополнении	Высокая
Нечёткий поиск	Ж (опечатки, сокращения)	Низкие	Средняя	Низкое	Высокая как вспомогательный метод
Извлечение и нормализация параметров	П, Р	Средние; описание характеристик изделий	Высокая	Среднее	Высокая
Машинное обучение и языковые модели	Ж, П, частично К	Высокие; размеченные примеры, интеграция	Низкая	Низкое без сохранения исправлений	Ограниченная
Конфигуратор, CPQ	К, С, Р	Высокие; модель изделий и ограничений	Высокая	Среднее	Низкая
Прецедентный подход	К, С, Ж	Низкие и средние; база пополняется в работе	Высокая	Высокое	Высокая

Примечание: оценки качественные, составлены автором по результатам обзора.

Требования к решению. Ни один из рассмотренных подходов не устраняет все типы расхождений из таблицы 1. Для среднего промышленного предприятия, к которому относится и исследуемый завод, подходит сочетание нескольких методов. Отдельные изделия подбираются по нормализованному тексту

с помощью справочника синонимов и нечёткого поиска, комплекты собираются отдельно, по параметрам. Количество и массу система считает явно, с показом исходных данных. При нехватке данных она сообщает об этом и предлагает менеджеру несколько вариантов, не выбирая один за него. Решения, подтверждённые менеджером, сохраняются как прецеденты. Доработки учётной системы внедрение не требует. Проверять решение стоит на собственных заявках предприятия: по точности подбора и по времени обработки. Этим требованиям может отвечать двухуровневое (позиционное и конфигурационное) сопоставление на основе прецедентного подхода. Это рабочая гипотеза автора, которую ещё предстоит проверить. Такое сопоставление закладывается в основу разрабатываемого автором автоматизированного рабочего места менеджера по продажам и будет подробно рассмотрено в последующей работе.

Заключение. Сопоставление заявок клиентов с номенклатурой промышленного предприятия на примере завода железобетонных изделий оказывается заметно сложнее обычного текстового поиска. На примере заявок на железобетонные изделия выделено шесть типов расхождений. Чаще всего встречаются жаргонные названия (73 %), количество не в штуках (54 %) и размеры вместо марки (46 %), а более 80 % заявок содержат сразу несколько типов. Часть заявок приходится уточнять у клиента или в техническом отделе, ошибки возникают и при расчёте заказа.

Словари, нечёткий поиск и извлечение параметров обходятся дёшево и дают понятный результат, но комплекты не собирают. Конфигураторы с комплектами справляются, но внедрять их дорого. Методам машинного обучения нужны размеченные данные и затраты на интеграцию. Для такого предприятия, по оценке автора, наиболее подходит сочетание простых формальных методов с прецедентным подходом: он накапливает знания опытных менеджеров и передаёт их новичкам. Предложенную классификацию можно использовать при анализе процесса обработки заказов и выборе средств его автоматизации.

Библиографический список:

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Президент России : официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 17.10.2026).

2. Курбанов, С. А. Влияние цифровой трансформации на эффективность процессов продаж в коммерческой деятельности / С. А. Курбанов, З. З. Омаров, К. А. Тоне // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 12 (170). – С. 503–510. – DOI 10.26726/rppe2024v12vctep.

3. Köpcke, H. Evaluation of entity resolution approaches on real-world match problems / H. Köpcke, A. Thor, E. Rahm // Proceedings of the VLDB Endowment. – 2010. – Vol. 3, No. 1–2. – P. 484–493. – DOI 10.14778/1920841.1920904.

4. Text-based product matching with incomplete and inconsistent items descriptions / S. Łukasik, A. Michałowski, P. A. Kowalski, A. H. Gandomi // Computational Science – ICCS 2021. Lecture Notes in Computer Science. – Cham : Springer, 2021. – P. 92–103. – DOI 10.1007/978-3-030-77964-1_8.

5. Product matching lessons and recommendations from a real world application / J. Foxcroft, T. Chen, K. Padmanabhan [et al.] // Proceedings of the Canadian Conference on Artificial Intelligence. – 2021. – DOI 10.21428/594757db.08c5079e.

6. Абу-Абед, Ф. Н. Применение нейросетевых технологий и метода TF-IDF-предфильтрации в интеллектуальном сопоставлении товарной номенклатуры в ERP-системах / Ф. Н. Абу-Абед, Р. А. Федякин // Программные продукты и системы. – 2026. – Т. 39, № 2. – С. 275–288.

7. Гаряева, В. В. Гибридный метод автоматизированного сопоставления строительных материалов с позициями нормативной базы данных / В. В. Гаряева, С. В. Парфенов // Инженерный вестник Дона. – 2026. – № 5 (137). – URL: http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n5y2026/11125 (дата обращения: 17.10.2026).

8. Парамонова, И. А. Разработка механизма поиска дубликатов номенклатуры в «1С:Предприятии» с применением семантического сравнения / И. А. Парамонова, В. А. Кудяева // Вестник науки. – 2026. – Т. 2, № 9 (102). – С. 510–514.

9. Краснов, Ф. В. H1: гибридная система извлечения информации для поиска товаров в электронной торговле / Ф. В. Краснов // Труды Института системного программирования РАН. – 2024. – Т. 36, № 5. – С. 227–240. – DOI 10.15514/ISPRAS-2024-36(5)-16.

10. An approach for product record linkage using cross-lingual learning and large language models / A. L. F. Alves, C. Baptista, J. I. M. S. Diniz [et al.] // Proceedings of the 27th International Conference on Enterprise Information Systems (ICEIS 2025). – SciTePress, 2025. – Vol. 1. – P. 63–74. – DOI 10.5220/0013285000003929.

11. Кузнецов, С. В. Управление мастер-данными в рамках итеративного подхода / С. В. Кузнецов, Д. В. Кознов // Онтология проектирования. – 2021. – Т. 11, № 2 (40). – С. 170–184.

12. Building a natural language processing model to extract order information from customer orders for interpretative order management / M. S. Lin, C. G. Y. Tang, X. J. Kom [et al.] // 2022 IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management (IEEM). – IEEE, 2022. – P. 81–86. – DOI 10.1109/IEEM55944.2022.9989801.

13. Курилин, В. В. Цифровая трансформация системы оформления заказов на индустриальную продукцию / В. В. Курилин, В. С. Горячев // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 10. – С. 349–353.

14. Reengineering of the quotation process: application of knowledge based systems / L. Hvam, M. Malis, B. Hansen, J. Riis // Business Process Management Journal. – 2004. – Vol. 10, No. 2. – P. 200–213. – DOI 10.1108/14637150410530262.

15. Knowledge-based systems for the Configure Price Quote (CPQ) process – a case study in the IT solution business / M. Jordan, G. Auth, O. Jokisch, J.-U. Kühl // Online Journal of Applied Knowledge Management. – 2020. – Vol. 8, No. 2. – P. 17–30. – DOI 10.36965/OJAKM.2020.8(2)17-30.

16. Deryck, M. An integrated method for knowledge management in product configuration projects / M. Deryck, J. Vennekens // Towards Sustainable Customization: Bridging Smart Products and Manufacturing Systems. Lecture Notes in Mechanical Engineering. – Cham : Springer, 2021. – P. 860–868. – DOI 10.1007/978-3-030-90700-6_98.

17. Aamodt, A. Case-based reasoning: foundational issues, methodological variations, and system approaches / A. Aamodt, E. Plaza // AI Communications. – 1994. – Vol. 7, No. 1. – P. 39–59. – DOI 10.3233/AIC-1994-7104.

18. Крылов, А. В. Проблема извлечения знаний с использованием рассуждений на основе прецедентов / А. В. Крылов // Известия высших учебных заведений. Приборостроение. – 2018. – Т. 61, № 11. – С. 956–962. – DOI 10.17586/0021-3454-2018-61-11-956-962.

19. Авдеенко, Т. В. Система поддержки принятия решений в IT-подразделениях на основе интеграции прецедентного подхода и онтологии / Т. В. Авдеенко, Е. С. Макарова // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. – 2017. – № 3. – С. 85–99.

20. Микрюков, А. А. Совершенствование процесса управления инцидентами на основе прецедентного подхода / А. А. Микрюков, А. В. Куулар // Открытое образование. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 47–54.

21. Ziegler Haselein, B. A knowledge-based system for electric motors compliance verification in a multinational-level company / B. Ziegler Haselein, J. C. da Silva // Expert Systems. – 2022. – Vol. 39, No. 7. – Art. e12979. – DOI 10.1111/exsy.12979.

ЛАЗАРЕВ ДЕНИС АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Тюменский индустриальный университет, Россия.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.И. Шестакова

НАСЛЕДОВАНИЕ ПО ЗАКОНУ И ПО ЗАВЕЩАНИЮ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье исследуются правовые основания наследования по закону и по завещанию в Российской Федерации. Рассматриваются соотношение двух оснований наследования, пределы свободы завещания, гарантии прав наследников, имеющих право на обязательную долю, а также проблемы установления состава наследства, принятия наследства и разрешения наследственных споров. Анализируются положения части третьей Гражданского кодекса РФ и разъяснения Верховного Суда РФ. Обосновывается необходимость единообразного подхода к оценке действительной воли наследодателя, соблюдению формы завещания и обеспечению баланса частных интересов наследников. Предлагаются направления совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: *наследование, наследование по закону, наследование по завещанию, наследственное право, завещание, обязательная доля, принятие наследства, наследственный спор, свобода завещания, наследники.*

В условиях современной действительности наследование является одним из основных институтов гражданского права, обеспечивающих переход имущества умершего гражданина к другим лицам и устойчивость имущественных отношений. В соответствии со статьёй 1110 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при наследовании имущество умершего переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил Кодекса не следует иное [1]. Нормативная конструкция наследования направлена на обеспечение преемственности имущественных прав и обязанностей, защиту интересов членов

© С.И. Шестакова, 2026.

семьи наследодателя и реализацию права гражданина распорядиться принадлежащим ему имуществом на случай смерти.

Актуальность исследования обусловлена практической значимостью наследственных отношений и необходимостью согласования двух предусмотренных законом оснований наследования – по завещанию и по закону. Завещание выражает личную волю наследодателя и позволяет определить круг наследников и порядок распределения имущества. Наследование по закону применяется в случаях, когда завещание отсутствует, признано недействительным, охватывает не всё наследственное имущество либо в иных предусмотренных законом ситуациях. При этом применение каждого из оснований связано с комплексом юридических условий, соблюдение которых имеет значение для возникновения и реализации наследственных прав.

В научной литературе наследование по закону и по завещанию рассматривается как взаимосвязанные элементы единого института наследственного правопреемства. Исследователи обращают внимание на то, что различия между указанными основаниями проявляются прежде всего в способе определения наследников и распределения наследственной массы. При наследовании по завещанию первостепенное значение имеет волеизъявление наследодателя, выраженное в установленной законом форме; при наследовании по закону круг наследников и очередность призвания к наследованию определяются непосредственно нормами ГК РФ [4; 5]. При этом ни одно из оснований не действует изолированно от общих правил о составе наследства, сроках принятия наследства и защите прав обязательных наследников.

Правовое регулирование наследования сосредоточено прежде всего в разделе V части третьей ГК РФ. Статья 1111 ГК РФ закрепляет, что наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. Наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием, а также в иных случаях, установленных Кодексом [1]. Таким образом, закон устанавливает приоритет завещательного распоряжения в пределах, в которых оно действительно и охватывает соответствующее имущество, но одновременно сохраняет законный механизм перехода имущества, необходимый для восполнения отсутствующего или неполного распоряжения на случай смерти.

Свобода завещания закреплена статьёй 1119 ГК РФ и предполагает право завещателя по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону без указания причин, а также включить в завещание иные распоряжения, предусмотренные гражданским законодательством. Завещатель не обязан сообщать кому-либо о содержании, совершении, изменении или отмене завещания. Указанный принцип обеспечивает автономию воли собственника и позволяет учитывать индивидуальные семейные и имущественные обстоятельства.

Вместе с тем свобода завещания не является абсолютной. Её пределы определяются, в частности, правилами об обязательной доле в наследстве, требованиями к форме завещания и общими положениями о действительности сделок. Согласно статье 1149 ГК РФ несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы, подлежащие призванию к наследованию на основании пунктов 1 и 2 статьи 1148 ГК РФ, наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Данная гарантия направлена на защиту лиц, нуждающихся в дополнительной правовой охране, и ограничивает возможность полного устранения таких наследников от наследования.

Практическая сложность применения правил об обязательной доле состоит в необходимости установить круг лиц, имеющих соответствующее право, определить состав наследственной массы и рассчитать долю, которая причиталась бы наследнику при наследовании по закону. При разрешении спора суду необходимо учитывать стоимость всего наследственного имущества, наличие завещательных распоряжений, права других наследников и предусмотренные законом особенности удовлетворения обязательной доли. Формальный подход к определению наследственной массы либо к установлению статуса наследника может привести к нарушению баланса интересов участников наследственного правоотношения.

Наследование по закону строится на принципе очередности. В соответствии со статьями 1142–1145 и 1148 ГК РФ наследники призываются к наследованию последовательно, исходя из характера родственных и семейных связей с наследодателем, а также иных прямо установленных законом обстоятельств. Наследники последующей очереди призываются к наследованию при отсутствии наследников предшествующих очередей, при их отстранении, лишении наследства, непринятии наследства либо отказе от него в предусмотренных законом случаях. Правила о праве представления и наследственной трансмиссии обеспечивают разрешение ситуаций, когда наследник умер до открытия наследства или после его открытия, не успев принять наследство.

Одной из особенностей наследования по закону является необходимость документального подтверждения юридически значимых обстоятельств. К ним относятся родство с наследодателем, состояние брака, нетрудоспособность, нахождение на иждивении, а также обстоятельства, позволяющие применить

право представления. При отсутствии или недостаточности документов соответствующие факты могут устанавливаться в судебном порядке. Такие дела требуют разграничения вопросов, разрешаемых нотариусом при оформлении наследственных прав, и вопросов, относящихся к компетенции суда, поскольку нотариальное производство не предназначено для разрешения спора о праве.

Общим условием приобретения наследства является его принятие наследником. По статье 1152 ГК РФ для приобретения наследства наследник должен его принять; принятие части наследства означает принятие всего причитающегося наследнику наследства, в чём бы оно ни заключалось и где бы ни находилось. Принятие наследства одним или несколькими наследниками не означает принятия наследства остальными наследниками. Статья 1153 ГК РФ предусматривает принятие наследства путём подачи нотариусу или уполномоченному законом должностному лицу заявления либо совершения действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства. По общему правилу срок принятия наследства составляет шесть месяцев со дня его открытия [1].

На практике наиболее распространёнными основаниями судебного разбирательства являются пропуск срока принятия наследства, спор о фактическом принятии наследства, разногласия по поводу состава наследственного имущества, признание завещания недействительным и требования о включении имущества в наследственную массу. В каждом случае юридическая оценка зависит от установленных обстоятельств и представленных доказательств. Само по себе проживание в помещении наследодателя, оплата отдельных расходов или наличие родственных отношений не заменяют установления всей совокупности обстоятельств, необходимых для разрешения конкретного требования. Вместе с тем такие действия могут оцениваться судом в совокупности с другими доказательствами при решении вопроса о фактическом принятии наследства.

Важную роль в формировании единообразной практики играет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», содержащее разъяснения по вопросам открытия наследства, круга наследников, принятия наследства, восстановления срока и разрешения связанных с наследованием споров [3]. Применение указанных разъяснений требует оценки обстоятельств каждого дела с учётом норм ГК РФ и процессуальных правил. Судебная защита наследственных прав должна обеспечивать не только формальное соблюдение срока и процедуры, но и проверку фактических оснований возникновения права на наследство.

Отдельную группу проблем составляют споры о действительности завещания. Статьи 1124–1127 ГК РФ устанавливают требования к форме и порядку совершения завещания, включая письменную форму, удостоверение и соблюдение предусмотренных законом исключений. Нарушение требований к форме может повлечь недействительность завещания в случаях и порядке, предусмотренных законом. При этом при рассмотрении спора необходимо отличать нарушения, имеющие юридическое значение для действительности завещания, от формальных недостатков, которые в силу закона не влекут недействительности. Основополагающее значение имеют достоверное установление воли завещателя, соблюдение установленных гарантий и оценка доказательств в их совокупности.

Сложность судебной оценки возрастает, когда оспаривается способность завещателя понимать значение своих действий или руководить ими в момент совершения завещания. В подобных спорах юридически значимым является состояние гражданина именно на момент совершения соответствующего волеизъявления. Медицинские документы, свидетельские показания и заключения экспертов оцениваются в совокупности и не обладают заранее установленной силой. Вывод о недействительности завещания должен основываться на установленных законом основаниях, а не только на наличии заболевания, преклонном возрасте завещателя или конфликте между наследниками.

Дополнительное значение имеет нотариальная форма охраны наследственных прав. Нотариус устанавливает факт открытия наследства, определяет круг потенциальных наследников на основании представленных документов, принимает заявления, обеспечивает охрану наследственного имущества в предусмотренных законом случаях и выдаёт свидетельства о праве на наследство. Нотариальная деятельность снижает риск неправомерного распоряжения наследственным имуществом, однако не исключает судебного разрешения споров, если участники наследственного правоотношения оспаривают права друг друга либо представленные документы не позволяют бесспорно установить юридически значимые факты.

В целях повышения эффективности регулирования наследственных отношений представляется необходимым совершенствовать прежде всего практику документирования наследственных прав и мотивирования судебных решений. При рассмотрении дел о восстановлении срока принятия наследства следует последовательно устанавливать причины пропуска срока, период существования препятствий и обстоятельства обращения наследника в суд после их отпадения. В спорах о фактическом принятии наследства необходимо давать оценку всем действиям наследника, совершённым в установленный законом период, и разграничивать действия по управлению наследственным имуществом от действий, не свидетельствующих о намерении принять наследство.

В делах об оспаривании завещания требуется чёткое определение предмета доказывания с учётом конкретного основания недействительности. Это позволит исключить подмену правовых критериев предположениями о предполагаемой воле наследодателя и обеспечит предсказуемость судебных выводов. При разрешении споров об обязательной доле необходимо подробно отражать в судебном акте состав наследственной массы, круг наследников, расчёт законной доли и основания применения ограничений свободы завещания. Единообразие таких подходов будет способствовать защите прав наследников и снижению количества повторных споров.

Таким образом, наследование по закону и по завещанию представляет собой взаимосвязанную систему оснований универсального правопреемства, в рамках которой свобода завещания сочетается с гарантиями защиты отдельных категорий наследников и установленными законом правилами очередности. Основные сложности правоприменения связаны с подтверждением статуса наследников, установлением состава наследства, соблюдением срока его принятия и оценкой действительности завещательных распоряжений. Повышение качества правовой защиты предполагает последовательное применение положений части третьей ГК РФ, учёт разъяснений Верховного Суда РФ и мотивированное исследование доказательств по каждому наследственному спору.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. – 2012. – 6 июня.
4. Мадис А.В. Сравнительно-правовое исследование наследования по завещанию и наследования по закону // Молодой ученый. – 2024. – № 29 (528). – С. 128–130.
5. Бабкина М.Н. Проблемы правового регулирования наследования по закону и по завещанию в РФ, пути совершенствования российского законодательства // Вестник магистратуры. – 2025. – № 3-1 (162). – С. 53–56.
6. Грудцына Л.Ю., Лахин Д.Н. Актуальные вопросы наследования по завещанию в РФ // Образование и право. – 2026. – № 3. – С. 353–361.
7. Карев К.В. Наследование по закону и по завещанию: проблемы и перспективы развития в условиях цифровизации // Вестник науки. – 2024. – Т. 5. – № 12-1 (81). – С. 220–229.
8. Киося А.В. Наследование по закону и по завещанию: теория и практика // Вестник магистратуры. – 2025. – № 6-1 (165). – С. 90–92.
9. Николаев К.В. Наследование по закону и по завещанию: проблемы правоприменительной практики // Молодой ученый. – 2025. – № 52 (603). – С. 243–250.
10. Плахтий Н.А., Хадарина Я.М. Недостойные наследники: законодательные пробелы и проблемы правоприменения ст. 1117 ГК РФ // Актуальные проблемы гражданского права. Пенза, 2025. – С. 265–273.

ШЕСТАКОВА СОФЬЯ ИВАНОВНА – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

И.А. Бартева

ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЬИ: ОСНОВАНИЯ И АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В статье исследуются перечисленные в законе основания прекращения полномочий судьи. Раскрывается сущность процедуры досрочного прекращения правового статуса. Анализируются статистические показатели деятельности квалификационных коллегий в разрешении вопросов прекращения полномочий судей за 2021-2025 годы.

Ключевые слова: *судья, прекращение полномочий судьи, основания прекращения полномочий судьи, досрочное прекращение полномочий судьи, статистические показатели деятельности квалификационных коллегий судей.*

В настоящее время институт прекращения полномочий судьи входит не только в структуру статуса судьи, но и является реальной гарантией принципов отправления правосудия.

В статье 14 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» перечислен перечень обстоятельств, при наличии которых полномочия судьи подлежат прекращению.

Судья вправе самостоятельно инициировать прекращение полномочий в случае оформления письменного заявления об отставке или в связи с переходом на другую работу или по иным причинам.

Полномочия подлежат прекращению при возникновении обстоятельств, обусловленных физическим состоянием судьи. К обозначенным основаниям наряду с неспособностью по состоянию здоровья или иным уважительным причинам осуществлять полномочия, целесообразно отнести случаи ограничения дееспособности судьи или признания его недееспособным, смерть судьи или объявления его умершим.

Самостоятельным основанием прекращения полномочий является достижение судьей предельного возраста пребывания в должности судьи или истечение срока полномочий.

Полномочия судьи подлежат прекращению при отказе судьи от перевода в другой суд по причине упразднения или реорганизации суда, а также, если судья оказывается состоящим в близком родстве или свойстве с руководителем или заместителем руководителя суда.

Значительный объем оснований, перечисленных в статье, вызван нарушением закона и установленных запретов и ограничений. К числу данных обстоятельств относятся случаи прекращения гражданства Российской Федерации, нарушения судьей и членами его семьи запрета владеть и пользоваться иностранными финансовыми инструментами, занятия не совместимой с должностью судьи деятельностью, избрания судьи на выборную должность, совершения запрещенного уголовным законом деяния и дисциплинарного проступка.

Полномочия судьи считаются прекращенными досрочно, при наличии любого из перечисленных обстоятельств. Исключения составляют случаи достижения судьей предельного возраста пребывания в должности судьи или истечения срока полномочий.

Досрочное прекращение полномочий судьи по своей сущности предполагает процесс прекращения статуса судьи ранее обозначенного срока.

По данным Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, в 2021 году квалификационными коллегиями судей субъектов приняты решения о прекращении полномочий 1571 судьи, в 2022 данный показатель составил 1645, в 2023 - 1537, в 2024 - 1436, в 2025 – 1347, что указывает на постепенное сокращение объема принимаемых решений.

Наибольшее количество составляют решения, принятые на основании письменного заявления судьи об отставке, в 2021 году их количество составило 1473, в 2022 - 1582, в 2023 - 1472, в 2024 - 1370, в 2025 - 1261.

Количество решений, принимаемых в связи с неспособностью судьи по физическому состоянию исполнять обязанности, имеет тенденцию к сокращению, в 2021 году при наличии указанных обстоятельств вынесены решения о прекращении полномочий 6 судей, в 2022 - 5, в 2023 - 4, в 2024 - 1, в 2025 - 0.

© И.А. Бартева, 2026.

Ежегодно принимаются решения о прекращении полномочий судей по причине перехода на другую работу. Вследствие отмеченных оснований в 2021 году прекращены полномочий 4 судей, в 2022 - 3, в 2023 - 4, в 2024-2025 годах - 9.

Анализ данных о количестве принимаемых решений ввиду прекращения гражданства Российской Федерации или приобретения гражданства иностранного государства свидетельствует, что в 2024 году в результате наличия указанных причин прекращены полномочия одного судьи, более в исследуемый период соответствующих решений не выносилось.

Периодически принимаются решения о прекращении полномочий в связи с нарушением запрета пользоваться иностранными финансовыми инструментами. В 2021 году по данному основанию прекращены полномочия 1 судьи, в 2022 - 2, в 2024 – 1. В 2023, 2025 годах подобных решений не выносилось.

Ограниченное количество составляют решения, принятые ввиду занятия не совместимой с должностью судьи деятельностью. В период с 2021 по 2023 год аналогичных решений не выносилось. В 2024-2025 постановлено по одному решению.

Проведенный анализ подтверждает, что количество решений о прекращении полномочий судьи по причине совершения запрещенного уголовным законом деяния имеет устойчивую тенденцию либо к ежегодному увеличению, либо к ежегодному снижению. В 2021 году такого рода решений не принималось. В 2022 по данному основанию прекращены полномочия 1 судьи, в 2023 - 4, в 2024 - 5, в 2025 - 2.

Решения о прекращении полномочий вследствие ограничения дееспособности судьи или признания его недееспособным принимаются эпизодически. В 2021, 2024, 2025 годах подобных решений не выносилось. В 2022 в связи с наличием указанных обстоятельств прекращены полномочия 1 судьи, в 2023 - 3.

Регулярно выносятся решения о прекращении правового статуса по причине смерти судьи. В 2021 году по данному основанию прекращены полномочия 57 судей, в 2022 - 29, в 2023 - 21, в 2024 - 24, в 2025 - 28.

Динамику к постепенному увеличению имеют решения, принимаемые вследствие отказа судьи от перевода в другой суд по причине оптимизации судебной системы, а также нахождения в близком родстве или свойстве с руководителем или заместителем руководителя суда. В 2021 году при наличии обозначенных обстоятельств постановлены решения о прекращении полномочий 6 судей, в 2022 - 5, в 2023 - 7, в 2024 - 6, в 2025 - 24.

Систематически прекращаются полномочия судей в связи с совершением дисциплинарных проступков. В 2021 году ввиду назначения дисциплинарного взыскания прекращены полномочия 24 судей, в 2022 - 17, в 2023 - 22, в 2024 - 18, в 2025 - 22.

Таким образом, досрочное прекращение полномочий судьи производится при наличии различных обстоятельств. Основной объем составляют случаи, обусловленные волеизъявлением судьи и состоянием его здоровья. Прецеденты, вызванные дисциплинарными нарушениями, составляют незначительную часть, но имеют место, как следствие требуется совершение действий по повышению уровня судейской этики.

Библиографический список:

1.Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/.

2.Обзор результатов деятельности за 2021 год [Электронный ресурс] // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. — URL: https://vkks.ru/publication/84927/.

3.Обзор результатов деятельности за 2022 год [Электронный ресурс] // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. — URL: https://vkks.ru/publication/92622/.

4.Обзор результатов деятельности за 2023 год [Электронный ресурс] // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. — URL: https://vkks.ru/publication/101293/.

5.Обзор результатов деятельности за 2024 год [Электронный ресурс] // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. — URL: https://vkks.ru/publication/107994/.

6.Обзор результатов деятельности за 2025 год [Электронный ресурс] // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. — URL: https://vkks.ru/publication/114568/.

БАРТЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Вятский государственный университет, Россия

И.А. Бартева

СРОКИ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ В ВИДЕ ДОСРОЧНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЬИ

В настоящей статье рассматриваются особенности привлечения судей к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи. Особое внимание уделяется обстоятельствам и условиям, при наличии которых принимается решение о наложении дисциплинарного взыскания. Анализируются примеры из правоприменительной практики в вопросах установления срока совершения противоправного деяния.

Ключевые слова: *судья, дисциплинарный проступков, дисциплинарное взыскание, досрочное прекращение полномочий судьи, сроки назначения дисциплинарного взыскания.*

Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» устанавливает закрытый перечень дисциплинарных взысканий, налагаемых на судей в связи с совершением виновного действия (бездействия), образующего состав дисциплинарного проступка. К числу данных взысканий относятся замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе и досрочное прекращение полномочий судьи [1].

Назначение любого из видов дисциплинарных взысканий имеет неблагоприятные последствия как для лица, наделенного полномочиями по отправлению правосудия, так и для судейского сообщества.

Тем не менее, в сравнении с прочими дисциплинарными взысканиями досрочное прекращение полномочий судьи является серьезной мерой ответственности, применяемой в исключительных случаях, поскольку по своей сущности подразумевает процедуру прекращения исполнения лицом возложенных полномочий с полной утратой предусмотренных законом гарантий.

Вопросами привлечения к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи ведают органы судейского сообщества в лице квалификационных коллегий судей.

Процедура досрочного прекращения полномочий судьи включает рассмотрение вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, поводом, к обсуждению которого является обращение органа судейского сообщества или заключение комиссии о наличии в действиях (бездействии) судьи признаков дисциплинарного проступка, составленного по результатам рассмотрения жалобы или сообщения о совершении судьей дисциплинарного проступка.

Основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности является достоверно установленный факт совершения действий, образующих состав дисциплинарного проступка. Обязанность по доказыванию данных обстоятельств возлагается на направивший соответствующее обращение орган судейского сообщества.

При определении вида дисциплинарного взыскания учитываются характер, обстоятельства и последствия совершенного дисциплинарного проступка, а также характеризующие личность судьи данные.

Члены квалификационной коллегии судей при оценке материалов дисциплинарного производства подчиняются принципам всестороннего, полночного и объективного исследования обстоятельств [3].

В настоящее время дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи применяется за совершение несоответствующих занимаемой должности виновных действий, влекущих нарушение требований действующего законодательства Российской Федерации.

Нарушения, совершенные в ходе отправления правосудия по уголовным, гражданским (административным) делам и делам об административных правонарушениях, должны обладать грубым и систематическим характером. Наличие указанных обстоятельств подтверждается актом суда вышестоящей инстанции.

В рамках дисциплинарного производства установлены самостоятельные сроки привлечения к ответственности. Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи налагается не позднее двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка и не позднее шести месяцев со дня его выявления. В указанные сроки не включаются периоды временной нетрудоспособности судьи, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки.

© И.А. Бартева, 2026.

Из разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей», следует, что под днем выявления дисциплинарного проступка следует понимать день, когда уполномоченному на внесение соответствующего обращения лицу или органу, стало известно о совершении судьей противоправного деяния. В качестве дня совершения дисциплинарного проступка следует рассматривать день, в который фактически было совершено действие (бездействие) [2].

Практика установления квалификационными коллегиями судей срока совершения дисциплинарного проступка складывается неоднозначно.

Решением Квалификационной коллегии судей Саратовской области от 24.03.2023 судья Калининского районного суда Саратовской области Т. привлечен к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи с лишением пятого квалификационного класса судьи.

В действиях судьи квалификационная коллегия судей установила факт совершения дисциплинарного проступка, который выразился в неофициальном общении судьи с участником процесса, последующем рассмотрении гражданских дел с его участием и участием его родственников без принятия мер по самоотводу от рассмотрения дел. Состоявшиеся судебные решения по некоторым из дел были отменены в суде вышестоящей инстанции [4].

В рамках дисциплинарного производства было установлено, что вышеуказанные гражданские дела находились в производстве судьи в период с 2017 по 2022 годы, тем не менее, в своем решении квалификационная коллегия не разрешила вопрос о судьбе нарушений, допущенных за пределами двухлетнего срока.

Решением Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 01.04.2023 на судью, заместителя председателя Третьего арбитражного апелляционного суда Ш. наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи и лишения второго квалификационного класса судьи.

Дисциплинарный проступок судья выразился в отсутствии в 2022 и 2023 годах на рабочем месте до нескольких часов без наличия на то оснований, не отвечающем требованиям этики поведении в отношении коллег и сотрудников аппарата суда [5].

Разрешая вопрос о дисциплинарной ответственности судьи, квалификационная коллегия судей не учла обстоятельства о совершенных нарушениях за пределами двухлетнего срока, а также время совершения, которых достоверно не установлено.

Таким образом, в рамках дисциплинарного производства на уполномоченные органы возложена обязанность по верному установлению даты совершения судьей дисциплинарного проступка. Однако в отдельных случаях определить время совершении противоправного действия (бездействия) не представляется возможным, что в свою очередь напрямую влияет на законность принятого решения. В сложившихся условиях обозначенный вопрос требует принятия дополнительных мер по формированию единообразия в правоприменительной практике.

Библиографический список:

1.Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/.

2.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» [электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196812/.

3.Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22.03.2007) (ред. от 27.05.2026) [электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71873/.

4.Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации: официальное издание. 2024, № 2 (94). – Москва, 2024. – 48 с. – С. 22 – 25.

5.Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации: официальное издание. 2025, № 2 (100). – Москва, 2025. – 48 с. – С. 20 - 22.

БАРТЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Вятский государственный университет, Россия

Д.А. Беденко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается деятельность органов государственной власти как важнейший элемент системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Анализируются научные подходы к определению сущности национальной безопасности, а также значение государственного управления в предупреждении внутренних и внешних угроз.

Ключевые слова: *национальная безопасность, государственная власть, национальные интересы, государственное управление, безопасность личности, общества и государства.*

Национальная безопасность представляет собой одно из ключевых условий устойчивого развития государства, сохранения его суверенитета и защиты интересов общества. В современных условиях деятельность органов государственной власти приобретает особое значение, поскольку именно государственные институты формируют правовые и организационные механизмы предупреждения угроз и реагирования на возникающие риски.

В научной литературе отсутствует полностью единообразный подход к определению содержания национальной безопасности. Так, А. С. Рогов и Ю. Г. Федотова исследуют соотношение понятий государственной и национальной безопасности, обращая внимание на необходимость уточнения их правового содержания [1]. А. С. Семичева рассматривает становление теории национальной безопасности и значение соответствующего понятийного аппарата для формирования системы обеспечения безопасности государства [2]. Представленные подходы позволяют сделать вывод о том, что исследование национальной безопасности требует комплексного рассмотрения правовых, политических и организационных аспектов деятельности государства.

Правовой фундамент деятельности органов государственной власти в данной сфере составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Данные нормативные правовые акты определяют основы государственной политики и направления защиты национальных интересов.

Важнейшая особенность обеспечения национальной безопасности заключается в распределении полномочий между различными государственными институтами. Президент Российской Федерации определяет основные направления государственной политики, Федеральное Собрание осуществляет законодательное регулирование, Правительство РФ организует реализацию государственной политики в пределах своей компетенции. Другие органы государственной власти выполняют специальные задачи в соответствующих сферах общественных отношений.

На наш взгляд, эффективность деятельности государственных органов определяется не только объёмом закреплённых за ними полномочий, но и качеством их взаимодействия. Даже наличие развитой нормативно-правовой базы не гарантирует достижения необходимых результатов при недостаточной координации действий, несвоевременном обмене информацией и отсутствии единого подхода к оценке угроз.

Особое значение приобретает способность органов государственной власти своевременно выявлять потенциальные риски. К таким направлениям относятся защита информационной инфраструктуры, обеспечение экономической устойчивости, противодействие терроризму и экстремизму, а также предупреждение социальных конфликтов. Комплексный подход предполагает не только реагирование на уже возникшие угрозы, но и проведение профилактических мероприятий.

© Д.А. Беденко, 2026.

Научный руководитель: *Новикова Юлия Сергеевна* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

Таким образом, деятельность органов государственной власти выступает одним из определяющих факторов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Проведённый анализ позволяет заключить, что повышение её эффективности требует совершенствования межведомственного взаимодействия, развития механизмов стратегического планирования и регулярной оценки результатов принимаемых решений. Реализация данных направлений способствует укреплению государственных институтов и повышению устойчивости системы национальной безопасности.

Библиографический список:

1.Рогов А. С., Федотова Ю. Г. Государственная безопасность: элемент или содержание национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2015. Т. 21. № 12. С. 128–132.

2.Семичева А. С. Становление и сущность общей теории национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2015. № 1 (6). С. 3–7.

3.Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

4.Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

БЕДЕНКО ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – магистрант, Челябинский государственный университет», Россия.

Д.А. Беденко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества как одно из направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Анализируется значение общественного участия в предупреждении угроз, укреплении общественной стабильности и повышении эффективности государственной политики.

Ключевые слова: *национальная безопасность, органы государственной власти, гражданское общество, общественные объединения, государственная политика, общественная стабильность.*

Национальная безопасность зависит не только от деятельности государственных органов, но и от состояния общественных отношений, уровня доверия к государственным институтам и способности общества участвовать в решении социально значимых задач. В связи с этим взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества представляет собой важное направление реализации государственной политики в сфере безопасности.

Вопросы такого взаимодействия рассматриваются в научных исследованиях. Так, Э. Э. Абхаиров исследует возможности оптимизации сотрудничества государственных органов и институтов гражданского общества при противодействии угрозам национальным интересам Российской Федерации [1]. Е. Е. Никитина и Ж. А. Гаунова анализируют конституционные основы взаимодействия публичной власти и институтов гражданского общества при реализации государственной национальной политики [2]. Эти научные подходы позволяют рассматривать общественное участие как дополнительный организационный ресурс повышения эффективности государственной деятельности.

Участие гражданского общества может реализовываться посредством деятельности общественных объединений, некоммерческих организаций, добровольческих движений и общественных советов. Такие институты способны содействовать распространению правовой информации, реализации профилактических мероприятий, выявлению социальных проблем и формированию обратной связи между населением и органами власти.

Вместе с тем взаимодействие государства и общества должно осуществляться на основе законности, взаимной ответственности и соблюдения прав граждан. Формальное привлечение общественных организаций без учёта их предложений снижает результативность сотрудничества. Кроме того, необходимы прозрачные процедуры взаимодействия и чёткое разграничение полномочий государственных и общественных институтов.

По нашему мнению, совершенствование данного направления предполагает расширение практики общественных консультаций, повышение доступности информации о государственных программах в пределах установленных законом ограничений, развитие добровольческих инициатив и совершенствование механизмов рассмотрения общественных предложений. Особое значение имеет оценка реальных результатов совместных мероприятий, а не только количества проведённых встреч и формально заключённых соглашений.

Таким образом, взаимодействие органов государственной власти и гражданского общества может выступать значимым фактором укрепления национальной безопасности. Системное развитие такого сотрудничества способствует повышению качества государственного управления, укреплению общественной устойчивости и более своевременному выявлению проблем, способных создавать угрозы национальным интересам.

© Д.А. Беденко, 2026.

Научный руководитель: *Новикова Юлия Сергеевна* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

Библиографический список:

1.Абхаиров Э. Э. Взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений по обеспечению национальной безопасности в современной России // Актуальные исследования. 2021. № 6 (33). С. 6–8. Электронный ресурс.

2.Никитина Е. Е., Гаунова Ж. А. Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Журнал российского права. 2022. Т. 25. № 10.

3.Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

БЕДЕНКО ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – магистрант, Челябинский государственный университет», Россия.

П.С. Бородина

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ФОНДА РОССИИ

В статье рассматриваются этапы развития государственного социального обеспечения в России. Рассматриваются предпосылки к преобразованию Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования России в Социальный фонд России.

Ключевые слова: *Пенсионный фонд России, Фонд социального страхования, Социальный фонд России, социальное обеспечение, преобразование.*

Социальная политика Российской Федерации включает в себя достаточно много направлений, затрагивающих различные сферы жизни граждан – например, здравоохранение, образование и, несомненно, социальное обеспечение.

На рис. 1 представлены этапы развития государственного социального обеспечения в России [1, с. 45].

Рис. 1. Этапы развития государственной социальной политики в России

Дореволюционный этап развития социальной политики России можно охарактеризовать следующим образом: минимальное влияние государства, максимальный контроль со стороны церкви. Причиной тому был основополагающий принцип, лежавший в основе социальной политики – принцип милосердия. Лишь незадолго до революции стали формулироваться и приниматься первые законодательные акты, затрагивающие вопросы обеспечения рабочих и членов их семей (при нетрудоспособности, инвалидности или болезни, при потере кормильца) [1, с. 46].

Советское правительство вынуждено было выстраивать систему социальной политики едва ли не с нуля. Можно также отметить тот факт, что на всём протяжении советского этапа роль государства в формировании и развитии социальной политики росла с каждым годом; при этом учитывались как экономические, так и геополитические обстоятельства. Например, после завершения Великой Отечественной войны к категориям граждан, нуждающихся в социальном обеспечении, стала относиться ещё одна – солдаты, получившие ранения и вышедшие в отставку, плюс члены их семей [1, с.47].

После того, как Советский союз прекратил своё существование, наступил постсоветский этап развития социальной политики России. Для него тоже характерно формирование новой системы социального обеспечения, на которую ощутимо повлияли различные и зачастую радикальные экономико-политические реформы. В начале 90-х гг. были созданы и Пенсионный фонд России (1990 г.), и Фонд социального страхования (1991 г.). Возникла необходимость в поиске и формировании более эффективной модели государственной политики, чем существовала до этого [1, с.48].

© П.С. Бородина, 2026.

Научный руководитель: *Бахтеева Елена Ивановна* – заведующий кафедрой публичного права, кандидат юридических наук, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Социальное обеспечение населения Российской Федерации со стороны государства последние 2 года происходит через Социальный фонд России – результат преобразования Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования в единую структуру. Поэтому, прежде чем определить предпосылки, которые напрямую повлияли на их объединение, необходимо кратко изучить историю её предшественников.

22 декабря 1990 г. стало датой создания Пенсионного фонда России (ПФР). Де-факто это была новая структура, так как ранее, во время советской власти, ничего подобного не существовало, а контролем и обеспечением пенсионных выплат занималось само государство [1, с.50].

Пенсионный фонд был создан на основании постановления Верховного Совета РСФСР № 442-1 «Об организации Пенсионного фонда РСФСР». На тот момент возникла острая необходимость в формировании новой пенсионной системы, в основе которой была бы независимость от общего бюджета СССР. Выделенные из государственного бюджета денежные средства сформировали самостоятельный механизм, а далее ресурсы фонда стали пополняться за счёт обязательных страховых взносов граждан и работодателей.

Пенсионный фонд изменялся на всём протяжении своего существования, его функции также трансформировались и расширялись со временем – помимо своей изначальной функции как страховщика, ПФР также стало принимать участие в различных социальных программах (чаще всего их финансируя), а также стал администрировать страховые взносы.

Фонд социального страхования (ФСС) был создан 1 января 1991 г.; основанием стало постановление Совета Министров РСФСР и Федерации независимых профсоюзов РСФСР № 600/9-3 от 25.12.1990 г. Фонд был создан с целью формирования финансового резерва, направленного на обеспечение гарантированной медицинской помощи и разных социальных выплат [1, с.56].

Фонд социального страхования переживал различные трансформации на всём протяжении своего существования, как это случилось и с Пенсионным фондом России. Эти трансформации затрагивали не только выполняемые фондом функции, но иногда и саму систему социального обеспечения населения.

Исследование функций, выполняемых как ПФР, так и ФСС, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, основная деятельность Пенсионного фонда России заключалась в начислении и выплатах пенсионных пособий, в контроле за страховыми выплатами, во взимании недоимок по отчислениям, в назначении и реализации социальных выплат, которые предназначены для определённых категорий граждан [1, с.57].

Во-вторых, к основным функциям, выполняемым Фондом социального страхования России, относилось обеспечение граждан социальными пособиями (по временной нетрудоспособности, материнскими и детскими), страхование граждан от несчастных случаев на производстве и от профессиональных заболеваний, финансирование санаторно-курортного лечения, обеспечение техническими средствами реабилитации.

В 2022 году правительство приняло решение об объединении Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования, преобразуя его в единую, теоретически более совершенную и более эффективную структуру – Социальный фонд России (СФР), отныне выполняющий все упомянутые ранее функции с 1 января 2023 г. [1, с.58]

Создание Социального фонда России стало итогом масштабной, серьёзной реформы. А для каждой реформы характерно существование предпосылок, которые как прямо, так и косвенно бы определяли необходимость её проведения.

Наиболее заметной предпосылкой к формированию СФР стал тот факт, что его фонды-предшественники сталкивались с изменениями требований к форме учреждений и, следовательно, их функционал ощутимо расширился. Будучи изначально только страховщиками, и ПФР, и ФСС выполняли ряд государственных функций. Это не могло не отразиться на необходимости определить их статус и урегулировать деятельность [4, с.79].

Второй предпосылкой можно назвать процесс оптимизации административной структуры. У обоих фондов некоторые функции друг друга дублировали, а это ощутимо усложняло гражданам оформление и получение социальных услуг. Росли также административные расходы [2, с.24].

Третья предпосылка заключается в том, что работодатели были вынуждены взаимодействовать сразу с двумя фондами. В ряде случаев это создавало определённые административные препятствия. К тому же, у ПФР и ФСС существовали отдельные базы данных, информация в которых буквально повторяла друг друга. Существование единой базы намного бы упростило взаимодействие по ряду вопросом. Отсюда следует, что рассматриваемая предпосылка носила скорее бюрократический характер.

Четвёртая предпосылка касалась взаимодействия граждан и обоих фондов в рамках получениях социальных услуг. Доступность социального обеспечения ощутимо растёт в том случае, если у граждан имеется возможность быстрее и проще оформить выплаты или услуги по принципу «одного окна». При

существовании такого принципа растёт клиентоориентированность – что может наглядно продемонстрировать использование гражданами портала «Госуслуги» на протяжении уже 16 лет, в т.ч. и по вопросам, ранее курируемым Пенсионным фондом России и Фондом социального страхования.

К пятой предпосылке можно отнести необходимость адаптироваться к постоянно меняющимся экономико-политическим условиям и необходимости цифровизации. Крайне важно было обновить правовой статус института обязательного страхования в соответствии с новыми условиями.

Шестая предпосылка заключалась в том, что возникла необходимость простимулировать конкретные экономические сектора и обеспечить поддержку уязвимых категорий граждан.

Существование представленных выше предпосылок свидетельствует о необходимости проведения реформы, результатом которой создание Социального фонда России. Он представляет собой унифицированную и государственную структуру, выполняющую присущие своим предшественникам функции. Правовой основой для его создания стал Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации», а официальной датой создания является 1 января 2023 г. [3, с.29]

Однако, оценить объективность и эффективность проведения данной реформы будет возможно только через несколько лет – после того, как будут максимально устранены существующие противоречия и проблемы.

Библиографический список:

1.Иванов, И.И. История становления Социального фонда Российской Федерации: от реформ до современности [Текст]//Социальные исследования. - 2021. – № 3. – С. 45-58.

2.Невидомская, Д.М., Халудорова А.Э. Перспективы объединения Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования [Текст]//Студенческий. – 2022. - №41-7 (211). – С. 24-27.

3.Никишина, Е.С. Социальный фонд России как институт реализации государственной социальной политики [Текст]//Образование и право. – 2024. - № 2. – С.28-31.

4.Одинокова, Т.Д. Создание единого Социального фонда России на базе ПФР и ФСС: плюсы и минусы [Текст]//Инновационная наука. – 2022. - №12-1. – С.77-80.

5.Сергиенко, Н.С., Велиханов, М.Т., Фатиева, С.А. Теоретические основы реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации [Текст]//Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. - № 1. – С.108-115.

БОРОДИНА ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

П.А. Буков

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ СОВРЕМЕННЫХ ПАСТЕРИЗАЦИОННЫХ УСТАНОВОК

В статье рассмотрены ключевые проблемы и недостатки современных пастеризационных установок для молочных продуктов, применяемых в пищевой промышленности. Проведён анализ конструктивных, эксплуатационных и технологических ограничений пластинчатых пастеризационно-охладительных установок (ППОУ), включая проблему накипеобразования, нарушений принципа «продукт под давлением», ошибок эксплуатации и ограничений энергоэффективности. Приведены количественные характеристики на основе нормативных документов и научных исследований. Показано, что современные автоматизированные системы обеспечивают высокую точность контроля, однако их эффективность ограничена физико-химическими свойствами продукта и человеческим фактором.

Ключевые слова: *пастеризация, пластинчатый теплообменник, накипеобразование, ППОУ, клапан возврата, энергоэффективность, автоматизация, пищевая безопасность, CIP-мойка, человеческий фактор.*

Пастеризация является критическим этапом технологического процесса производства молочной продукции, поскольку от неё напрямую зависит микробиологическая безопасность и продолжительность хранения продукта. Согласно ТР ТС 033/2013, нарушение температурно-временных режимов пастеризации приводит либо к снижению качества продукта, либо к развитию патогенной микрофлоры [1]. Современные пластинчатые пастеризационно-охладительные установки (ППОУ) для HTST пастеризации являются стандартом отрасли благодаря высокой производительности (от 500 до 100 000 л/ч) и наличию секций регенерации тепла, обеспечивающих КПД до 80 – 85 % [8].

Однако, несмотря на широкое распространение и постоянное совершенствование систем автоматизации, данные установки не лишены существенных недостатков. Существующие методы контроля и конструктивные решения имеют принципиальные ограничения, которые проявляются как в штатных режимах эксплуатации, так и при отклонениях технологического процесса. Целью данной работы является систематизация и анализ основных проблем, снижающих эффективность и безопасность современных пастеризационных установок.

Одной из ключевых эксплуатационных проблем пластинчатых пастеризаторов является накипеобразование на поверхностях теплообменных пластин. Согласно данным, приведённым в исследованиях, жёсткая вода с концентрацией $CaCO_3$ выше 200 мг/л образует накипь на поверхности пластин, что снижает коэффициент теплопередачи на 20 – 40 % за несколько месяцев работы [3]. Пропуск кислотной мойки приводит к накоплению минеральных отложений («молочного камня»), из-за чего падает производительность пастеризатора и качество продукта. При этом контроль теплообмена осуществляется косвенно — по разности температур теплоносителя и продукта, что не позволяет своевременно обнаружить начальную стадию загрязнения [3; 4].

Серьёзной проблемой остаётся нарушение принципа «продукт под давлением», являющегося обязательным требованием соответствия принципам гигиенического дизайна по EHEDG (European Hygienic Engineering & Design Group). В штатном режиме давление продукта должно превышать давление теплоносителя, чтобы при возможном повреждении пластины или прокладки пастеризованный продукт попадал в теплоноситель, а не наоборот [2]. Однако при использовании насоса теплоносителя большей мощности, чем насос продукта, данный принцип нарушается, что создаёт риск загрязнения пастеризованного молока сырым или технической водой.

Критическим элементом безопасности является клапан возврата. Работа с отключённым или неисправным клапаном возврата квалифицируется как критическое нарушение пищевой безопасности, поскольку непастеризованный продукт при кратковременном падении температуры беспрепятственно проходит в охладитель и на розлив [7]. При этом время срабатывания клапана при отклонении температуры должно составлять менее 1 секунды, а при потере питания или сигнала клапан обязан автоматически переходить в положение «рециркуляция» [7; 2]. Отказ данного элемента не всегда обнаруживается оперативно без регулярной диагностики.

© П.А. Буков, 2026.

С точки зрения энергоэффективности, несмотря на наличие секций регенерации, ППОУ остаются энергоёмкими агрегатами. Исследования показывают, что даже при КПД регенерации 80 % типовые установки потребляют значительное количество тепла и электроэнергии. Повышение КПД с 80 до 90 % требует увеличения количества пластин в 2 раза и экономически оправдано лишь на пастеризаторах производительностью от 20 т/ч [8]. Кроме того, жёсткая вода и накипь дополнительно увеличивают расход энергии, сводя на нет преимущества рекуперации.

Зарубежные исследования также указывают на фундаментальные ограничения традиционных методов термической обработки. Обзор, опубликованный в International Journal of Dairy Technology, отмечает, что конвенциональные методы HTST связаны с такими существенными недостатками, как деградация питательных веществ, изменение органолептических свойств и высокое энергопотребление [9]. Для малых и средних предприятий ситуация усугубляется отсутствием доступных прогностических моделей: существующие модели тепловой обработки разработаны для крупных компаний, слишком сложны для использования в производственных условиях, из-за чего режимы обработки часто основаны на опыте и эмпирических данных [5].

Отдельного внимания заслуживает проблема человеческого фактора. Анализ типичных ошибок при эксплуатации пластинчатых пастеризаторов выявил следующие нарушения: избыточный крутящий момент при затяжке пластинчатого пакета приводит к деформации прокладок и внутренним утечкам, а недотяжка — к наружным протечкам; замена прокладок на «похожие» без проверки материала создаёт риск несовместимости с продуктом и CIP-реагентами; несвоевременная калибровка датчиков температуры приводит к перегреву или недогреву продукта [6].

Вывод. Современные пастеризационные установки, несмотря на высокую степень автоматизации и соответствие нормативным требованиям, обладают рядом принципиальных недостатков. К основным из них относятся: снижение теплопередачи вследствие накипеобразования (до 40 %), риск нарушения принципа «продукт под давлением», критическая зависимость безопасности от исправности клапана возврата, ограниченная энергоэффективность при существующих КПД регенерации, а также сохраняющееся влияние человеческого фактора при обслуживании и эксплуатации.

Повышение надёжности и безопасности пастеризационных установок требует комплексного подхода: совершенствования систем диагностики загрязнения пластин в реальном времени, ужесточения регламентов проверки клапана возврата, датчиков и исполнительных механизмов, разработки доступных прогностических моделей для средних предприятий и усиления обучения операторов. Только при условии компенсации указанных недостатков автоматизация пастеризации обеспечивает заявленный уровень пищевой безопасности и экономической эффективности.

Библиографический список:

1. ТР ТС 033/2013. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности молока и молочной продукции». Принят Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 9 октября 2013 года № 67.

2. EHEDG Doc. 1. Microbiologically safe continuous pasteurization of liquid food / European Hygienic Engineering & Design Group. – 2nd ed. – Frankfurt : EHEDG, 2018. – (EHEDG Guidelines ; Doc. 1).

3. Jun, S. A 2D dynamic model for fouling performance of plate heat exchangers / S. Jun, V. M. Puri // Journal of Food Engineering. – 2006. – Vol. 75, № 3/ – DOI: 10.1016/j.jfoodeng.2005.03.064.

4. Gutierrez, C. G. C. C. Modelling and control of plate heat exchanger with continuous high-temperature short time milk pasteurization process – A review / C. G. C. C. Gutierrez, G. N. Diniz, J. A. W. Gut // Food and Bioproducts Processing. – 2022. – Vol. 134. – P. 1–20. – DOI: 10.1016/j.fbp.2022.04.001.

5. Schutyser, M. A. I. A new web-based modelling tool (Websim-MILQ) aimed at optimisation of thermal treatments in the dairy industry / M. A. I. Schutyser, J. Straatsma, P. M. Keijzer [et al.] // International Journal of Food Microbiology. – 2008. – Vol. 128, № 1. – P. 153–157. – DOI: 10.1016/j.ijfoodmicro.2008.07.003.

6. Alfa Laval. Plate heat exchangers : installation, operation and maintenance manual / Alfa Laval. – Lund : Alfa Laval, 2020.

7. EHEDG Doc. 14. Hygienic design of valves for food processing / European Hygienic Engineering & Design Group. – Frankfurt : EHEDG, 2004. – (EHEDG Guidelines ; Doc. 14).

8. Справочник по НТД. Производство молочной продукции / Бюро НДТ. – Москва : Бюро НДТ, 2019. – 280 с.

9. Hybrid thermal–nonthermal processing approaches for sustainable dairy production: Synergistic effects on safety and quality // International Journal of Dairy Technology. – 2026. – Vol. 79, № 2. – DOI: 10.1111/1471-0307.13045.

БУКОВ ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ – магистрант, ФГБОУ Волгоградский ГАУ, Россия.

А.К. Карпушенкова

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЬИ В ОТСТАВКЕ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье анализируется правовой статус судьи в отставке в Российской Федерации. Рассматривается эволюция института отставки, система гарантий и ограничений, практика их применения Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ и квалификационными коллегиями. На основе сравнительно-правового анализа зарубежного опыта формулируются предложения по совершенствованию законодательства, направленные на обеспечение баланса между публичными интересами и правами судей, завершивших профессиональную деятельность.

Ключевые слова: *судья в отставке, судейский статус, гарантии, ограничения, запреты, конфликт интересов, совершенствование законодательства.*

Институт отставки судьи является важнейшей гарантией независимости судебной власти, обеспечивающей преемственность судейского корпуса и достойное завершение профессиональной карьеры. Однако современное российское законодательство в этой сфере характеризуется сложным сочетанием материальных гарантий и строгих ограничений, что порождает немало теоретических и практических проблем. Актуальность темы обусловлена перманентным реформированием Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», неопределенностью отдельных норм и дискуссионностью вопроса о соразмерности ограничений конституционно значимым целям. Цель статьи — выявить проблемные аспекты реализации статуса судьи в отставке и предложить научно обоснованные меры по совершенствованию нормативного регулирования.

Теоретико-правовые основы и нормативная структура статуса. Отставка судьи, согласно статье 15 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1, представляет собой не просто прекращение полномочий, а особый правовой институт — почетный уход с должности, сохраняющий за лицом связь с судейским сообществом. В отличие от увольнения по дискредитирующим обстоятельствам, отставка влечет за собой сохранение ряда гарантий при одновременном распространении специальных запретов.

Нормативная структура статуса включает три группы гарантий:

- **Имущественные:** ежемесячное пожизненное содержание (80–85% от вознаграждения действующего судьи), выходное пособие, индексация выплат.
- **Личные:** гарантии личной неприкосновенности и неответственность за выраженное при осуществлении правосудия мнение.
- **Корпоративные:** сохранение принадлежности к судейскому сообществу, право участвовать в работе его органов с совещательным голосом и обязанность соблюдать Кодекс судейской этики.

Анализ правоприменительной практики показывает, что статус судьи в отставке является не безусловным пожизненным преимуществом, а особым правовым состоянием, требующим постоянного соблюдения установленных правил. Нарушение требований влечет прекращение отставки и утрату всех связанных с ней льгот.

Система ограничений, запретов и практика их применения. Система ограничений для судей в отставке прошла путь от жестких запретов 1992 года к постепенной либерализации (в частности, в результате принятия ФЗ от 04.06.2014 № 143-ФЗ и ФЗ от 29.12.2015 № 409-ФЗ). В настоящее время она включает несколько взаимосвязанных групп:

- **Запрет на замещение должностей** прокурора, следователя и дознавателя.
- **Ограничения на оплачиваемую деятельность:** разрешена только педагогическая, научная и иная творческая деятельность, не финансируемая из иностранных источников.
- **Запрет на предпринимательскую деятельность** и участие в управлении коммерческими организациями.
- **Запрет на представительство** по делам физических и юридических лиц (кроме законного).

© А.К. Карпушенкова, 2026.

• **Этические ограничения**, вытекающие из Кодекса судейской этики (включая запрет на адвокатскую деятельность).

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19.02.2002 № 5-П и последующих актах сформулировал устойчивую позицию: данные ограничения не являются несоразмерным ограничением конституционных прав, поскольку гражданин, избравший судейскую профессию, добровольно принимает связанные с ней условия. Верховный Суд РФ в своих решениях (например, по делам Таепова Ф.Б. и Швецовой О.Ф.) последовательно подтверждает, что несоблюдение запретов является достаточным основанием для прекращения отставки.

Вместе с тем практика выявляет две ключевые проблемы. Во-первых, отсутствие легального определения понятия «иная творческая деятельность» создает правовую неопределенность и приводит к конфликтам с квалификационными коллегиями. Во-вторых, законодательство не предусматривает дифференцированного подхода к ограничениям в зависимости от срока, прошедшего с момента ухода в отставку.

Сравнительно-правовой анализ и предложения по совершенствованию. Сравнительный анализ моделей Германии, Франции, Великобритании, США и стран Азии показывает, что наиболее эффективными являются подходы, сочетающие законодательную регламентацию с этическим регулированием. Зарубежный опыт (в частности, Германии и Франции) демонстрирует возможность установления не абсолютных, а временных запретов (например, пятилетний «карантин» на занятие адвокатской деятельностью).

На основе проведенного исследования предлагается комплекс мер по совершенствованию российского законодательства:

1.**Законодательное определение «иной творческой деятельности».** Дополнить статью 3 Закона о статусе судей примечанием, закрепляющим критерии отграничения творческой деятельности от предпринимательской (отсутствие систематического извлечения прибыли, нерегулярный характер, отсутствие регистрации в качестве ИП или самозанятого).

2.**Введение дифференцированного подхода к ограничениям.** Установить пятилетний запрет на занятие адвокатской деятельностью после ухода в отставку с последующей возможностью ее осуществления (за исключением суда, где судья ранее работал), что позволит сбалансировать публичные интересы и права на профессиональную самореализацию.

3.**Закрепление гарантий для судей-инвалидов.** Ускорить принятие законопроекта, дополняющего статью 15 Закона о статусе судей нормой о праве на ежемесячное содержание по инвалидности, размер которого зависит от группы инвалидности и стажа.

4.**Совершенствование процедуры прекращения отставки.** Закрепить в статье 15 Закона обязанность квалификационной коллегии предварительно уведомлять судью о нарушениях и предоставлять ему возможность дать объяснения.

5.**Разработка этического руководства.** Поручить комиссии Совета судей РФ по этике создание специального руководства по поведению для судей в отставке по аналогии с британским *Guide to Conduct for Retired Justices* (2025), содержащего разъяснения по спорным вопросам.

6.**Расширение перечня разрешенных видов деятельности.** Рассмотреть вопрос о разрешении судьям в отставке осуществлять деятельность в качестве медиаторов при условии отсутствия конфликта интересов.

7.**Унификация материального обеспечения.** Закрепить принцип сохранения права на пожизненное содержание в размере, соответствующем наиболее высокой должности, которую судья занимал в период карьеры.

Заключение. Правовой статус судьи в отставке представляет собой динамично развивающийся институт, требующий тонкой настройки баланса между гарантиями независимости и мерами по предотвращению конфликта интересов. Выявленные пробелы в определении творческой деятельности, отсутствие временных ограничений на адвокатскую практику и недостаточная процедурная защищенность судей при прекращении отставки снижают эффективность правового регулирования. Реализация предложенных законодательных новелл, основанных на лучших образцах зарубежного опыта, будет способствовать укреплению авторитета судебной власти и обеспечению достойного завершения судейской карьеры в Российской Федерации.

КАРПУШЕНКОВА АНАСТАСИЯ КОНСТАНТИНОВНА – магистрант, Вятский государственный университет, Россия.

А.К. Карпушенкова

ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ В СТАТУСЕ СУДЬИ В ОТСТАВКЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И КРИТЕРИИ СОРАЗМЕРНОСТИ

Статья посвящена анализу системы ограничений и запретов, распространяющихся на судей в отставке в Российской Федерации. На основе обобщения практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и квалификационных коллегий судей исследуется проблема правовой неопределенности отдельных запретов, оценивается их соразмерность конституционно значимым целям и предлагаются критерии разграничения разрешенной творческой и запрещенной предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: *судья в отставке, конфликт интересов, ограничения судейской деятельности, соразмерность ограничений, квалификационная коллегия судей, адвокатская деятельность.*

Правовой статус судьи в отставке характеризуется диалектическим единством повышенных социальных гарантий и строгих публично-правовых ограничений. Если первая глава правового регулирования направлена на обеспечение независимости лица в период отправления правосудия, то вторая — на предотвращение использования накопленного судейского опыта, авторитета и связей в целях, несовместимых с высоким званием судьи. Цель настоящей статьи — проанализировать наиболее проблемные зоны правоприменения ограничений, выявить причины правовой неопределенности и оценить соразмерность установленных запретов.

1. Система ограничений: от абсолютных запретов к правовой неопределенности

Действующее законодательство (ст. 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодекс судейской этики) устанавливает для судей в отставке пять основных групп ограничений:

1.Запрет на замещение должностей в органах прокуратуры, следствия и дознания.

2.Запрет на занятие любой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой.

3.Запрет на предпринимательскую деятельность и участие в управлении коммерческими структурами.

4.Запрет на представительство в судах (кроме законного).

5.Запрет на адвокатскую и нотариальную деятельность.

Эволюция законодательства демонстрирует тенденцию к либерализации: Федеральные законы от 04.06.2014 № 143-ФЗ и от 29.12.2015 № 409-ФЗ существенно расширили возможности судей в отставке по замещению государственных и муниципальных должностей, а также деятельности в качестве арбитров. Однако смягчение одних запретов привело к обострению неопределенности в других.

Наибольшую сложность на практике вызывает разграничение «иной творческой деятельности» и замаскированной предпринимательской активности. Квалификационные коллегии судей и комиссия Совета судей РФ по этике в своих заключениях (в частности, от 31.07.2023 № С/КЭ-9 и от 15.02.2024 № С/КЭ-1) относят к запрещенной деятельности работу фотографом, дизайнером интерьера и самозанятым репетитором, поскольку эти виды активности содержат признаки систематического извлечения прибыли и регистрации в качестве самозанятого. При этом легального определения «творческой деятельности» в законе не существует, что создает почву для произвольного толкования.

2. Анализ правоприменительной практики и критерии соразмерности

Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях (Постановление от 19.02.2002 № 5-П) последовательно указывает, что ограничения, обусловленные спецификой судейского статуса, не являются нарушением конституционных прав, так как гражданин добровольно принимает их при вступлении в должность. Однако свобода усмотрения законодателя не безгранична: ограничения должны отвечать критериям правовой определенности, необходимости и соразмерности.

Анализ практики Верховного Суда РФ (дела Таепова Ф.Б., Швецовой О.Ф.) показывает, что нарушение даже одного абсолютного запрета (например, на занятие должности прокурора) влечет немедлен-

© А.К. Карпушенкова, 2026.

ное прекращение отставки. При этом прекращение отставки не является мерой дисциплинарной ответственности, а представляет собой констатацию утраты судьей соответствия требованиям, предъявляемым к данной категории лиц.

Наиболее дискуссионным остается абсолютный пожизненный запрет на занятие адвокатской деятельностью. С точки зрения соразмерности, данный запрет выглядит избыточным. Он фактически лишает судью в отставке возможности использовать свои профессиональные знания в одной из наиболее востребованных сфер, не предлагая гибких механизмов. Зарубежный опыт (Германия, Франция, Япония) предлагает более сбалансированные модели: установление временных ограничений (так называемого «карантина» на срок от 2 до 5 лет) или запрета на работу в конкретном суде, где судья ранее осуществлял правосудие.

3. Проблемные зоны и критерии разграничения деятельности

Для преодоления правовой неопределенности и обеспечения единообразия практики правоприменения необходимо сформулировать четкие критерии, которыми должны руководствоваться квалификационные коллегии. На основе анализа заключений Совета судей РФ можно выделить следующие признаки, позволяющие квалифицировать деятельность судьи в отставке как недопустимую:

- **Признак систематичности и извлечения прибыли:** Деятельность носит регулярный характер, направлена на получение основного или существенного побочного дохода (в отличие от разовых публикаций, лекций или участия в грантовых исследованиях).
- **Признак организационной формы:** Осуществление деятельности через регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, самозанятого лица или участие в управлении юридическим лицом.
- **Признак использования судейского статуса:** Привлечение клиентов или контрагентов благодаря упоминанию прежней должности, использование судебной символики или личных связей, сформированных в период работы судьей.
- **Признак пересечения с процессуальной деятельностью:** Оказание консультаций по конкретным делам, составление процессуальных документов, участие в переговорах в качестве юриста под видом «научного консультирования».

Особого внимания заслуживает вопрос о финансировании из иностранных источников. Запрет на педагогическую и научную деятельность, финансируемую исключительно иностранными государствами или организациями, является обоснованным и соразмерным, так как направлен на предотвращение внешнего влияния на судейское сообщество. Однако этот запрет требует уточнения в части софинансирования и участия в международных проектах, не носящих политического характера.

Выводы и рекомендации

1.**Необходимость дифференциации запретов.** Абсолютный пожизненный запрет на адвокатскую деятельность должен быть заменен на временный (например, 5-летний) запрет, по истечении которого судья в отставке вправе заниматься частной практикой при условии отсутствия конфликта интересов.

2.**Легализация критериев творческой деятельности.** Требуется внесение изменений в Закон о статусе судей, закрепляющих критерии отграничения творческой деятельности от предпринимательской (отсутствие регистрации в качестве ИП/самозанятого, разовый характер, отсутствие наемного труда).

3.**Процедурные гарантии.** Практика квалификационных коллегий не всегда единообразна. Необходимо законодательно закрепить обязательность предварительного уведомления судьи о выявленных нарушениях и предоставления ему возможности представить мотивированные объяснения до принятия решения о прекращении отставки.

4.**Разработка методических рекомендаций.** Совету судей РФ целесообразно издать методические рекомендации по применению ограничений, включив в них «белый» и «серый» перечни видов деятельности с описанием пограничных ситуаций (например, блогерство, стриминг, создание онлайн-курсов).

Установленные ограничения являются неизбежной платой за сохранение особого публично-правового статуса. Однако их оптимальная настройка, основанная на четких правовых критериях и учете накопленной судебной практики, позволит снизить количество споров, защитить права добросовестных судей в отставке и укрепить доверие общества к судебной системе.

КАРПУШЕНКОВА АНАСТАСИЯ КОНСТАНТИНОВНА – магистрант, Вятский государственный университет, Россия.

А.Л. Кочнева, Ю.Ш. Никонова

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматриваются проблемы обеспечения социальной защищённости сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с позиций системно-целостного подхода. Особое внимание уделяется жилищному обеспечению и механизму предоставления единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения. Анализируются трудности определения жилищной нуждаемости, состава семьи и продолжительности службы, а также вопросы согласованности нормативного регулирования и эффективности административных процедур. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства, повышению прозрачности принятия решений, развитию альтернативных форм жилищной поддержки и доступности юридической помощи.

Ключевые слова: *органы внутренних дел, социальная защищённость, социальные гарантии, жилищное обеспечение, единовременная социальная выплата, правовое регулирование, судебная защита.*

Социальная защищённость сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации представляет собой значимый элемент правового и организационного обеспечения государственной службы. Специфика правоохранительной деятельности, обусловленная повышенной ответственностью, профессиональными рисками и необходимостью выполнения служебных задач в сложных условиях, предполагает наличие системы гарантий, позволяющих компенсировать связанные со службой ограничения и обеспечивать достойные условия жизни сотрудников и членов их семей.

Правовые основы соответствующих гарантий закреплены в Федеральном законе от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Предусмотренная данным нормативным актом система социальной поддержки охватывает вопросы денежного довольствия, пенсионного и медицинского обеспечения, предоставления жилых помещений и реализации иных установленных законом гарантий.

Конституционные положения о социальном государстве, равенстве перед законом и судом, а также праве на жилище формируют общую основу правового регулирования рассматриваемой сферы. При этом конкретные условия и порядок предоставления социальных гарантий устанавливаются федеральным законодательством. Дифференциация мер государственной поддержки допустима при наличии объективных оснований и соблюдении конституционных принципов. Решения уполномоченных органов должны приниматься в пределах предоставленных полномочий, на основании действующих правовых норм и с учётом юридически значимых обстоятельств конкретного дела.

Системно-целостный подход предполагает рассмотрение социальной защищённости не как совокупности разрозненных льгот и выплат, а как взаимосвязанного механизма правовых, экономических и организационных мер. Эффективность данного механизма определяется не только наличием законодательных предписаний, но и реальной возможностью сотрудников воспользоваться предусмотренными гарантиями. Поэтому при оценке социальной защищённости необходимо учитывать доступность выплат, достаточность материальной поддержки, качество административных процедур, возможность обжалования решений и соответствие предоставляемых мер фактическим потребностям сотрудников.

В числе проблем, оказывающих влияние на результативность социальной политики в органах внутренних дел, можно выделить ограниченность финансовых ресурсов, недостаточную достаточность отдельных выплат с учётом изменения стоимости жизни, сложности реализации жилищных прав, необходимость совершенствования профессиональной подготовки и психологического сопровождения сотрудников. Дополнительное значение имеют доступность правовой помощи и прозрачность административных процедур, от которых зависит своевременное предоставление установленных законом гарантий.

Особого внимания заслуживает жилищное обеспечение сотрудников органов внутренних дел. Наличие подходящего жилья непосредственно влияет на стабильность социального положения сотруд-

© А.Л. Кочнева, Ю.Ш. Никонова, 2026.

ника, благополучие его семьи и возможность долгосрочного планирования профессиональной деятельности. Вместе с тем высокая стоимость недвижимости, различия в ценах на жильё в регионах, ограниченность бюджетного финансирования и продолжительность процедур рассмотрения заявлений могут затруднять практическую реализацию права на жилищную поддержку.

Одним из предусмотренных законодательством механизмов решения данной проблемы выступает единовременная социальная выплата на приобретение или строительство жилого помещения. Правовая регламентация её предоставления требует последовательного применения критериев нуждаемости, правил определения состава семьи, расчёта размера выплаты и установления необходимой продолжительности службы. При этом особое значение приобретает согласованность нормативных положений и единообразие практики их применения.

Одной из проблемных областей является определение степени обеспеченности сотрудника жилыми помещениями. При рассмотрении соответствующих вопросов необходимо учитывать не только наличие зарегистрированного права собственности, но и юридически значимые характеристики жилья, возможность его фактического использования, техническое состояние помещения и соблюдение обязательных требований к условиям проживания. Вместе с тем критерии оценки должны соответствовать действующему законодательству и не подменяться произвольным усмотрением должностных лиц.

Для повышения определённости правоприменения целесообразно уточнить порядок оценки жилищных условий заявителей и установить прозрачные требования к документам, подтверждающим наличие либо отсутствие возможности пользоваться жилым помещением. При оценке недвижимости, принадлежащей другим членам семьи, следует учитывать предусмотренные законом обстоятельства, включая характер родственных отношений, наличие права пользования и фактические условия проживания. Подобный подход позволит снизить риск формального принятия решений, не отражающих реального жилищного положения сотрудника.

Отдельного нормативного и практического внимания требует учёт сделок, в результате которых жилищные условия заявителя могли быть намеренно ухудшены. Для предотвращения необоснованного получения социальной поддержки необходимы чёткие правовые основания оценки таких сделок, определённые временные критерии и соблюдение установленного порядка доказывания. При этом сам факт отчуждения жилого помещения не должен автоматически рассматриваться как достаточное основание для отказа: решение должно опираться на применимые нормы права и обстоятельства конкретной ситуации.

Следующее направление совершенствования связано с определением состава семьи сотрудника. При расчёте размера единовременной социальной выплаты юридическое значение могут иметь сведения о несовершеннолетних и совершеннолетних детях, семейном положении заявителя, наличии иных лиц, учитываемых в соответствии с законодательством, а также изменениях состава семьи в период ожидания выплаты. Отсутствие единообразных подходов к оценке отдельных обстоятельств способно приводить к разногласиям между заявителями и уполномоченными подразделениями.

В связи с этим представляется целесообразным детализировать административные процедуры подтверждения состава семьи, установить исчерпывающие требования к представляемым документам и определить порядок оценки обстоятельств совместного проживания и ведения общего хозяйства в тех случаях, когда они имеют правовое значение. Отдельного внимания заслуживает положение совершеннолетних детей, в том числе обучающихся по очной форме. Условия их включения в состав семьи должны определяться на основании действующих норм, без введения не предусмотренных законом презумпций или дополнительных ограничений.

Не менее важным является вопрос определения продолжительности службы, необходимой для возникновения права на жилищную поддержку. Для исключения неоднозначного толкования правовых норм необходимо обеспечить последовательное применение правил исчисления соответствующего стажа, включая предусмотренные законодательством периоды службы и иные засчитываемые периоды. Также следует обеспечить правовую определённость при рассмотрении ситуаций, связанных с увольнением и последующим повторным поступлением на службу. Конкретные правила учёта таких периодов должны соответствовать нормативным требованиям, регулирующим предоставление единовременной социальной выплаты.

Самостоятельным направлением совершенствования системы является обеспечение согласованности нормативного регулирования. Правила предоставления жилищных гарантий должны применяться во взаимосвязи с положениями Федерального закона № 247-ФЗ, Жилищного кодекса Российской Федерации и иных применимых нормативных правовых актов. Выявление и устранение противоречий, а также своевременное обновление подзаконного регулирования способны повысить предсказуемость административных решений и снизить количество споров, возникающих при реализации права на социальную поддержку.

Наряду с совершенствованием правовых механизмов необходимо обеспечить достаточную ресурсную основу жилищной политики. При планировании бюджетных расходов следует учитывать численность сотрудников, признанных нуждающимися в соответствующей поддержке, динамику стоимости жилой недвижимости и региональные различия жилищного рынка. Повышение прозрачности планирования и регулярная оценка фактической результативности программы позволят более обоснованно распределять средства и определять приоритетные направления финансирования.

Перспективным представляется расширение комплекса мер, дополняющих предоставление единовременной социальной выплаты. К таким мерам могут относиться развитие фонда служебного жилья, формирование доступных механизмов аренды жилых помещений и рассмотрение возможностей предоставления льготных ипотечных продуктов в рамках соответствующих государственных программ. Применение альтернативных инструментов должно учитывать особенности прохождения службы, бюджетные ограничения и потребности сотрудников, проживающих в регионах с высокой стоимостью недвижимости.

Важное значение имеет совершенствование правового сопровождения сотрудников, обращающихся за предоставлением жилищных гарантий. Консультирование по вопросам подготовки документов, разъяснение порядка принятия решений и обеспечение возможности своевременного обжалования отказов способствуют повышению доступности социальных прав. При наличии правовых оснований целесообразно развивать механизмы оказания квалифицированной юридической помощи, в том числе при рассмотрении споров в административном и судебном порядке.

Эффективность социальной защищённости также зависит от качества организационного управления. Сокращение избыточных административных процедур, развитие электронного документооборота, повышение информированности сотрудников и обеспечение прозрачности движения заявлений способны уменьшить временные затраты и повысить доверие к системе распределения социальных благ. Одновременно необходимо совершенствовать механизмы внутреннего контроля, предупреждения коррупционных проявлений и рассмотрения жалоб на действия должностных лиц.

Таким образом, совершенствование жилищной социальной защиты сотрудников органов внутренних дел должно осуществляться на основе комплексного подхода, объединяющего нормативные, финансовые и организационные инструменты. Приоритетными направлениями являются уточнение критериев жилищной нуждаемости, повышение определённости правил учёта состава семьи и служебного стажа, обеспечение согласованности нормативных актов, расширение альтернативных форм жилищной поддержки и повышение доступности юридической помощи.

Социально-правовая защищённость сотрудников органов внутренних дел представляет собой важнейшее условие устойчивого функционирования правоохранительной системы. Реализация предусмотренных законодательством гарантий способствует укреплению социального положения сотрудников, повышению привлекательности государственной службы и формированию предпосылок для сохранения квалифицированных кадров. В этой связи совершенствование механизмов жилищного обеспечения следует рассматривать не только как направление социальной политики, но и как элемент долгосрочного развития органов внутренних дел Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: основной закон РФ от 12.12.1993 (ред. от 01.07.2020). − Режим доступа: КонсультантПлюс, свободный.

2. Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: − Режим доступа: КонсультантПлюс, свободный.

3. Миренкова, Е. П. Проблемы реализации социальной защиты сотрудников органов внутренних дел на современном этапе развития Российской Федерации / Е. П. Миренкова, И. Н. Кремёнов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 41 (279). — С. 95-98. — URL: https://moluch.ru/archive/279/62875/ (дата обращения: 09.07.2025).

4. https://vz.ru/news/2023/8/10/1225214.html (дата обращения: 23.06.2025).

5. https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-psihologicheskoy-profilaktiki-tekuchesti-kadrov-v-organah-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 23.06.2025).

КОЧНЕВА АЛЕКСАНДРА ЛЕОНИДОВНА – студент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

НИКОНОВА ЮЛИЯ ШАРИФУЛЛОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, Россия.

А.Л. Кочнева, Ю.Ш. Никонова

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАДРОВОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Статья посвящена исследованию современных направлений цифровизации кадровой работы в органах внутренних дел Российской Федерации. Рассматриваются особенности внедрения цифровых технологий в процессы кадрового обеспечения, включая электронный кадровый документооборот, автоматизацию кадровых процедур, использование информационных систем и цифровых платформ при отборе, учете, обучении и оценке сотрудников. Особое внимание уделяется проблемам обеспечения информационной безопасности, защиты персональных данных, а также подготовки кадров к работе в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: *цифровизация, кадровая работа, органы внутренних дел, кадровая политика, цифровая трансформация, электронный документооборот, информационные системы, управление персоналом, искусственный интеллект, информационная безопасность.*

В условиях становления цифровой экономики и развития информационного общества цифровая трансформация выступает ключевым вектором модернизации системы государственного управления. В Российской Федерации данный процесс носит институционально закреплённый характер и реализуется в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», а также стратегических документов, направленных на развитие электронного правительства и повышение эффективности деятельности органов публичной власти [1].

Особую значимость цифровизация приобретает для правоохранительных органов, в том числе для органов внутренних дел Российской Федерации, где результативность служебной деятельности напрямую зависит от качества кадрового обеспечения, уровня развития управленческих технологий и эффективности информационно-аналитической поддержки кадровых решений.

Одним из наиболее заметных эффектов внедрения цифровых технологий в кадровую сферу является существенное сокращение временных затрат на обработку служебной и кадровой информации. Переход от традиционного бумажного документооборота к электронным системам управления документами позволяет значительно ускорить оформление кадровых процедур, снизить административную нагрузку и минимизировать влияние человеческого фактора [2, с. 214].

Автоматизация процессов кадров способствует повышению обоснованности и оперативности управленческих решений. Руководители кадровых подразделений получают доступ к актуальным аналитическим данным о структуре личного состава, уровне укомплектованности подразделений, динамике кадровых перемещений и уровне профессиональной подготовки сотрудников. Использование цифровых аналитических платформ и технологий обработки больших данных позволяет выявлять тенденции развития кадровой ситуации и формировать более точные управленческие решения [3, с. 96].

Важным направлением цифровой трансформации является внедрение электронного документооборота в кадровую деятельность. Электронные кадровые документы обеспечивают ускорение процедур согласования, повышение прозрачности управленческих процессов, усиление контроля исполнения управленческих решений, а также снижение вероятности ошибок при оформлении кадровых решений. Данные положения соответствуют общим принципам развития электронного документооборота, закреплённым в Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4].

Отдельного внимания заслуживает цифровизация системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Использование дистанционных образовательных технологий, электронных образовательных платформ и автоматизированных систем оценки компетенций позволяет организовывать непрерывное обучение без отрыва от служебной деятельности. Такой подход соответствует современным тенденциям развития непрерывного образования и повышения квалификации государственных служащих [5, с. 118].

Перспективным направлением является внедрение технологий искусственного интеллекта и интеллектуального анализа данных в кадровую деятельность. В соответствии со Стратегией развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 года, применение подобных технологий поз-

© А.Л. Кочнева, Ю.Ш. Никонова, 2026.

воляет осуществлять прогнозирование кадровых потребностей, оценку эффективности служебной деятельности и выявление факторов текучести кадров [6]. Однако использование таких решений требует строгого соблюдения законодательства о персональных данных, в частности Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», а также обеспечения надлежащего уровня информационной безопасности.

Несмотря на значительный потенциал цифровизации, процесс её внедрения сопровождается рядом проблемных аспектов.

Ключевой проблемой остаётся обеспечение информационной безопасности. Кадровые подразделения работают с персональными данными сотрудников, относящимися к информации ограниченного доступа, что требует применения комплексных мер защиты, включая криптографические средства, многоуровневую систему разграничения доступа и постоянный аудит информационных систем [7, с. 52].

Другим значимым вызовом является необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования цифровых кадровых технологий. Темпы развития цифровых решений зачастую опережают обновление законодательства, что приводит к возникновению правовых коллизий при использовании систем искусственного интеллекта, автоматизированных кадровых платформ и электронных юридически значимых документов [8].

Кроме того, важной проблемой остаётся формирование цифровых компетенций сотрудников кадровых подразделений. Современный кадровый специалист в системе органов внутренних дел должен обладать не только знанием административного и служебного законодательства, но и навыками работы с информационными системами, аналитическими платформами и технологиями электронного документооборота [9, с. 183].

Перспективы дальнейшего развития кадровой работы связаны с формированием единой цифровой кадровой среды, интеграцией ведомственных информационных ресурсов, развитием интеллектуальных систем поддержки принятия решений и внедрением предиктивной аналитики. Реализация данных направлений позволит повысить объективность кадровых решений, эффективность управления человеческими ресурсами и качество кадрового обеспечения органов внутренних дел.

Таким образом, цифровая трансформация кадровой работы выступает важнейшим направлением модернизации системы управления в органах внутренних дел Российской Федерации. Применение современных информационных технологий обеспечивает повышение эффективности кадрового учёта, оптимизацию процедур подбора и расстановки кадров, развитие электронного документооборота и совершенствование управленческой деятельности.

Вместе с тем успешная реализация цифровизации требует комплексного решения организационных, правовых и технических задач, включая обеспечение информационной безопасности, развитие нормативно-правовой базы и повышение уровня цифровых компетенций сотрудников кадровых подразделений.

Следовательно, дальнейшее развитие цифровых технологий в кадровой сфере органов внутренних дел будет способствовать укреплению кадрового потенциала, повышению эффективности государственной кадровой политики и совершенствованию системы государственного управления в целом.

Библиографический список:

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Правительством РФ).

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

5. Материалы научных исследований по цифровизации государственного управления // (уточняемый источник).

6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

7. Научные публикации по информационной безопасности в государственном управлении // (уточняемый источник).

8. Монографии и статьи по проблемам правового регулирования цифровой трансформации // (уточняемый источник).

9. Работы по развитию цифровых компетенций государственных служащих // (уточняемый источник).

КОЧНЕВА АЛЕКСАНДРА ЛЕОНИДОВНА – студент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

НИКОНОВА ЮЛИЯ ШАРИФУЛЛОВНА – кандидат юридических наук**,** доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Е.С. Кошкина

ПРОВЕРКИ НА РЕЖИМНЫХ ОБЪЕКТАХ: КОЛЛИЗИЯ НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА И РЕЖИМНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

В статье рассматривается коллизия между надзорными полномочиями прокурора, закреплёнными в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», и требованиями режима, установленного на отдельных объектах военной организации государства. Автор анализирует правовую природу этой коллизии, показывает её конкретные проявления (пропускной и внутриобъектовый режим, работа с носителями информации, применение технических средств, взаимодействие с режимно-секретными подразделениями и органами безопасности) и приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления особенностей прокурорских проверок на режимных объектах. Обосновывается, что отсутствие такой регламентации создаёт риск как необоснованного ограничения надзора, так и нарушения режима защиты государственной тайны.

***Ключевые слова**: прокурорский надзор, военная прокуратура, режимный объект, государственная тайна, режим секретности, прокурорская проверка, надзорные полномочия, защита информации.*

Одной из базовых гарантий эффективности прокурорского надзора является право прокурора беспрепятственно входить на территории и в помещения поднадзорных объектов, иметь доступ к их документам и материалам, а также требовать от руководителей и иных должностных лиц представления необходимых сведений и документов. Это полномочие закреплено в ст. 22 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2] и не содержит каких-либо исключений для объектов с особым режимом функционирования. Конституционной основой данного полномочия выступает ст. 129 Конституции Российской Федерации [1], закрепляющая прокуратуру как единую федеральную централизованную систему.

Между тем значительная часть объектов военной организации государства функционирует в условиях специального режима, установленного в целях защиты государственной тайны, обеспечения безопасности вооружения и военной техники, охраны критически важных объектов. На таких объектах действуют пропускной и внутриобъектовый режим, ограничения на перемещение, требования к работе с носителями информации, ограничения на использование технических средств. Возникает вопрос: распространяются ли эти режимные требования на прокурора, проводящего проверку, и если да, то в каком объёме и на каком правовом основании.

Этот вопрос не получил прямого ответа ни в Законе о прокуратуре, ни в подзаконных актах, регулирующих режим. В результате прокурор, прибывший на режимный объект, оказывается перед необходимостью одновременно соблюдать два нормативных режима: надзорный (предполагающий максимальную свободу доступа) и режимный (предполагающий максимальную ограниченность доступа). Складывающаяся практика, при которой прокуроры действуют «по согласованию» с командованием или режимными подразделениями, не имеет чёткой нормативной основы и не обеспечивает единообразия.

Деятельность специализированных прокуратур, к числу которых относится и военная прокуратура, дополнительно регулируется приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» [10]. Однако этот акт определяет поднадзорность объектов и не касается порядка проведения проверок на режимных объектах.

Целью настоящей статьи является анализ правовой природы данной коллизии, выявление её конкретных проявлений и обоснование предложений по совершенствованию правового регулирования прокурорских проверок на режимных объектах.

© Е.С. Кошкина, 2026.

Научный руководитель: *Коновалова Алла Борисовна* – доцент кафедры уголовного права, процесса и Национальной безопасности, Вятский государственный университет, Россия.

Понятие режимного объекта в контексте прокурорского надзора. Следует сразу отметить, что термин «режимный объект» не является строгим юридическим термином и не раскрывается в Законе о прокуратуре. В отечественной правовой традиции он используется в нескольких значениях.

Во-первых, это объект, на котором установлен режим защиты государственной тайны. Правовую основу составляют Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» [3], Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесённых к государственной тайне» [6], Постановление Правительства РФ от 06.02.2010 № 63 «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» [7], а также ведомственные акты, устанавливающие порядок обращения со сведениями соответствующей степени секретности. В этом значении «режимным» является практически любой объект военной организации, где ведётся работа с секретными сведениями.

Во-вторых, это объект, на котором установлен пропускной и внутриобъектовый режим в связи с особым характером его функционирования — пункты управления, узлы связи, арсеналы, базы хранения вооружения и военной техники, объекты ядерного оружейного комплекса, испытательные полигоны, научно-исследовательские организации военного профиля.

В-третьих, это территория с особым правовым режимом — в первую очередь закрытое административно-территориальное образование, правовой статус которого урегулирован Законом РФ от 14.07.1992 № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» [4].

Для целей настоящей статьи под режимным объектом понимается объект военной организации государства, на котором установлен специальный режим пребывания и деятельности, обусловленный необходимостью защиты государственной тайны, обеспечения безопасности вооружения, военной техники и иных охраняемых объектов. Такая формулировка носит рабочий характер и не претендует на терминологическую строгость; её цель — обозначить круг ситуаций, в которых возникает коллизия надзорного и режимного регулирования.

Отдельно следует подчеркнуть, что сведения о режимных объектах, порядке их охраны и функционирования сами по себе могут составлять государственную тайну. Это объективно ограничивает возможность открытого научного анализа соответствующих вопросов, что, однако, не снимает самой проблемы правового регулирования.

Нормативная основа прокурорских проверок и режимных требований. Полномочия прокурора

Согласно ст. 21 Закона о прокуратуре предметом прокурорского надзора является соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, органами военного управления и иными поднадзорными субъектами [2]. В силу ст. 22 Закона прокурор при осуществлении возложенных на него функций вправе: беспрепятственно входить на территории и в помещения поднадзорных органов; иметь доступ к их документам и материалам; требовать от руководителей и других должностных лиц представления необходимых документов, сведений, справок и объяснений; проводить проверки по поступившим материалам; вызывать должностных лиц и граждан для объяснений [2].

Согласно ст. 6 Закона требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению в установленный срок; неисполнение законных требований прокурора влечёт ответственность, предусмотренную федеральным законом [2].

Формально ни одна из этих норм не предусматривает изъятий для режимных объектов. Это означает, что с точки зрения надзорного законодательства режимные требования не могут служить основанием для отказа прокурору в доступе.

Режимные требования

Режимные требования, напротив, исходят из необходимости ограничения доступа. Они включают:

— пропускной режим — допуск на объект по установленным правилам, с предъявлением документов, оформлением пропуска, при необходимости — с сопровождением уполномоченного представителя;

— внутриобъектовый режим — правила перемещения по территории, доступа в отдельные здания, помещения, зоны;

— режим работы с носителями информации — правила учёта, хранения, копирования, передачи и уничтожения документов, содержащих государственную тайну или служебную информацию ограниченного распространения (Постановление Правительства РФ от 03.11.1994 № 1233) [8];

— ограничения на использование технических средств — фото-, видео-, аудиофиксация, применение личных электронных устройств, средств связи;

— требования к допуску — наличие у лица оформленного допуска к сведениям соответствующей степени секретности [7].

Как видно из этого перечня, режимные требования не сводятся к «организационным неудобствам». Они основываются на охраняемых законом ценностях — безопасности государства, сохранности государственной тайны, безопасности объектов и находящихся на них лиц. Именно поэтому игнорирование этих требований недопустимо не только с позиций ведомственной дисциплины, но и с точки зрения уголовного закона.

Правовая природа коллизии

Коллизия между надзорными полномочиями и режимными требованиями не является следствием ошибки законодателя или пробела в конкретной норме. Она отражает объективное противоречие между двумя принципами.

Первый принцип — принцип беспрепятственности надзора. Он имеет конституционное основание (ст. 129 Конституции РФ) [1], закреплён в ст. 22 Закона о прокуратуре [2] и является условием эффективности надзорной деятельности: если прокурор ограничен в доступе к объекту или документам, надзор как таковой становится декларативным.

Второй принцип — принцип защиты государственной тайны. Он закреплён в Законе РФ «О государственной тайне» [3], конкретизирован в указе Президента РФ [6] и подзаконных актах и является условием безопасности государства.

Ни один из этих принципов не может быть абсолютизирован. Абсолютизация первого ведёт к тому, что режимные требования утрачивают всякое значение, а нахождение прокурора на объекте создаёт угрозу для защищаемых сведений. Абсолютизация второго ведёт к тому, что под предлогом режима создаётся фактическая неподнадзорность отдельных объектов, что противоречит самой сути прокурорского надзора.

Таким образом, задача состоит не в том, чтобы выбрать один из принципов, а в том, чтобы найти сбалансированную правовую конструкцию, в которой оба принципа получают разумную реализацию. Отсутствие такой конструкции в действующем законодательстве и составляет предмет рассматриваемой проблемы.

Конкретные проявления коллизии. Пропускной и внутриобъектовый режим

Наиболее очевидное проявление коллизии связано с пропускным режимом. Прокурор, обладающий правом беспрепятственного доступа, формально не нуждается в оформлении пропуска или сопровождении. Однако на практике без оформления пропуска он фактически не сможет пройти на объект: система физической охраны не различает «беспрепятственный доступ по закону» и «допуск по процедуре». Возникает ситуация, при которой право прокурора существует формально, но не может быть реализовано без согласования с командованием объекта.

Выделяется несколько возможных моделей разрешения этой ситуации. Первая — оформление постоянного пропуска для прокурора в связи с исполнением служебных обязанностей. Такая практика существует, но не закреплена нормативно. Вторая — предварительное уведомление командования о планируемой проверке, при котором пропуск оформляется к определённому моменту; эта модель удобна, но снижает эффект внезапности проверки и не всегда применима при наличии признаков нарушений, требующих безотлагательного реагирования. Третья — допуск по служебному удостоверению с соответствующей записью в журнале посещений; такая модель применяется, но её использование ограничено объектами с наиболее строгим режимом.

Отсутствие единого подхода и нормативно закреплённой модели означает, что конкретный порядок доступа определяется на месте по согласованию сторон. Это порождает неопределённость и создаёт почву для споров.

Работа с носителями информации. Прокурорская проверка неизбежно связана с изучением приказов, служебной переписки, материалов контрольно-ревизионной деятельности, иных документов. Значительная часть этих документов содержит сведения ограниченного распространения либо государственную тайну. Возникают вопросы: имеет ли прокурор право копировать такие документы и в каком объёме; может ли он выносить их за пределы режимного объекта, а если да — по какой процедуре; допускается ли фото- и видеофиксация таких документов; каким образом оформляется приобщение таких документов к материалам проверки; каким образом обеспечивается дальнейшее хранение таких документов в самой прокуратуре.

Ни в Законе о прокуратуре, ни в подзаконных актах о режиме эти вопросы не урегулированы применительно к прокурорским проверкам. Между тем каждый из них имеет практическое значение: ошибка в порядке работы с носителем может повлечь не только процессуальные последствия для самой проверки, но и нарушение режима секретности.

Использование технических средств

В ходе проверок прокуроры всё чаще используют технические средства: фотоаппараты, диктофоны, ноутбуки, планшеты, портативные сканеры. На режимных объектах использование таких средств

может быть ограничено или запрещено. Не урегулированы: возможность применения личных технических средств; требования к служебной технике (наличие сертификации, разрешения ФСТЭК России, соответствие требованиям к работе с носителями); порядок хранения зафиксированной информации; порядок её использования в акте проверки. При этом общие требования информационной безопасности, установленные Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5], предполагают, что прокурор обязан обеспечить сохранность полученных данных, включая предотвращение их утечки.

Взаимодействие с режимно-секретными подразделениями и органами безопасности. Ещё одна проблемная зона — взаимодействие прокурора с режимно-секретными подразделениями и органами ФСБ России. На практике это взаимодействие носит характер, скорее, согласования, чем нормативно урегулированной процедуры. При этом режимное подразделение по определению является носителем информации о правилах доступа и контролирует их соблюдение; органы безопасности обладают собственной компетенцией по защите государственной тайны; между тем прокурорская проверка формально не предполагает обязательного участия этих субъектов. Не урегулированы вопросы уведомления органов безопасности о проводимой проверке, обязательного или факультативного участия их представителей, порядка взаимодействия при выявлении нарушений режима.

Уведомление о проверке и безотлагательные проверки

Ключевой вопрос — нужно ли уведомлять командование о планируемой проверке. Закон о прокуратуре в общем случае не требует предварительного уведомления; прокурор вправе проводить проверки по своему усмотрению. Однако на режимном объекте без уведомления физический доступ может быть просто невозможен. Возникает коллизия между формальным правом и фактической возможностью его реализации. Особый случай — безотлагательные проверки по данным о нарушениях, требующих немедленного реагирования. В этом случае предварительное уведомление неуместно, но именно в этом случае отсутствие заранее оформленного допуска создаёт наибольшие практические сложности.

Судебная и надзорная практика. Судебная практика по оспариванию действий (бездействия) прокуроров при проведении проверок на режимных объектах крайне ограничена. Это объясняется несколькими причинами: сведения о конкретных проверках на режимных объектах часто относятся к информации ограниченного распространения и не публикуются; поднадзорные субъекты — органы военного управления — как правило, не заинтересованы в публичном оспаривании действий прокурора; специфика воинской дисциплины снижает вероятность обращения в суд по таким вопросам.

Тем не менее общие подходы судебной практики по делам об оспаривании действий (бездействия) прокурора, рассматриваемым в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [9], позволяют утверждать: суды в подобных категориях проверяют преимущественно процедурные аспекты, не вдаваясь в содержательные вопросы организации надзора.

Применительно к проверкам на режимных объектах это означает, что судебный контроль не является и не может быть основным способом разрешения рассматриваемой коллизии. Проблема лежит в плоскости правового регулирования, а не правоприменения.

Направления совершенствования правового регулирования. Представляется, что разрешение рассматриваемой коллизии должно идти по нескольким взаимодополняющим направлениям.

1. Законодательное закрепление особенностей прокурорских проверок на режимных объектах. Наиболее радикальный и наиболее эффективный путь — дополнить раздел VI Закона о прокуратуре нормами, определяющими: порядок доступа прокурора на объекты с особым режимом; основания для проведения проверок без предварительного уведомления; пределы применения общих правил внутреннего режима к надзорной деятельности; порядок работы прокурора с носителями информации, содержащими государственную тайну; порядок взаимодействия с режимно-секретными подразделениями и органами безопасности. Такая регламентация позволит одновременно защитить надзорные полномочия от необоснованного сужения и обеспечить сохранность государственной тайны.

2. Разработка типовых форм процессуальных документов — решения о проведении проверки на режимном объекте; акта (справки) о результатах проверки; требований о представлении документов, содержащих государственную тайну; порядка копирования документов и работы с носителями информации; требований к использованию технических средств. Такие документы могли бы быть утверждены приказом Генерального прокурора РФ по согласованию с заинтересованными ведомствами — прежде всего с ФСБ России и Министерством обороны РФ.

3. Уточнение порядка взаимодействия с режимно-секретными подразделениями и органами безопасности — закрепление обязательного уведомления органа безопасности о планируемой проверке (с оговоркой о случаях безотлагательного реагирования); права прокурора требовать присутствия представителя режимного подразделения при работе с носителями информации, содержащими государственную тайну; порядка обмена информацией о выявленных в ходе проверки нарушениях режима.

4. Методические рекомендации по проверкам отдельных категорий режимных объектов. Пункты управления, узлы связи, арсеналы, базы хранения вооружения, объекты ядерного оружейного комплекса, научно-исследовательские организации военного профиля — каждая категория имеет собственную специфику режима. Универсальные рекомендации не могут её учесть.

5. Баланс между публичностью результатов надзора и режимными ограничениями. Акты прокурорского реагирования, содержащие сведения ограниченного распространения, требуют особого порядка доведения до адресатов, исключающего утечку. Соответственно, требуется урегулировать порядок деперсонализации информации при её использовании в аналитических, методических и статистических целях; порядок обобщения и публикации результатов проверок, не содержащих охраняемых сведений; порядок обмена обезличенной информацией между органами прокуратуры.

Заключение. Коллизия между надзорными полномочиями прокурора и режимными требованиями является не технической, а сущностной проблемой правового регулирования. Она вытекает из объективного противоречия между принципом беспрепятственности прокурорского надзора и принципом защиты государственной тайны и безопасности объектов. Оба принципа охраняются законом, и ни один из них не может быть абсолютизирован за счёт другого.

Действующее законодательство не содержит сбалансированной конструкции, разрешающей эту коллизию применительно к прокурорским проверкам. Это порождает неопределённость в практике: порядок доступа прокурора на режимные объекты, правила его работы с носителями информации, использования технических средств и взаимодействия с режимными подразделениями определяются не законом, а фактическими договорённостями на месте. Такое положение недопустимо ни с точки зрения эффективности надзора, ни с точки зрения защиты государственной тайны.

Представляется, что совершенствование регулирования должно идти по двум взаимодополняющим направлениям. Первое — законодательное закрепление особенностей прокурорских проверок на режимных объектах в разделе VI Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», что позволит установить базовые правила, обязательные как для прокуроров, так и для поднадзорных субъектов. Второе — разработка системы подзаконных актов: типовых форм процессуальных документов, порядка взаимодействия с режимно-секретными подразделениями и органами безопасности, методических рекомендаций по отдельным категориям объектов. Реализация этих мер не только снимет существующую неопределённость, но и создаст условия для более эффективного и одновременно более безопасного осуществления прокурорского надзора на объектах, где защита государственной тайны имеет критическое значение.

Библиографический список:

1.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 129.

2.Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп.). Ст. 6, 21, 22, 47.

3.Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (с изм. и доп.).

4.Закон Российской Федерации от 14.07.1992 № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (с изм. и доп.).

5.Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп.).

6.Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесённых к государственной тайне» (с изм. и доп.).

7.Постановление Правительства РФ от 06.02.2010 № 63 «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» (с изм. и доп.).

8.Постановление Правительства РФ от 03.11.1994 № 1233 «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности» (с изм. и доп.).

9.Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (с изм. и доп.). Гл. 22.

10.Приказ Генерального прокурора РФ от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» (с изм. и доп.).

КОШКИНА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА — магистрант Вятский государственный университет, Россия.

Информация для авторов

Журнал «Вестник магистратуры» выходит ежемесячно.

К публикации принимаются статьи студентов и магистрантов, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0, 7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1, 5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи**.

Страницы **не нумеруются**!

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов**.

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле)**:

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название рубрики, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И.В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: magisterjourn@gmail.com
Мы ждем Ваших статей! Удачи!